

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2024 Том 16 № 4

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-4
<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал
Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Воронин С.А., д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Куделин А.А., кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kudelin-aa@rudn.ru

Ответственный секретарь

Попова Е.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Бакри Абу аль-Хассан Мусса, кандидат исторических наук, профессор, Каирский университет, Гиза, Египет

Варику Кулбхушан, профессор, Университет имени Джавахарлала Неру, Дели, Индия

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Губайдуллина М.Ш., доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления, Университет Карлтона, действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук, Оттава, Канада

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры иностранных языков ФГСН, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, специалист Центра просветительской деятельности «Разговоры о важном», Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

Стефанидис И.Д., профессор, Университет имени Аристотеля, Салоники, Греция

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки elibrary.ru, DOAJ, Cyberleninka, индексируются Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история» – периодическое рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов научных исследований ученых из России и различных регионов мира в виде оригинальных научных сообщений, библиографических обзоров.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: 5.6.2 Всеобщая история, 5.6.5 Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.6.7 История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Основные рубрики журнала: история исторической науки, идеи и политика в истории, Восток – Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, история ислама, история Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, к сотрудничеству по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>

Электронный адрес: histj@rudn.ru

Литературный редактор *О.В. Горячева*

Редакторы англоязычных текстов *Т.А. Майкова, А.А. Куделин*

Компьютерная верстка: *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 25.12.2024. Выход в свет 29.12.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 13,48. Тираж 500 экз. Заказ № 1731. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2024 VOLUME 16 NUMBER 4

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-4

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
named after PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey A. Voronin

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

DEPUTY

EDITOR-IN-CHIEF

Andrey A. Kudelin

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: kudelin-aa@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Elena A. Popova

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Members of Editorial Board

Aboualhassan Bakry, Ph.D. in History, Professor, Cairo University, El Giza, Egypt

Inna A. Gvozdeva, Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of the Ancient History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Mara Gubaidullina, Doctor of Science (History), Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Piotr Dutkiewicz, Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration, Carleton University, Ottawa, Canada, member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Narangoa Li, Professor in Australian National University, Canberra, Australia

Lyudmila V. Ponomarenko, Doctor of Science (History), Professor of Department of Foreign Languages, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Kulbhushan Warikoo, Professor, University Jawaharlal Nehru, Delhi, India

Nikolay I. Smolenskiy, Doctor of Science (History), Professor, specialist of the Center for Educational Activities «Conversations about important things», State University of Education, Moscow, Russian Federation

Ioannis Stefanidis, Aristotle University of Thessaloniki, Thessaloniki, Greece

Anatoliy M. Khazanov, Doctor of Science (History), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Index of Science Citation (eLIBRARY.RU), DOAJ, Electronic Library Cyberleninka, Indexing by Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Dimensions.

Aim and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles and review, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>

E-mail: histj@rudn.ru

Review Editor *O.V. Goryacheva*

Translation Editors *T.A. Maykova, A.A. Kudelin*

Layout Designer *I.A. Chernova*

Address of the editorial office:

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА

Мамаева Н.Л. «Личное дело Юй Сюсуна»: к изучению коммунистического движения в Китае 453

Круглова М.С. Торговые отношения империй Сун и Цзинь: контрабанда против эмбарго 463

Корноухова Г.Г. Строительство российской казной Тавризского шоссе в российско-персидском трансграничье в начале XX в. 474

Смертин Ю.Г. Корейский театр масок Понсан Тхальхум: окно в прошлое и гордость настоящего 490

Китинов Б.У. Роль кочевых народов Центральной Азии в продвижении буддизма в Россию 504

СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Комаров А.Н. Влияние всеобщих выборов на трансформацию партийной системы Канады в 1990–2020-е гг. 515

Олюнина И.В. Этнокультурное наследие Беларуси как платформа туристического брендинга 528

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ

Воронин С.А. К вопросу о генезисе и развитии идейно-теоретических аспектов формирования концепций «третьего пути» на Востоке. 542

Солодкова О.Л., Анташева М.С. Хиндутва как фактор объединения и конфронтации в индийском обществе 555

Шаблага А.В., Коёвич С. Процессы сепарации и ирредентизма в Боснии и Герцеговине: история, состояние, перспективы. 568

Зуева Е.Г., Лухнева Ил.-Р.К. Интерпретация идей Г. Бичер-Стоу в романе «Хижина дяди Тома» в контексте концепции «романтического расизма» Дж. М. Фредриксона 587

CONTENTS

ORIENTAL STUDIES

Mamaeva N.L. Yu Xiusong’s personnel files as a historical source in the study of communist movement in China 453

Kruglova M.S. Trade relations between the Song and Jin Empires: smuggling against embargo..... 463

Kornoukhova G.G. The Tauriz wheel road construction in the Russian-Persian transborder region by the Russian treasury at the early 20th century. 474

Smertin Yu.G. Korean Bongsan talchum mask theatre: A window to the past and the pride of the present..... 490

Kitinov B.U. Central Asian nomads in the spread of Buddhism in Russia 504

MODERN WORLD

Komarov A.N. The impact of the federal elections on the transformation of the Canadian party system in 1990–2020 years..... 515

Olunina I.V. Ethnocultural heritage of Belarus as a platform for tourism branding 528

IDEAS AND POLITICS IN HISTORY

Voronin S.A. The genesis and development of ideological and theoretical aspects of the formation of the concepts of the “third way” in the East..... 542

Solodkova O.L., Antasheva M.S. Hindutva as a factor of unification and confrontation in Indian society 555

Shabaga A.V., Kojovic S. Processes of secession and irredentism in Bosnia and Herzegovina: history, status, prospects 568

Zueva E.G., Lukhneva II-R.K. Interpretation of H. Beecher-Stowe’s ideas in the novel “Uncle Tom’s cabin” in the context of G.M. Fredrikson’s concept of “romantic racism” 587

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА ORIENTAL STUDIES

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-4-453-462

EDN: CSRTQS

Научная статья / Research article

«Личное дело Юй Сюсуна»: к изучению коммунистического движения в Китае

Н.Л. Мамаева

Институт Китая и современной Азии (ИКСА РАН), Москва, Российская Федерация

✉ mamaeva_nl@mail.ru

Аннотация. Изучение деятельности выдающихся личностей Китая — одно из направлений китайской историографии, постепенно закрывающей «белые пятна» в истории страны. Российские исследователи в духе времени все чаще обращаются к изучению архивных материалов об известных китайских деятелях. «Личное дело Юй Сюсуна», хранившееся в фондах Российского государственного архива социально-политической истории, — один из основных источников изучения его жизни и партийной работы. Исследовано влияние Юй Сюсуна на исторические события в жизни Китая: создание Коммунистической партии Китая (КПК), единого фронта между КПК и Гоминьданом и др. Уточнены некоторые устоявшиеся характеристики и оценки из истории КПК и национально-революционного движения.

Ключевые слова: Компартия Китая, КПК, история Китая, Чжоу Давэнь, Чэнь Дусю, Коммунистический интернационал, Коминтерн, КИ, Гоминьдан, Российский государственный архив социально-политической истории, РГАСПИ

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию: 28.05.2024; принята к публикации: 22.08.2024.

Для цитирования: Мамаева Н.Л. «Личное дело Юй Сюсуна»: к изучению коммунистического движения в Китае // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 4. С. 453–462. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-453-462>

Yu Xiusong's personnel files as a historical source in the study of communist movement in China

Natalia L. Mamaeva

Institute of China and Modern Asia (ICSA RAS), Moscow, Russian Federation

✉ mamaeva_nl@mail.ru

Abstract. One of the directions in Chinese historiography is a research into life and work of outstanding Chinese political figures that might gradually cover “the blank spots” in the history of China. In the spirit of the times, Russian researchers are increasingly turning to the study of archival materials that shed light on the activism of prominent Chinese political activists. Yu Xiusong's Personnel Files, kept in the collections of Russian State Archive of Socio-Political History, is one of the principal sources on his life and activities. The study looks at Yu Xiusong's involvement in historical events in China — the CPC foundation, the CPC-Kuomintang United Front, etc. — and refines some well-ingrained views on the history of CPC and national revolutionary movement in China. The study also analyses the problem of initial cooperation between the CPC and the Kuomintang, known as the United Front of Progressive Forces based on cooperation between the CPC and the Kuomintang (1922–1927).

Keywords: Communist Party of China, CPC, Yu Xiusong, Zhou Dawen, Chen Duxiu, Communist International, Comintern, CI, Kuomintang, Russian State Archive of Socio-Political History, RGASPI

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 28.05.2024. Accepted: 22.08.2024.

For citation: Mamaeva NL. Yu Xiusong's personnel files as a historical source in the study of communist movement in China. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(4):453–462. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-453-462>

Введение

Развитие коммунистического движения в Китае на начальном этапе происходило при непосредственной помощи СССР. Так, подготовка к I съезду Коммунистической партии Китая (КПК) и образование КПК в 1921 г. осуществлялись с помощью представителей РКП (б) / ВКП (б), Коминтерна, советских дипломатов, советников, государственных деятелей СССР. При этом, советские специалисты стремились учитывать китайскую специфику, одной из характерных черт которой было уважение китайцев к своей истории и ее творцам.

Цель исследования — расширение источниковедческой базы начальных этапов формирования коммунистического движения в Китае, что, несомненно, будет способствовать углублению знания более чем столетней истории КПК, выявлению адекватной картины взаимодействия китайских революционеров с представителями Российской коммунистической партии большевиков / Всесоюзной коммунистической партии большевиков (РКП (б) / ВКП (б)), Коммунистического интернационала (Коминтерна, КИ)

и внешнеполитических ведомств Советской России. В этой связи внимание историографии к изучению «человеческого фактора» представляется в высшей степени полезным и своевременным.

В центре нашего исследования находится личность коммуниста-интернационалиста Юй Сюсуна (русское имя — Нариманов), стоявшего наряду с более известными коммунистами, старшими товарищами, такими как Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Тань Пиншань, Чжан Кай (Чжан Тайлэй), Ли Да, Чжоу Эньлай, Цюй Цюбо и др., у истоков создания КПК. Наша задача не только состоит в получении более подробной информации о жизнедеятельности Юй Сюсуна, но и включает новую постановку вопроса. Речь идет об уточнении интерпретации Юй Сюсуном атмосферы в КПК и ее политике относительно содержания «первого сотрудничества Компартии Китая с Гоминьданом», определении влияния этого сотрудничества на ход исторических событий в жизни Китая, таких, как создание КПК, «единый фронт между КПК и Гоминьданом», внутрипартийная борьба в ВКП (б) и др. Попытаемся выявить особенности этой выдающейся личности. Подчеркнем, что важные события в жизни Китая исследуются как бы изнутри, глазами активного члена КПК из руководящей прослойки, что усиливает объективный характер его позиции в революционных событиях 1920-х гг.

Как следует из «Личного дела» Юй Сюсуна, одной из характерных черт развития коммунистического движения в Китае было его тесное взаимодействие с международным коммунистическим движением [1. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 64, 69].

Отметим, что к 1920 гг. международное коммунистическое движение после создания III Интернационала, первый учредительный конгресс которого состоялся в Москве 6 марта 1919 г., вступило в новый этап. Его характеристика по ряду значительных вопросов резко расходилась с идеями II Интернационала. Так, усилилось идейно-политическое размежевание двух течений рабочего движения: большевизм был противопоставлен реформизму, а идея советской власти — идее парламентаризма. Было осуществлено включение «восточного вектора» в общую схему международного коммунистического движения. Наконец, «решениями по восточному вопросу II конгресс Коминтерна (1920 г.) расширил понимание идеи мировой революции, включив в ее сферу коммунистические и национально-освободительные движения Востока» [2. С. 11–12].

Китайский период деятельности Юй Сюсуна

Специфика революционной деятельности Юй Сюсуна проявлялась при подготовке создания КПК на его учредительном съезде в 1921 г. Имели место также некоторые, мало известные ранее, подробности деятельности Юй Сюсуна во время его пребывания в коммунистических университетах Москвы в течение 1925–1932 гг.

До отправления Юй Сюсуна по решению коммунистического руководства Китая на учебу в коммунистические университеты СССР он, хотя и не имел высшего образования, как Чэнь Дусю, Ли Дачжао и ряд других товарищей, однако, накопил революционный опыт на родине, выделялся преданностью коммунистическим идеалам, высоким уровнем ответственности, осуществлял революционную и партийную работу в различных направлениях. Еще с ранней юности Юй Сюсун проявлял озабоченность положением в стране, в связи с низким уровнем благосостояния китайского народа, особенно крестьян. В 1919 г. практиковался в журналистской деятельности, одновременно занимался аграрными вопросами. С 1920 г. он был редактором партийного журнала «Шанхайский рабочий». В сфере его интересов находились не только крестьяне, но и рабочий класс. Так, в 1920 г. Юй Сюсун поступил на завод, где занимался пропагандой марксистских идей среди рабочих. Проявлял большую активность в организации профсоюзного движения и развития китайского комсомола, в 1922 г. он уже был избран членом ЦК комсомола. Дважды привлекался к суду: в 1920 г. за переводы партийной литературы, в 1924 г. — за участие в митингах.

Особое место в деятельности Юй Сюсуна (Нариманова) занимало участие в распространении в Китае марксизма и создании КПК. В этой связи уместно обратить внимание на его отношение к Октябрьской революции. В своей автобиографии Юй Сюсун обращал особое внимание на значение Октябрьской революции в пробуждении китайского народа [1. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 60, 69], что свидетельствовало о высокой оценке Октябрьской революции для Китая. О степени революционной активности Юй Сюсуна свидетельствует также его информация о том, что еще в средней школе (провинция Чжэцзян) вместе с друзьями-единомышленниками он создал ряд кружков по изучению марксизма, которые позже станут основой формирования единой КПК.

В 1919 г. Юй Сюсун «предпринял неудачную попытку организации собственной партии под названием «Кто не работает, тот не ест»» [1. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001 Л. 64]. Этот факт, по-видимому, мало известен в историографии коммунистического движения в Китае. В 1920 г. Юй Сюсуну вместе с товарищами удалось создать первую партийную ячейку КПК в Шанхае. Он придерживался точки зрения о возможности создания КПК уже в конце 1920 г. В «Личном деле», во всех своих анкетах, отчетах Юй Сюсун пишет о необходимости создания КПК именно в 1920 г. Согласно российской историографии, с начала 1920 г. в ряде провинций Китая с помощью посланца Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ) Г.Н. Войтинского (Зархин) и его группы осуществлялась практика создания в различных провинциях групп (кружков) по изучению марксизма — с перспективой создания на их базе социалистической или Коммунистической партии Китая.

В «Личном деле» Юй Сюсуна (Нариманова) не получила должного отражения организационно-пропагандистская помощь в создании КПК (1921 г.) со стороны Отдела народов Востока Сибирского бюро (Сиббюро) ЦК РКП (б) и Иностранного отдела Дальневосточного бюро ЦК РКП (б) во Владивостоке. В российской историографии представлена точка зрения, основанная на изучении архивных материалов о созыве в Шанхае в июне 1920 г. специального совещания, на котором была создана самая первая в Китае коммунистическая группа (в китайской историографии она получила название «самой ранней в стране Коммунистической партии») [3. С. 335–336]. Видимо, это совещание имел ввиду Юй Сюсун, говоря о создании КПК и своем вступлении в Коммунистическую партию в 1920 г.

Секретарем коммунистической группы в Шанхае стал Чэнь Дусю. В работе совещания участвовали Чэнь Дусю, Ли Ханьцзюнь, Юй Сюсун, Шэнь Сюаньлу, Ши Цуньтун, Чэнь Гуньбо. Был принят проект программы из 10 пунктов (установление диктатуры пролетариата, производственное кооперирование и т.д.). С точки зрения российских историков, совещание заложило основы будущей КПК [4. С. 155]. В Автобиографии и других документах «Личного дела» точка зрения Юй Сюсуна на дату образования КПК — 1920 г. — не менялась.

Участие Юй Сюсуна в работе III конгресса Коминтерна — свидетельство его растущего авторитета в рядах коммунистически ориентированных китайских революционеров. Он активно участвовал во всех важных событиях, вовлекающих Компартию в национальную революцию и разрабатывающих специфические черты партийной политики. На первом месте событий внутреннего порядка стояла позиция сближения КПК с Гоминьданом в форме вступления коммунистов в Гоминьдан при сохранении членства в Компартии Китая. Поддержка членами КПК этого важного, не имевшего в истории страны прецедента, имела большое значение в деле укрепления как КПК, так и Гоминьдана. Нариманов и здесь был в первых рядах. По решению руководства КПК в 1922 г., он вступает в Гоминьдан. По мнению лидера Гоминьдана Сунь Ятсена, поддержавшего эту необычную политику, коммунисты, вступившие в Гоминьдан, влили в него новую кровь, оживили и омолодили эту партию, способствовали победе национально-революционного движения над северными милитаристами, объединению Китая и утверждению национального суверенитета. В 1924 г. Юй Сюсун стал секретарем губкома Гоминьдана в провинции Чжэцзян. Много времени посвящал работе в вооруженных силах Кантонской армии. В 1923–1924 гг. работал в Генштабе, в 1925 г. был членом обкома КПК в Шанхае и одновременно секретарем райкома Гоминьдана. Таким образом, Юй Сюсун поддержал КПК не только на словах, но — на деле, что было не каждому по плечу.

Подытоживая деятельность Юй Сюсуна, его профессиональный и управленческий опыт в китайский период жизни и деятельности, подчеркнем, что

будучи одним из основателей КПК и Коммунистического союза молодежи Китая (КСМК), секретарем Шанхайской партийной и комсомольской организаций, редактором журнала «Шанхайский рабочий» и на других должностях, проявил себя с лучшей стороны, убежденным коммунистом, защитником директив Коминтерна, направленных против оппортунистов и уклонов в КПК.

Юй Сюсун в советский период жизни и деятельности

В 1925 г. заканчивается китайский период жизни и деятельности и начинается новый советский период, в который он вступает уже сформировавшимся руководителем, коммунистом-интернационалистом, имеющим за плечами значительный опыт партийной работы.

На стадии разработки политики единого фронта коммунистическое руководство посылает в 1925 г. Юй Сюсуна как активного и опытного руководителя и секретаря фракции КПК в Гоминьдане учиться в Москву, сначала — в Китайском университете трудящихся Востока, затем в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена. В коммунистических университетах он получает общее и партийное образование. В 1926 г. вступает в члены ВКП (б). В Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (УТК) занимал должности председателя студенческой организации и члена бюро ячейки ВКП (б). Постоянно являлся секретарем фракции КПК в Гоминьдане. Вышел из Гоминьдана в 1927 г. после разгрома гоминьдановской реакцией единого фронта Гоминьдана и КПК [1. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 9].

Юй Сюсун с успехом прошел курс обучения — получил общее и партийное образование, которых он не имел и поэтому считал необходимым пройти сложный этап приобщения к знаниям, включая изучение марксизма. Процесс обучения иностранных студентов в Советском Союзе уже функционировал и развивался хорошими темпами. Напомним основные коммунистические университеты в СССР: КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока), 1925 г., УТК (1925–1928 гг.), КУТК (Коммунистический университет трудящихся Китая, 1928–1929 гг.), МЛШ (Международная ленинская школа). Юй Сюсун изучал марксизм-ленинизм ответственно, как и его коллеги — студенты коммунистических университетов, что было свойственно китайским революционерам того времени.

Между тем, обострение внутрипартийных противоречий в ВКП (б) невольно втягивало в свою орбиту и китайских студентов, в т.ч. Юй Сюсуна, его коллегу Чжоу Давэня (Чугунов) и др. Будучи человеком прямым, Нариманов открыто выступал против фракционности, вел борьбу с троцкизмом, выступал против правых и внутри ВКП (б) и КПК. Разоблачая троцкистов, обратил на себя особое внимание П.А. Мифа и других советских партийных деятелей.

Уровень внутрипартийных разногласий и противоречий в коммунистических университетах был довольно высоким и отличался жесткостью,

непримиримостью и сопровождался чрезвычайными мерами. В это колесо, к несчастью, попал Юй Сюсун. Он неоднократно открыто указывал «на тяжелую ситуацию в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена, где за одно слово готовы обвинить в контрреволюции». Он считал, возможно, справедливо, что к 1928 г. в Университете им. Сунь Ятсена сложилась ненормальная атмосфера [1. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 7, 60–61].

Вскоре появились претензии к Нариманову, можно сказать, что они были в значительной степени инициированы П.А. Мифом — профессором и ректором КУТК, деятелем ВКП (б) и Коминтерна. Вообще обвинения носили многослойный характер. 9 марта 1928 г. П.А. Миф вызвал к себе Юй Сюсуна и Чжоу Давэня (Чугунов) и предъявил им обвинения во фракционной борьбе в УТК, а также в связях с бывшим лидером КПК Чэнь Дусю и Тань Пиншанем, вместе с которыми, как было заявлено Наримановым, он принимал участие в создании КПК. Юй Сюсун не отрицал свое знакомство и совместную работу с Чэнь Дусю в период создания КПК, более того, он ходатайствовал за Чэнь Дусю перед Мифом и не скрывал своего мнения о том, что после снятия Чэнь Дусю в КПК никто не может быть вождем, только коллективное руководство [1. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 29]. Необходимо отметить, что на тот период среди китайских коммунистов действительно не оказалось руководителя, авторитетного и способного вывести партию из кризиса. Защищаясь от большинства несправедливых нападок, в т.ч. связанных с сотрудничеством с Гоминьданом (связи с Цзян Цзинго — Елизаровым, сыном Чан Кайши, Дай Цзитао и некоторыми другими), Юй Сюсун выражал искреннее недоумение и задавался вопросом: на каком основании обычное общение, не затрагивавшее политику, может вменяться в вину. Следует отметить, что наиболее нелепые обвинения касались связей Юй Сюсуна с настоящими или бывшими гоминьдановцами. Обвинения подобного рода свидетельствовали в первую очередь о некомпетентности обвинителей, мало знакомых с партией Гоминьдан и игнорировавших немалую долю положительных результатов политики единого фронта.

Тем не менее, как следует из «Личного дела» Юй Сюсуна, выполняя решение КПК о сотрудничестве с Гоминьданом, начиная с 1925 г., т.е. по мере усиления в этой партии антикоммунистических настроений, он неоднократно предпринимал открытую критику Гоминьдана [1. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 42–43]. Таким образом, используемый нами документальный материал дает информацию об усилении уже с начала 1920-х гг. недоверия между партиями, которое в 1930-х — 1940-х гг. имело тенденцию к усилению и сыграло роковую роль в ликвидации революционного процесса в Китае второй половины 20-х гг. XX в.

Честно отвечая на вопросы в различных комиссиях, расследующих так называемое дело Нариманова, Юй Сюсун подчеркивал отсутствие в ходе его контактов политического контекста. Собственно говоря, сам Миф временами отмечал факт недоказанности предъявляемых обвинений; имела место

после 1928 г. неуверенная поддержка Нариманова со стороны Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП (б) и со стороны Интернациональной контрольной комиссии (ИКК). Однако, с переходом Нариманова в МЛШ напор со стороны оппонентов усилился.

Более серьезная критика содержалась в обвинениях, касающихся, якобы, имевших место связей Нариманова с созданной в СССР «Ассоциацией солидарности», связанной с троцкистами. 3 января 1930 г. в одном из обвинительных документов МЛШ зафиксировано, что Нариманов не имел уклонов, однако был членом «Ассоциации солидарности», и что перед партийными органами он отрицал наличие этой группировки. Главное обвинение заключалось в имевшей, якобы, место принадлежности Юй Сюсуна к нелегальной политической организации «Землячество» (Цзянсу — Чжэцзян), которая, по мнению обвинителей, существовала в коммунистических университетах и действовала в блоке с троцкистами. Из письма Юй Сюсуна в бюро ячейки при МЛШ следовало, что Юй Сюсун не имел никакого отношения к «Землячеству».

Ретроспективный взгляд на эту трагическую историю коротко можно обозначить следующим образом: советским руководителям в коммунистических университетах не следовало вовлекать во внутренние разногласия ВКП (б) китайских коммунистов, которые в силу своей молодости и недостатка теоретических знаний вряд ли вполне адекватно оценивали ситуацию. С другой стороны, советские участники этих событий, в свою очередь, также недостаточно знали Китай и не всегда адекватно оценивали взаимоотношения между партиями и их руководителями.

В конечном итоге обвинения поддержала ИКК Коминтерна по следующим параметрам: в организации Юй Сюсуном «Землячества», в троцкизме, в связях с правыми уклонистами. Между тем, по словам Нариманова, еще до объявления борьбы против правых уклонистов он выступал против лидеров правых в ВКП (б), особенно по китайскому вопросу, в т.ч. против Н.И. Бухарина. В Заявлении Юй Сюсуна в ИКК содержались яростная защита своих позиций, выдвигалось обвинение оппонентов в клевете, утверждение о непричастности к фракционной борьбе. Юй Сюсуна сняли с работы в МЛШ Коминтерна в 1932 г., в 1935 г. его направили в Хабаровск.

По просьбе генерала Шэн Шицая, занимавшего должность начальника штаба Синьцзянского военного округа, по сути независимого правителя Синьцзяна, в целях выполнения программы социально-экономического развития округа (подготовленной с участием советских советников) и укрепления власти китайского руководства над мусульманскими группировками, из СССР в Синьцзян выехали для оказания помощи 25 кадровых работников-китайцев, среди которых находился и Юй Сюсун. Он стал одним из руководителей Синьцзянского общества борьбы с империализмом, главным редактором издания «Антиимпериалистический фронт» и ректором Синьцзянского института.

Однако и в Синьцзяне Юй Сюсуна настигло прошлое, связанное с критикой его политической деятельности, с клеветническими заявлениями оппонентов, имевшими место в годы его учебы и работы в коммунистических университетах Москвы, особенно в МЛШ. В беседе Шэн Шицай с Кан Шэном и Ван Мином, состоявшейся в Урумчи в середине ноября 1937 г. в ходе возвращения Кан Шэна и Ван Мина из Москвы в Китай, Кан Шэн и Ван Мин, имевшие перед отъездом из Москвы беседу с И.В. Сталиным, заявили Шэн Шицаю о необходимости борьбы с троцкистами в Синьцзяне. Шэн Шицай не знал, кто из 25 китайцев является троцкистом. Он показал фотографии 25 китайцев Кан Шэну. В результате из 25 китайцев, кроме одного, все оказались в списке троцкистов, в т.ч. и Юй Сюсун. Вскоре его как «троцкиста» арестовали и в 1938 г. передали советским карательным органам. Юй Сюсун подвергся суровым испытаниям и умер в тюремных стенах в период массовых репрессий в СССР [1. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 41].

Заключение

То, что произошло с Юй Сюсуном, не единичный случай в советско-китайских отношениях. Не останавливаясь подробно на этой трагедии и одновременно резко осуждая подобную практику, мы не забываем и другую сторону отношений между КПК и ВКП (б), Коминтерном и Советским Союзом. Помощь Китаю от ВКП (б), КИ, СССР в идейной и материально-финансовой областях, а также в других направлениях оказалась целесообразной и положительно воспринятой китайской стороной как при подготовке созыва Первого (Учредительного) съезда Компартии Китая, так и в ходе дальнейшего развития КПК. Руководители партии, прежде всего Мао Цзэдун, придали концепции китайской революции специфический характер, что позволило учесть китайскую историческую специфику и обеспечить долгожительство КПК, которая в 2021 г. отмечала свое столетие.

Юй Сюсун (Нариманов) был одним из первых китайских коммунистов, кто играл видную роль при разработке и, особенно, при реализации политики КПК, начиная с проведения 1-го съезда Компартии Китая в 1921 г.

«Личное дело» Юй Сюсуна показывает его активное участие в формировании и развитии политики единого фронта — исторического события, не имевшего в те годы аналога. Документы свидетельствуют о принадлежности Юй Сюсуна к редкой категории политических и революционных деятелей, а именно первопроходцев от революционной теории к революционной практике. Именно Юй Сюсун после вступления в Гоминьдан в 1922 г. стал в 1925 г. членом обкома КПК в Шанхае и одновременно секретарем райкома Гоминьдана, руководителем и секретарем фракции Компартии Китая в Гоминьдане на постоянной основе. Эти конкретные сведения расширяют прежние представления о содержании и значении единого фронта

в революционной практике, свидетельствуют о наличии в революционном движении представлений об исторической специфике революционного процесса в Китае. О широте взглядов Юй Сюсуна свидетельствовало и его вступление в члены ВКП (б) в 1926 г.

Разносторонний характер незаурядной личности Нариманова проявлялся в конкретной направленности его деятельности. Помимо единого фронта, значение которого в истории Китая трудно переоценить, совершенно очевидно его внимание к роли военного фактора в истории Китая. В 1924 г. Юй Сюсун работал в вооруженных силах Кантонской армии; в 1923–1924 гг. — в должности сотрудника Генерального штаба.

Следует отметить, что и в кадровом вопросе точка зрения Юй Сюсуна демонстрировала взвешенный подход, включая проблему лидерства в КПК и роли руководителя КПК Чэнь Дусю в подавлении гоминьдановской реакцией революционного движения 1920-х гг. Способности к аналитическому подходу и наличие опыта революционной и политической работы позволили Юй Сюсуну еще в китайский период его деятельности увидеть и предвидеть зарождение и усиление недоверия между основными политическими партиями Китая: КПК и Гоминьданом. В результате Компартия Китая в своей революционной практике смогла минимизировать развитие конфликтных ситуаций и использовать в должной мере результаты деятельности единого фронта как события, объединяющего национальное и коммунистическое движения и страну в целом. Внимательное прочтение и изучение деятельности Юй Сюсуна, его влияния на исторические события внутреннего и внешнего плана ставят его в ряды выдающихся личностей революционного периода истории Китая 1921–1949 гг., подводят к выводам о целесообразности дальнейшего развития в историографии тематики подобного рода.

Список литературы

1. Личное дело Юй Сюсуна // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001.
2. *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан 1919–1929. М. : РОССПЭН, 1999. 375 с.
3. Китайская компартия на III Конгрессе Коминтерна (Доклад Китделегации) // Народы Дальнего Востока. Иркутск, 1921. № 13. С. 321–336.
4. Китайская Республика (1912–1949). Т. VII // История Китая с древнейших времен до начала XXI века : в 10 томах. М. : Наука — Восточная литература, 2013. 864 с.
5. *Сотникова И.Н.* Китайский сектор Коминтерна: организационные структуры, кадровая и финансовая политика 1919–1943. М. : Наука — Восточная литература, 2015. 408 с.

Информация об авторе:

Мамаева Наталья Леонидовна — доктор исторических наук, научный руководитель — главный научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Институт Китая и современной Азии (ИКСА РАН), Российская Федерация, 117977, Москва, Нахимовский пр.-т, д. 32, e-mail: mamaeva_nl@mail.ru ORCID: 0000-0003-1258-9046. SPIN-код: 1680-3922.

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-4-463-473

EDN: EQVRDE

Научная статья / Research article

Торговые отношения империй Сун и Цзинь: контрабанда против эмбарго

М.С. Круглова

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург,
Российская Федерация

✉ mashakruglova999@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена ростом общественно-политического интереса к северо-восточным территориям Китая в части исторических предпосылок их экономической и политической связи с традиционным Китаем. Цель исследования — выявление особенностей торговых взаимодействий чжурчжэней и китайцев в период империй Сун (960–1279 гг.) и Цзинь, в том числе контрабандной торговли. В научной литературе в основном представлена политическая и военная сторона отношений Сун и Цзинь, и говорится, что торговля между двумя государствами пресекалась. Однако на протяжении всего существования империй торговля играла основополагающую роль в их отношениях. В силу особенностей полукочевое хозяйство торговля с соседними государствами была одним из основных условий существования империи Цзинь, но основным торговым партнером всегда оставалась Империя Сун. На основе таких источников, как Цзинь-ши, Сун-ши и Сун Хуэйяо Цзигао, выявлены основные особенности торговли двух империй, предметы торговли, а также факторы, позитивно и негативно влиявшие на торговые отношения. Основными предметами торговли были лошади, продукты животноводства, чай, зерно и соль. После завоевания северного Китая империей Цзинь и начала ее политического противостояния с Южной Сун, правительство Южной Сун ввело запрет на торговлю с чжурчжэнями. Введенные ограничения стимулировали переход к механизмам неформального торгового обмена, значительно возросла роль контрабандных сделок.

Ключевые слова: чжурчжэни, средневековый Китай, контрабандная торговля

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00659 <https://rscf.ru/project/23-18-00659/>, ИЛИ РАН.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Круглова М.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 15.05.2024; принята к публикации 26.08.2024.

Для цитирования: *Круглова М.С.* Торговые отношения империй Сун и Цзинь: контрабанда против эмбарго // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 4. С. 463–473. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-463-473>

Trade relations between the Song and Jin Empires: smuggling against embargo

Maria S. Kruglova

Institute for Linguistic Research of Russian Academy of Sciences, *Saint-Petersburg*,
Russian Federation

✉ mashakruglova999@gmail.com

Abstract. The growing socio-political interest to the northeastern territories of China in terms of the historical prerequisites for their economic and political connections with traditional China defines the scientific interest the article. The purpose of the presented study is to identify the main trade features between the Jurchen and the Chinese during the Song (960–1279) and Jin periods, with an emphasis on smuggling trade. The research literature mainly presents the political and military side of the relationship between the Song and Jin, emphasizing that trade between the two states was suppressed. However, trade played a fundamental role in the relations between the two empires. Due to the characteristics of the semi-nomadic economy, trade with neighboring states was one of the main conditions for the existence of the Jin Empire. The Jin Empire traded with its neighbors throughout its existence, but the Song Empire always remained its main trading partner. Based on such sources as Jin-shi, Song-shi and Song Huiyao Jigao, the main features of trade of the two empires, trade items, as well as factors that positively and negatively influenced trade relations between the two countries were identified. The main items of trade were horses, livestock products, tea, grain and salt. After the conquest of northern China by the Jin Empire and the beginning of its political confrontation with the Southern Song, the Southern Song government imposed a ban on trade with the Jurchens. The restrictions introduced stimulated the transition to mechanisms of informal trade exchange, and the role of smuggling transactions increased significantly.

Keywords: Jurchen, medieval China, smuggling trade

Funding. The research was supported by Russian Science Foundation, project No. 23-18-00659, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00659/>, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received 15.05.2024. Accepted 26.08.2024.

For citation: Kruglova MS. Trade relations between the Song and Jin Empires: smuggling against embargo. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(4):463–473. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-463-473>

Введение

Кочевое чжурчжэньское государство Цзинь было образовано в 1115 г. н.э. на территории современного Северо-Восточного Китая. Из-за ограничений северного климата и других природных условий многие товары необходимо было получать из-за границы. В то же время некоторые товары, производимые в Цзинь, могли идти на экспорт. Таким образом, чтобы скорректировать избыток и дефицит, постепенно развивалась торговля между государством Цзинь и окружающими режимами.

Основные исследования чжурчжэней и империи Цзинь фокусируются на становлении государства и его захватнических войнах [1–4]. Экономическая система государства Цзинь также представляла интерес как для российских, так и западных исследователей. М.В. Воробьев уделяет внимание торговому взаимодействию чжурчжэней и их соседей до образования государства Цзинь [5. С. 94–104] и после 1115 г. [5. С. 243–257]. Определенные результаты достигнуты в исследованиях финансовой и денежной систем чжурчжэней и государства Цзинь [6], а также денежном обращении в Маньчжурии и Приморье с древности до монгольского нашествия [7]. Отдельная группа работ сосредоточена на культурном и институциональном взаимодействии китайцев, киданей, чжурчжэней и тангутов [8; 9]. Зарубежные авторы в основном исследуют политические и военные союзы того периода, раскрывают особенности политического и военного взаимодействия в рамках треугольника Ляо — Сун — Цзинь [10–12]. Отдельные работы затрагивают вопрос о взаимодействии Цзинь и государства Корё [13]. Некоторые аспекты торговых отношений Сун и Цзинь также интересовали западных исследователей [14].

Цель исследования — выявление особенностей торговых взаимодействий чжурчжэней и китайцев в период Сун (960–1279 гг.) и Цзинь, в частности контрабандной торговли.

Источниковая база исследования представлена китайскими хрониками и сборниками документов того периода, основные из которых Цзинь-ши, Сун-ши, а также сборник документов периода Сун (*Сун хуйяо цигао*). Однако интересующая нас информация представлена в источниках довольно фрагментарно, так как составители хроник не ставили себе задачей фиксировать торговые контакты стран. Интерес для нас представляют те фрагменты, где речь идет об издании новых постановлений, запрещающих тот или иной вид торговли, а также свидетельства нарушений уже имеющихся правил.

Становление торговых отношений Цзинь и Сун

Торговля между государствами Цзинь и Сун, вероятно, зародилась в период Цзяньлун (960–963 гг.) государства Северная Сун. «С момента восшествия на престол императора Цзяньлуна чжурчжэни путешествовали через море из Сучжоу в Дэнчжоу, чтобы продавать лошадей» [15. Цз. 3]. Конный

торговый путь между чжурчжэнями и Северной Сун превратился в канал связи между этими двумя государствами. После того, как лидер чжурчжэней Агуда (1068–1123) восстал против Ляо, которому они подчинялись до этого момента, и провозгласил себя императором в 1115 г., правительство Северной Сун попыталось объединиться с чжурчжэнями, чтобы уничтожить царство Ляо и вернуть себе территорию Яньюнь, ранее принадлежавшую Империи Тан. Весной второго года правления Сюаньхэ (1120 г. н.э.) правительство Северной Сун послало Чжао Лянси в Цзинь, чтобы обсудить с Агудой борьбу с Ляо, и предложило: «после того, как вопрос будет решен, к востоку от Югуаня следует создать госмонопольный рынок»¹ [15. Цз. 4]. Это было первое официальное торговое соглашение Цзинь и Сун.

Однако Сун не была единственным торговым партнером Цзинь, чжурчжэни активно торговали с Ляо [16. Цз. 134] и государством Корё. Корё располагалось «к востоку от реки Ялу, к югу от дороги Илань и до самого моря на юго-востоке» [16. Цз. 135; 17. С. 314].

Государство Цзинь также имело относительно тесный торговый обмен с некоторыми окружающими племенами, такими как *хуэйхэ* [18. Цз. 1]. Когда народ Цзинь завоевал Шэньси, *хуэйхэ*, которые жили в Циньчуане во времена Северной Сун, были переселены в Яньшань, что обеспечивало благоприятные условия для торговли между *хуэйхэ* и Цзинь [19].

Кроме государств Сун, Ляо и Сун, чжурчжэни вели торговлю с соседними военными государственными образованиями, а основными продуктами торговли были ткани, фрукты, лекарственные материалы и книги. В целом области внешней торговли Цзинь были относительно обширными.

Основные предметы торговли

После становления государства Цзинь животноводство постепенно превратилось в важнейшую отрасль производства государства Цзинь. Однако известные нам источники ничего не говорят о внутреннем производстве. Напротив, исторические материалы часто свидетельствуют о покупке государством Цзинь продукции животноводства у соседних царств, таких как Сися. Например, в июне второго года Дадин (1162 г. н.э.) Шицзун «отправил (Бай) Янь Цзина на северо-западную дорогу, чтобы набрать лошадей, и получил более 6000 лошадей» [5. Цз. 84]. «В третий год Дадина Шицзун опять послал на лошадиный рынок Государства Ся» [16. Цз. 50]. Поскольку лошади являются важным военным товаром, власти Цзинь и Сун строго запрещали экспорт лошадей друг другу после нападения чжурчжэней на Китай. Закон

¹ Госмонопольный рынок *цюэчан* (榷场) — во времена Сун, Ляо, Цзинь и Юань приграничные рынки для торговли с соседями; такие рынки находились под государственным управлением, с частных торговцев взимался налог или комиссия, либо требовалось специальное разрешение на торговлю.

Цзинь предусматривал, что «любой, кто продает лошадей за пределами страны или имеет намерение их продать, будет наказан смертью» [16. Цз. 12]. В постановлениях Южной Сун (1129–1276) говорилось, что «торговцы из Цзинси² и Хубэя, которые вывозят чай из страны на волах и лошадях, будут наказаны смертью» [20. Цз. 35]. Здесь мы видим, что даже как транспортное средство лошадь не должна была покидать границы Сун. Запрет на торговлю лошадьми между двумя сторонами был очень строгим. В противостоянии Цзинь и Сун преимущество в количестве боевых лошадей означало в определенной степени преимущество в военной мощи. Правители Сун использовали все возможные средства, чтобы отобрать лошадей у противника. Поскольку оба государства ввели запрет на торговлю лошадьми, можно сделать вывод, что торговля лошадьми между империями Цзинь и Сун велась посредством контрабанды. Стоит оговорить, что о торговле другими видами животных, а также продуктами животноводства, почти неизвестно. Возможно, это объясняется тем, что в основном мы имеем дело с запретительными документами обоих государств, а не с постановлениями, как-то регламентирующими законную торговлю.

Основная масса чая в Цзинь попадала из Сун, соответственно чай был одной из основных торговых статей между Цзинь и Сун. Некоторые сорта чая попадали в Цзинь путем рыночной торговли, а некоторые провозились контрабандой.

Хотя объем торговли чаем между Цзинь и Сун четко не зафиксирован, предполагается, что он был велик. В ноябре шестого года правления Тайхэ (1206 г. н.э.) министр сообщил в докладе, что стоимость покупки чая во эпоху Цзинь составляла «не менее одного миллиона лянов в год» и что «в сегодняшних провинциях Хэнань и Шэньси насчитывается более 50 уездов, и ежедневная норма чая в этой округе составляет 20 мешков» [16. Цз. 49]. Согласно этому заявлению, жители Цзинь потребляли более тысячи мешков чая каждый день.

Сорта чая, которыми торговали в период Цзинь и Сун, точно не известны, но знаменитые чаи из Южной Сун попадали в Цзинь. В июле второго года правления Шаоси (1191 г. н.э.) Ни Си, посланник государства Южная Сун, привез в Цзинь чай Цзяньча, Лунтуань, Фэнтуань и другие высококачественные сорта чая [26. С. 103–304]. Известно, что не только высокопоставленные лица употребляли знаменитые чаи, чай доходил и до простых людей, но скорее всего он был контрабандный [22].

Несмотря на то, что правительство Цзинь позволяло открыто продавать соль Южной Сун, этот товар ввозился в Сун в больших количествах контрабандой.

² Провинция Цзинси занимала территорию нынешней пров. Хэнань к западу от Лояна и к югу от р. Хуанхэ.

При этом в Сун были и свои запасы соли, поэтому чтобы защитить их, правительство Южной Сун неоднократно издавало приказы запретить вывоз соли. 7 августа девятого года правления Чуньси (1182 г. н.э.) чиновник Хуан Цяян сделал предостережение: «Обход запрета на продажу соли будет строго караться, отныне каждый, кто осмелится продать соль сам или подарить ее другим, сколько бы она ни стоила, будет наказан по закону и не будет помилован» [23. Кн. 135]. Правительство Южной Сун неоднократно подчеркивало, что контрабанда соли не допустима, что свидетельствует о том, что контрабанду соли в то время было не остановить.

Что касается торговли зерном, то со времен империй Тан и Северной Сун общая тенденция заключалась в основном в отправке больших объемов зерна с юга, особенно из дельты реки Янцзы на север. Южная Сун и Цзинь продолжили эту традицию. Конечно, из-за политического противостояния между Цзинь и Сун правительство Южной Сун не могло разрешить транспортировку зерна в государство Цзинь по законным каналам. Таким образом, торговля зерном между этими двумя государствами была невозможна, и в этот период в основном велась контрабанда, объем сделок был очень большим. В июле четвертого года Цзяньян (1130 г. н.э.) Линь Биндэ, цзиньши³ из Минчжоу, отметил, что, поскольку рис и пшеница в царстве Цзинь были очень дорогими, продажа зерна была прибыльной [24. Цз. 35]. Следовательно, масштабы производства были очень высоки. Контрабанда зерна из Южной Сун в Цзинь была крупномасштабной и приносила большую прибыль.

Были случаи, когда зерно и из государства Цзинь попадало в Южную Сун. В «Истории династии Сун» записано, что осенью седьмого года правления Цяньдао (1171 г. н.э., одиннадцатый год правления Дадин династии Цзинь) империя Цзинь также перевозила зерно на продажу в Южную Сун. В провинции Хунань и других местах был сильный голод: «Люди Цзинь переправляли пшеницу на северный берег реки Хуайхэ и обменивали его на медные монеты» [20. Цз. 67]. Это был способ получить медные монеты, которых в тот период Цзинь был сильный дефицит, что объективно не могло не сыграть позитивной роли в развитии торговли зерном.

Контрабандная торговля

Как мы отмечали выше, торговля контрабандой была важной частью товарного обмена между Цзинь и Сун. Исследование этого феномена частично нашло отражение на страницах работ китайских исследователей [17; 25].

Различные ограничения на рыночную торговлю в период Цзинь и Южной Сун препятствовали обмену товарами между севером и югом, что спровоцировало и усилило контрабандную деятельность. Цзинь и Сун,

³ Высшая образовательная степень чиновника в традиционном Китае.

ввели строгие ограничения на рыночную торговлю. Например, законы Южной Сун предусматривали, что купцы с севера и юга не могли встречаться напрямую для совершения сделок, а сделки мог проводить только *яжэнь*⁴, который выступал в качестве посредника, что значительно снижало эффективность товарных перевозок. Кроме того, власти Южной Сун также строго ограничивали количество торговцев, которые могли пересекать реку Хуайхэ, оговаривали порядок пересечения реки Хуайхэ, количество и тип продаваемых товаров и даже время пребывания торговцев на рынке. Очевидно, это не способствовало развитию рыночной торговли. Закономерно контрабанда стала важным средством уклонения от официального надзора, упрощения процедур транзакций и повышения эффективности торговли.

Высокие налоги, взимаемые с торговцев, вынуждали торговцев заниматься контрабандой. Правительство Цзинь придавало большое значение налоговому управлению рыночной торговлей и взимала с торговцев постоянный входной налог и налог на перевозки и сделки.

В Южной Сун более серьезнее относились к налогообложению торговцев, чем в Цзинь. Правительство Сун назначало достаточно высокую налоговую пошлину, начиная с 11 % прибыли [23. Кн. 136]. На деле, конечно, налоги были сильно выше. Столкнувшись с такими высокими налогами, торговцы, естественно, прибегли к контрабанде.

Длинная сухопутная граница между территориями Цзинь и Сун способствовала контрабандной деятельности. На втором году правления императора Сицзуна (Цзинь) (1142 г. н.э.) Цзинь и Сун заключили мир, и линия от середины реки Хуайхэ до Дашаньгуаня стала разделительной линией между территориями государств Цзинь и Сун. Учитывая реальную ситуацию того времени, было очевидно, что ни Цзинь, ни Сун не могли охранять весь участок границы. 12 февраля пятого года правления Чуньси (1178 г. н.э.) чиновник из Цзинь по имени Чжан Тинчжао объяснил причину контрабанды соли на границе между Цзинь и Сун тем фактом, что на границе существует множество неконтролируемых дорог [23. Кн. 135]. Кроме того, река Хуайхэ сама по себе невелика, и ее легко пересечь на маленьком частном транспорте. В записи от 17 мая двенадцатого года правления Шаосин (1142 г. н.э.) говорится: «Вдоль реки Хуайхэ поселения Цзыян и Чу находятся на востоке, а Гуан и Шу на границе, а на западе территория не контролируется. И на оставшихся участках границы ее никто не контролирует, и когда снижается уровень воды и появляются камни, там становится мелко и этого достаточно, чтобы перебраться через реку пешком» [23. Кн. 140]. Очевидно, что удобные географические условия предоставляют больше возможностей для контрабанды. Небольшие дороги на границе между территориями Цзинь и Сун и мелководные участки реки Хуайхэ стали важными маршрутами для контрабандистов.

⁴ 牙人 — комиссионер, торговый посредник.

В Цзинь была установлена система обмена послами с соседними государствами. Они отправляли послов друг к другу для общения по государственным делам. Посланники обладали особым статусом и могли провозить контрабанду почти неконтролируемо. Ввиду геополитических проблем, войн и других факторов, обмен посланниками между Цзинь и Сун был достаточно частым. Как раз в этот период, после мирного договора 1141 г., проблема провоза контрабанды посланниками стала наиболее заметной. Правительство Южной Сун неоднократно уточняло тематики, по которым посланники могли вести переговоры и заключать договоры. Контрабанда, разумеется, всячески пресекалась, однако ее невероятная прибыльность перекрывала все запреты, и послы часто становились контрабандистами. Это видно из замечаний некоторых чиновников Южной Сун. На 32-м году правления Шаосин У Дай, императорский цензор, сообщил, что некоторые посланники Южной Сун «были первыми, кто подкупил северных посланников и заключил с северными посланниками прочный союз, чтобы установить деловые отношения с северными купцами», «...откупились от ограничений взятками» и «...я занимаюсь этим уже много лет и привык к этому» [24. Цз. 199]. После периода Цзядин (1208–1224 гг.) проблема контрабанды, провозимой посланниками, стала более серьезной и стала приносить больше неприятностей. В частности, усилились нападения на контрабандные караваны с целью грабежа [23. Кн. 79]. И это, в свою очередь, мешало выполнению прямых посольских обязанностей.

Существует не так много документальных свидетельств об участии посланников из Цзинь в контрабанде, но мы все еще можем найти подсказки в некоторых источниках. На 14-м году правления Шаосина правительство Южной Сун выпустило постановление для пограничных войск: «вы должны следовать инструкциям по приему и сопровождению купцов и послов, то есть вы не должны позволять людям торговать в частном порядке с посланниками Севера» [23. Кн. 80]. Это положение показывает, что некоторые из посланников Цзинь совершали частные сделки с простыми людьми, следовательно правительству Южной Сун пришлось ввести ограничения.

Чиновники, служившие на границе, тоже занимались контрабандой. Чиновники и солдаты в приграничных районах Цзинь и Сун извлекали выгоду из географического положения, и у них было больше шансов преуспеть в контрабанде. В первый год правления Цяньдао (1615 г. н.э.), один из министров писал: «В уездах по реке Хуайхэ всегда было обычным явлением, когда чиновники посылали людей на реку Хуайхэ продавать товары с Юга в личных целях. Они часто привозили с собой медные монеты и запряженные предметы и открыто торговали ими» [23. Кн. 186]. Солдаты также пользовались благоприятной возможностью путешествовать через

границу и вести контрабанду. Они полагались на свои привилегии, формировали клики друг с другом и применяли силовые методы для лоббирования и защиты своих частных интересов. Ежегодно в период Цзинь и Сун монеты доставлялись на границу, и солдаты часто сопровождали их. Эти люди «часто следуют старой практике и тайно вывозят деньги и сокровища за границу, а также приводят с собой частных торговцев, и не разрешают их проверять» [23. Кн. 166]. Подобную контрабандную деятельность было труднее обнаружить и пресечь.

Простые люди и торговцы часто вели запрещенную торговлю вдоль границы. Хотя у них не было никакого административного ресурса, чтобы скрывать запрещенную торговлю, ради огромной прибыли множество гражданских лиц и торговцев рисковали своей жизнью, привозя и вывозя контрабанду. 9 августа восьмого года правления Чуньси (1181 г. н.э.) официальные лица Южной Сун писали: «В последнее время граница не охранялась строго, и многие люди вдоль границы воруют соль и приникают в места ее производства» [23. Кн. 134]. Что касается империи Цзинь, в марте второго года правления Юаньгуана (1223 г. н.э.) провинциальный министр потребовал запретить торговлю чаем и солью, поскольку богатства страны были истощены, и упомянул, что «жители границы искали прибыли и совершали частные трансграничные сделки» [16. Цз. 49]. Из приведенного выше материала мы видим, что контрабандная деятельность приграничных жителей и купцов была широко распространена в исследуемый период.

Заключение

Торговля империи Цзинь с ее соседями, а особенно с империей Сун, была обусловлена некоторыми характерными особенностями. На первых этапах существования империи Цзинь власти Сун активно торговали с чжурчжэнями на законных основаниях. Основными товарами торговли были лошади, продукты животноводства, чай, зерно и соль.

Затем из-за политического противостояния между Цзинь и Сун правительство Южной Сун запрещало торговлю с чжурчжэнями. В этот период в основном велась контрабанда, и объем контрабандных сделок был велик. Правители и министры Южной Сун неоднократно подчеркивали недопустимость контрабанды соли, что подтверждает активность контрабанды соли и большие трудности для того, чтобы ее остановить.

Торговля с окружающими режимами была важной частью экономической системы Цзинь. Торговля между государствами Цзинь и Южная Сун, Сися и Корё не только способствовала экономическому и культурному обмену между Цзинь и этими государствами, но также помогала в определенной степени сохранить политические связи Цзинь с ее соседями.

Список литературы

1. *Кычанов Е.И.* Чжурчжэни в XI веке // Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск : Наука, 1966. Т. 2.
2. *Кожанов С.Т.* Начальный период войны между империями Сун и Цзинь (1125–1127). В Дальний Восток и соседние территории в Средние века. История и культура Восточной Азии. Новосибирск : Наука, 1980. С. 39–48.
3. *Переломов Л.С.* Исследования по истории чжурчжэней // Проблемы Дальнего Востока. 1977. № 1. С. 171–174.
4. *Розов Г.М.* История Золотой империи. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998.
5. *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). Исторический очерк. М. : Наука, ГРВЛ, 1975.
6. *Воробьев М.В.* Денежная система чжурчжэней. В: Страны и народы Востока, выпуск VIII. М. : Наука, 1969. С. 99–112.
7. *Воробьев М.В.* К вопросу о денежном обращении в Маньчжурии и в Приморье с древности до монгольского нашествия // Эпиграфика Востока. 1956. № 11. С. 83–95.
8. *Астапенкова Е.В., Ивлиев А.Л.* Археологические свидетельства киданьских традиций в культуре чжурчжэней // Россия и АТР. 2017. № 4. С. 186–205.
9. *Круглова М.С.* Мир кочевой, мир оседлый: взаимная диффузия экономических институтов на примере государств Западное Ся, Ляо и Сун // Журнал институциональных исследований. 2024. Т. 16. № 3. С. 38–48. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2024.16.3.038-048>
10. *Chad G.* Horsemen from the Edge of Empire: The Rise of the Jurchen Coalition : Dissertation. University of Washington, 2012.
11. *Kim A.A.* 2013. Who began the wars between the Jin and Song Empires? (based on materials used in Jurchen studies in Russia) // Annales d'Université Valahia Targoviste, Section d'Archéologie et d'Histoire. 2013. № 2. P. 59–66.
12. *Franke H.* Treaties between Sung and Chin. Studies on the Jurchen and the Jin Dynasty. Norfolk : Galliard (Printers) Ltd., 1984.
13. *Seo J.* Bandwagoning for Profit in the East Asian International System: Goryeo's Foreign Policy Choice During the Khitan-Jurchen Power Struggle // The Korean Journal of International Studies. 2023. № 3. P. 339–359. <https://doi.org/10.14731/kjis.2023.12.21.3.339>
14. *Chan H.L.* Commerce and trade in divided China: the case of jurchen-Jin versus the Northern and Southern Song // Journal of Asian History. 2002. № 2. P. 135–183.
15. 三朝北盟會編 [Саньчао бэймэнхуэй, Северный союз трех династий] Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=363390&remap=gb> (дата обращения 23.04.24)
16. 金史 [Цзинь-ши, История государства Цзинь]. Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=270779&remap=gb> (дата обращения: 23.04.24)
17. 李澎田 [Ли Пэнтянь]. 朝鲜文献中的中国东北史料 [Исторические материалы Северо-Восточного Китая в корейских документах]. 吉林文史出版社 [Издательство Линь Вэньши], 1991.
18. 松漠纪闻 [Сунмо цзивэнь]. Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=235763> (дата обращения: 23.04.24)
19. 孟洪 [Мэн Хун]. 《说邪三种》 [Три вида злых высказываний]. 上海古籍出版社 [Шанхайское издательство древней книги], 1988.
20. 宋史 [Сун-ши, История государства Сун]. Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=975976&remap=gb>. (дата обращения: 23.04.24)
21. 赵永春 [Чжао Юнчунь]. 奉使辽金行程录 [Маршрут посланника в Ляо и Цзинь]. 吉林文史出版社 [Издательство художественной и исторической литературы Цилинь], 1995.
22. 清波杂志 [Цинбо цзачжи, Журнал Цинбо]. Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=626989> (дата обращения: 23.04.24)

23. 宋会要辑稿 [Сун хуэйяо цзигао, Сборник документов правительства Сун] Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=741924&map=gb> (дата обращения: 23.04.24)
24. 建炎以来系年要录 [Цзяньян илай синянь яолу, Основные записи периода правления императора Гаоцзуна] Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=907864&map=gb> (дата обращения: 23.04.24)
25. 全汉异 [Цюань Хань]. 宋金间的走私贸易 [Контрабанда между Сун и Цзинь]. 历史语言研究所集刊 [Вестник Института исторических и лингвистических исследований], 1944.
26. 王德朋 [Ван Д.]. 论金与周边政权的商业贸易 [О торговле Цзин с соседними государствами] // 中口社会科学院研究 也院攀报 [Журнал аспирантуры Китайской академии общественных наук]. 2009. № 1. С. 101–106.

Информация об авторе:

Круглова Мария Семеновна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН Институт лингвистических исследований РАН, Российская Федерация, 199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, д. 9, e-mail: mashakruglova999@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8731-7702. SPIN-код: 6126-0035.

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-4-474-489

EDN: EAULHG

Научная статья / Research article

Строительство российской казной Тавризского шоссе в российско-персидском трансграничье в начале XX в.

Г.Г. Корноухова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ Kornoukhova-gg@rudn.ru

Аннотация. Исследована история создания важной транспортной артерии российско-персидского трансграничья — Тавризского шоссе. Показано, что первоначально конечные точки маршрута Джульфа — Тавриз планировалось соединить железнодорожной магистралью, однако на рубеже XIX–XX вв. российское правительство решило сначала приступить к строительству шоссейной дороги на обозначенном участке. Рассмотрена история строительства Тавризской колесной дороги, ее качественные характеристики, эксплуатационные возможности. Поставлена цель выяснить, насколько эффективным было строительство Тавризской дороги в качестве временной меры увеличения российско-персидского товарообмена. Сделан вывод о том, что несмотря на многие недочеты и проблемы, которые сопровождали шоссе, как в процессе его строительства, так и эксплуатации, с поставленной задачей российское правительство справилось: построенная колесная дорога выполнила свою роль как временное решение, способствовавшее активизации товарооборота между Россией и Персией.

Ключевые слова: российско-персидские отношения, российско-иранские отношения, экономическая история, история российского предпринимательства, Общество Тавризской дороги

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00648 «Развитие экономической инфраструктуры российско-иранского трансграничья (вторая половина XIX — начало XX в.)», <https://rscf.ru/project/24-28-00648/>

Благодарности. Автор благодарит анонимного рецензента за ценные замечания и внимательное отношение к рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 15.05.2024; принята к публикации: 19.08.2024.

Для цитирования: Корноухова Г.Г. Строительство российской казной Тавризского шоссе в российско-персидском трансграничье в начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 4. С. 474–489. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-474-489>

© Корноухова Г.Г., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The construction of the Tauriz wheel road in the Russian-Persian transborder region by the Russian Treasury during the early XX century

Gadilya G. Kornoukhova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ Kornoukhova-gg@rudn.ru

Abstract. The history of the construction of an important transport artery of the Russian-Persian transborder region — the Tauriz wheel road — is considered within this study. As known, the initially end points of the Julfa — Tabriz route had been planned to be connected by a railway. However, at the turn of the XIX–XX centuries, the Russian government alternatively decided to begin construction first of a wheel road first between the designated sites. The author discusses the history of the construction of the Tabriz wheel road, its quality characteristics, and operational capabilities. The goal is to find out how effective the construction of the Tauriz road was as a temporary measure to increase Russian-Persian trade. The author comes to the conclusion, that, despite the many shortcomings and problems that accompanied the wheel road, both during its construction and operation, the Russian government successfully coped with the task: the constructed wheeled road fulfilled its role as a temporary measure that contributed to the intensification of trade turnover between Russia and Persia.

Keywords: Russian-Persian relations, Russian-Iranian relations, economic history, history of Russian entrepreneurship, Tauriz Road Society

Funding. The study is supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00648 “Development of the economic infrastructure of the Russian-Iranian cross-border (second half of the 19th — early 20th century),” <https://rscf.ru/project/24-28-00648/>

Acknowledgements. The author thanks the anonymous reviewer for valuable comments and careful attention to the manuscript.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 15.05.2024. Accepted: 19.08.2024.

For citation: Kornoukhova GG. The Tauriz wheel road construction in the Russian-Persian transborder region by the Russian treasury at the early 20th century. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(4):474–489. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-474-489>

Введение

Россия принимает заметное участие в реализации инфраструктурных проектов Ирана. В 2023 г., в частности, ею был выделен межгосударственный кредит в размере €1,3 млрд на строительство железнодорожного участка Решт — Астара. Эта сумма составила 85 % доли российского участия в общем кредитовании указанной линии. Президент Ирана Эбрахим Раиси охарактеризовал соглашение как «очень серьезный шаг на пути двустороннего сотрудничества», а коридор «Север — Юг», в рамках которого осуществляется

этот проект, он назвал «символом дружбы многопланового характера» между странами [1].

Подобный способ российско-иранского взаимодействия не является новым — у него есть серьезное основание в прошлом двух государств. Обращение к истории строительства дорожных линий в Персии за счет привлечения российского капитала в начале XX в. актуализирует заявленную проблему строительства российской казной Тавризского шоссе.

Тема шоссевого строительства в Персии не получила своего заметного изучения несмотря на то, что история российско-персидских отношений имеет серьезную проработку, как в российской [2–9], так и в зарубежной историографии [10–14]. Можно выделить лишь ряд работ, в которых частично затронута указанная проблематика. В некоторой степени вопрос об обстоятельствах создания Общества Тавризской дороги рассмотрел Б.В. Ананьич [15], а динамику ее грузооборота привела в своей публикации Л.М. Кулагина [16. С. 135]. В рамках изучения строительства железных дорог в российско-персидском трансграничье шоссевой проблематики коснулись также Д.Д. Сапаров [17] и П.А. Колпаков [18]. Статья же С.В. Кирилеца посвящена такой малоисследованной теме как развитие автомобильного движения по персидским дорогам, включая маршрут Джульфа — Тавриз¹ [19].

В настоящем исследовании ставится задача рассмотреть историю строительства Тавризской дороги, ее качественные характеристики и эксплуатационные возможности с целью определить эффективность построенного шоссе с точки зрения увеличения российско-персидского товарообмена в начале XX в.

Источниковой базой исследования послужила делопроизводственная документация из фонда «Персидский стол» (Ф. 144) Архива внешней политики Российской империи: докладные записки, депеши, телеграммы, отношения и пр., направлявшиеся из Персии представителями дипломатической службы России в правительственные инстанции государства. В фонде «Министерство торговли и промышленности» (Ф. 23) Российского государственного исторического архива обнаружен документ, содержащий статистические сведения о товарообороте Тавризской дороги.

Первая попытка строительства «русской» железной дороги и «персидского» шоссе

После завершения продолжительной Кавказской войны 1817–1864 гг. Россия вошла в непосредственное соприкосновение с Персией, в частности, с ее Азербайджанской провинцией. Важными пограничными пунктами на российско-персидской границе были Шахтахтинская и Джульфийская

¹ Современное название города Тавриз — Тебриз.

таможенные заставы, куда направлялась основная часть товаров. На российской территории груз первоначально доставлялся из внутренних районов в Тифлис² и далее отправлялся по железной дороге длиной 88,17 верст до станции Акстафа. Отсюда грузы перемещались уже по грунтовой дороге, преодолевая гораздо большее расстояние: более 292 версты до Шахтахтинской заставы и 365 верст до Джульфийской. Время нахождения товара в пути при отправке из Тифлиса было при этом одинаковое — 15–16 дней. Для транспортировки товаров в первом случае использовались верблюды, во втором — лошади. Небольшие же партии товаров перевозились ослами [20. С. 35–36, 55].

Шахтахтинская застава имела для России большое значение с точки зрения коммуникации с наиболее богатыми западными областями персидского Азербайджана: Урмией, Салмасом и северным Курдистаном.

Через Джульфу вел кратчайший путь в Тавриз — центр Азербайджанской провинции. Однако, несмотря на относительно короткое расстояние (140 верст), эта дорога не была удобной. Первые 35 верст продвижение осложнялось затяжным подъемом. Следующий, равный по протяженности отрезок пути был вполне хорошим, но после Маранда дорога вновь начинала подниматься вверх, резко сужаясь до одного метра в ширину. Такой же она была и при спуске, протяженность которого достигала 14 верст. Только после преодоления последнего участка, путь уже пролегал по равнине и до самого Тавриза был широким [20. С. 55].

Обе дороги были пригодны в основном лишь для транспортировки грузов вьючным способом, что ограничивало объемы перевозок. Это обстоятельство вызывало озабоченность у российского правительства. В 1874 г. оно даже направило в Тегеран отставного генерал-майора А.Д. Фалькенгагена в качестве доверенного лица для обсуждения условий получения им железнодорожной концессии на строительство линии от Джульфы до Тавриза. После долгих переговоров шах все же подписал концессию, но ее условия были настолько невыгодны для российской казны, что в итоге было решено от нее отказаться [21. С. 65–70].

Между тем, потребность в улучшении путей российско-персидского трансграничья остро ощущало и само шахское правительство. В 1877 г. оно приступило к разработке проекта проведения колесной дороги от Тегерана до Джульфы, поручив руководству Азербайджанской провинции приложить необходимые усилия для привлечения тавризского платежеспособного населения к финансированию данного проекта. В связи с этим в Тавризе состоялось собрание местного купечества и духовенства, которому подробно объяснили все выгоды строительства дороги и призвали к финансовому участию в данном предприятии. Выслушав ораторов, собравшиеся единодушно признали очевидную пользу, которую принесет строительство дороги,

² Современное название города Тифлис — Тбилиси.

но от финансового участия на предложенных условиях также единодушно отказались. Причину этого российский управляющий генеральным консульством в Азербайджане Я. Кребль объяснял тем, что местное купечество не видело достаточных гарантий, что их деньги будут потрачены по назначению. Он отмечал, что «тавризские купцы не прочь бы употребить часть своих капиталов на устройство дороги, с тем, однако, чтобы заведывание этими капиталами находилось в руках купеческих, а не правительства»³.

К усилиям, предпринимавшимся персидским правительством, представители российского дипломатического корпуса отнеслись с сочувствием. Тот же Я. Кребль писал в 1878 г. в одном из своих секретных донесений о необходимости оказания помощи Персии со стороны России путем отправки необходимых инженеров. Появление вместо караванных троп полноценной грунтовой, а возможно даже и шоссейной дороги позволило бы использовать для транспортировки товаров вместо вьючных животных колесный транспорт и тем самым увеличить объем перевозимых грузов⁴.

Однако на практике российская сторона никакого заметного участия в строительстве означенной дороги не принимала, а персидское правительство оказалось не в состоянии построить ее своими собственными силами.

От идеи строительства железной дороги к строительству шоссе

Между тем представители западного капитала активно добивались от шаха получения дорожных концессий. Летом 1888 г. одной бельгийской компании даже удалось достичь своей цели, и она построила первую в стране железную дорогу, ведущую от Тегерана до святыни Шахзаде Абд ол-Азим [21. С. 93]. Эта активность со стороны европейских конкурентов спровоцировала серьезную озабоченность у российского правительства. Часть российской бюрократии и сам Александр III выступила за начало широкомасштабного строительства железных дорог из опасения, что в противном случае, европейцы полностью монополизируют эту сферу приложения капитала и через созданную ими дорожную сеть укрепят свое присутствие в Персии.

Горячими сторонниками строительства в Персии российской железнодорожной сети были русский посланник в Тегеране князь Николай Сергеевич Долгоруков и министр дорог Адольф Яковлевич фон Гиббент, оказавший влияние также и на российского императора в этом вопросе [21. С. 94–95, 108].

Противоположные настроения демонстрировали министерство иностранных дел и министерство финансов. На особом совещании

³ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 144. Оп. 488. Д. 388. Л. 10–11.

⁴ Там же. Л. 23 об.

по Персии, состоявшимся 16 февраля 1890 г., с подачи военного министра П.С. Ванновского, стороны пришли к согласию, что по-настоящему важным для России является участок от российской границы до Тавриза. Поскольку в условиях русско-турецкой войны «стратегическое значение такой линии огромно», то ее следует строить исключительно за казенный счет. Директор Азиатского департамента министерства иностранных дел И.А. Зиновьев при этом подчеркнул, что без связи персидской магистрали с российской железнодорожной сетью Тавризская линия не будет иметь никакого стратегического значения. Поэтому следовало сосредоточиться на строительстве соединительной линии на собственной территории, а в Персии добиваться от шаха проведения политики полного запрещения строительства железнодорожных линий с целью лишить европейские державы возможности прокладывать их [21. С. 109–111].

В соответствии с принятым решением, России удалось установить мораторий на железнодорожное строительство на 5 лет, который затем был продлен еще на такой же срок. Между тем в самой империи строительство соединительной железнодорожной ветки от Закавказской линии до персидской границы у Джульфы продвигалось медленно. Только в 1898 г. в смету был внесен кредит в 500 тыс. р. для строительства ее первого участка — от Александрополя до Эривани⁵, продолжали вестись изыскательные работы⁶.

Очевидно, что российская казна еще не была готова к тому, чтобы приступить к строительству железнодорожного полотна в Персии. В связи с этим министр финансов С.Ю. Витте сделал предложение «удовлетвориться» улучшением здесь тех колесных и вычужных путей, которые соединяли экономические центры Персии с границей России и с побережьем Каспийского моря⁷. Так родилась идея строительства силами российского капитала в Персии колесных дорог, которые в будущем должны были смениться железнодорожными магистралями.

Деятельность Общества Тавризской дороги

Что касается Тавризского тракта, то концессия на ее строительство и дальнейшую эксплуатацию в течение 99 лет вплоть до 2001 г.⁸ была выдана шахом 20 марта 1902 г. Учетно-ссудному банку Персии, находившемуся под контролем российской казны. Дорога состояла из двух участков: от российской границы до Тавриза и от Тавриза до Казвина⁹.

⁵ Современное название города Александрополь — Гюмри, города Эривань — Ереван.

⁶ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4445. Л. 252.

⁷ Там же. Л. 252.

⁸ Там же. Оп. 489. Д. 456 б. Л. 33 об. — 34 об.

⁹ Там же. Оп. 488. Д. 4444. Л. 680.

Для реализации полученной концессии банк учредил акционерное предприятие «Общество Тавризской дороги» с основным капиталом в 9 млн р., разделенным на 18 тыс. акций по 500 р. каждая. Устав общества Николай II утвердил 3 июля 1902 г., а 13 июня 1903 г. последовало решение императора о сооружении, как первоочередного, участка Джульфы — Тавриз. Положением Комитета финансов стоимость его сооружения была определена суммой 4 690 200 р.¹⁰

С целью облегчения последующего переустройства Тавризской колесной дороги в рельсовый путь, ее конфигурация выстраивалась в соответствии с техническими нормами прокладки железных дорог с точки зрения уклонов и радиусов закруглений при поворотах. Поскольку железнодорожное полотно должно было проходить в гористой местности, в будущем планировалось строительство двух тоннелей — в Дарадизском и Ямском ущельях. Однако проект колесной дороги вместо них предусматривал строительство временных обходов. Длина обхода в ущелье Дарадиз составляла 11,899 верст, в ущелье Ям — 8,288 верст. Они сократили расстояние между Джульфой и Тавризом на 15 верст 9,70 саженьей, и в результате длина колесной дороги составила вместо 140 только 124,8 верст.

Движение на участке от Джульфы до заставы Ям на протяжении 75 верст было открыто с 26 мая 1906 г., а на всем протяжении до Тавриза — с 1 ноября того же года¹¹.

Вскоре после запуска дороги российская пресса обрушилась на нее с беспощадной критикой. Уже в феврале 1907 г. в газете «Новь» была опубликована статья «Персидская авантюра». В ней были представлены результаты первой проверки качества построенного шоссе. Основную роль в экспертизе сыграл драгоман Тавризского консульства В.Ф. Минорский, который, по мнению корреспондента, был одним из «дельнейших и талантливейших чиновников министерства иностранных дел». Он также отличался особой проницательностью и «безусловной неподкупностью». В апреле 1906 г. Минорский, по словам корреспондента, «бесцеремонно» приказывал разрывать землю для освидетельствования сооружений, за счет чего было вскрыто множество технологических нарушений. В частности, было обнаружено, что большой мост через реку Аджи-чай имел подмытые опорные балки, а «новопостроенная станция Ям совершенно разваливается». Три мостика были положены «насухо» — не только без цемента, но и без извести. В Дарадизском ущелье вся дорожная линия оказалась размытой и уничтоженной. Выяснилось, что она была проведена по руслу бурного потока в сухое время года, когда воды не было. После этого хлынувшая вода снесла покрытие устроенной дороги. Вместо нее по результатам работы комиссии был проложен другой путь, уже

¹⁰ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4444. Л. 680.

¹¹ Там же. Л. 682.

в обход речного русла, что также осуждалось газетой, поскольку на это было затрачено дополнительно 600 тыс. р.¹²

Неприглядность положения на Тавризской дороге подтверждается также содержанием докладной записки секретаря генерального консульства в Азербайджане Преображенского от 16 апреля 1907 г. Он пишет, что «безукоризненным» можно было считать полотно лишь на протяжении 45 верст между Тавризом и Сафьяном: «Здесь шоссе ровное, достаточно широко и прекрасно укатано щебенкой». Вскоре после Сафьяна и на всем Ямском перевале, а также несколько верст за Дарадизским ущельем, по словам Преображенского, дорога «производила на проезжающего впечатление начала упадка». В частности, на Ямском перевале, как и последние 12–14 верст до Джульфы, она была изборождена широкими колеями, отчего езда становилась трудным испытанием. Секретарь генерального консульства в Азербайджане констатировал, что со времени открытия Тавризской дороги не прошло еще и одного года, «а между тем, уже по истечении неполных шести месяцев во многих местах (в общей сложности верст 40) шоссе настолько попорчено, что требует новых громадных расходов для приведения его в порядок»¹³.

Также Преображенский сообщал о недоброкачественности гражданских построек в районе дороги. Станции и казармы, по его свидетельству, были выложены из сырцового кирпича и «не обещали долгого существования», потолки «не внушают доверия», а штукатурка «почти нигде не держится»¹⁴.

Выявленные проблемы побудили российское правительство приступить к их немедленному устранению, что позволило привести шоссе в более-менее надлежащее состояние. Во всяком случае 9 октября 1908 г. министр финансов Н.В. Коковцов сделал заключение в своем доверительном сообщении министру иностранных дел А.П. Извольскому: «Дорога построена вполне удовлетворительно для того назначения, которое она теперь выполняет»¹⁵.

Показатели товарооборота Тавризской дороги

В первые годы работы дороги эффективность ее с точки зрения грузооборота оценивалась низко. Так, российский посланник Н.Г. Гартвиг писал в своей секретной депеше 12 июля 1907 г.: «Несмотря на проведение русского шоссе, караванный способ доставки по-прежнему сохраняет за собой первое место, фургонное же движение <...>, несколько развившись вначале, было затем стеснено, <...> пассажирских экипажей в среднем проходило в день

¹² АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4444. Л. 15.

¹³ Там же. Л. 26.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 137.

не более по 2–3 в каждую сторону. Автомобили отсутствуют в табели движения. Таким образом, все широкие обещания при помощи их преобразовать сообщение и восполнить отчасти недостаток железной дороги надо считать неосуществимым»¹⁶.

С точки зрения Н.Г. Гартвига, причиной низкого товарооборота являлся неверный выбор траектории дороги, которую необходимо было провести западнее — на Хой — в более богатый район, прилегавший к Урмийскому озеру. На деле же вся дорога проходила по малонаселенным округам, имевшим не более 100 тыс. жителей и многочисленные тропы, не пересекавшие с колесным путем. Лишь зимняя распутица загоняла на нее погонщиков-чарвадаров, что на некоторое время приводило к интенсификации движения.

В соответствии с показателями секретной депеши, общий провоз по дороге за 1906 г. был весьма незначительным. В направлении от России он составил не более 458 тыс. пудов грузов, а в обратном — лишь 252 тыс. пудов. При этом из первого показателя, как указывал Н.Г. Гартвиг, необходимо было еще исключить около 100 тыс. пудов, приходившихся на иностранные товары, поступавшие сюда со стороны Турции по так называемому Трапезундскому пути. В результате чисто российских грузов ввезено было в 1906 г. только 312 тыс. пудов¹⁷.

Между тем Н.Г. Гартвиг признавал, что серьезные благоприятные условия были созданы для доставки сахара по причине открытия в начале 1907 г. железнодорожного движения от Эривани до Джульфы. В результате произошло «бесспорное приближение центров свеклосахарного производства к Тавризу», и это дало уменьшение фрахтов с 1 р. 6 к. до 91–89 к.¹⁸ Указанное обстоятельство обещало дать в дальнейшем положительную динамику в поставках сахара в северо-западный район Персии.

Действительно, показатели за 1907–1910 гг. свидетельствуют, что объемы не только сахара, но и керосина, перевозившегося теперь по железной дороге из Баку, демонстрировали свой неуклонный рост, несмотря на беспорядки, которые не прекращались в Персии в связи с политическими волнениями, начавшимися с 1905 г.

Данные по основным видам грузов (табл.) свидетельствуют о том, что открытие шоссе привело к заметному росту грузооборота по маршруту Джульфа — Тавриз. Если в 1906 г. этот показатель составлял лишь 498 900 пудов, то в 1907 г. он увеличился более чем вдвое, достигнув 1 029 610 пудов. В дальнейшем количество циркулировавших грузов возросло до 1 280 847 пудов в 1908 г., до 1 754 800 пудов в 1909 г. и увеличилось еще на 38 % в 1910 г., составив 2 423 910 пудов.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4444. Л. 43.

¹⁷ Там же. Л. 41 об.

¹⁸ Там же.

Товарооборот Тавризской дороги, пуды / Trade turnover of the Tauriz road, poods

Годы / Years	Общий в год / Total per year	Сахар / Sugar	Керосин / Kerosene	Сабза и сухофрукты / Sabza and dried fruits
1906	498 900	123 300	17 915	104 440
1907	1 029 610	393 360	30 091	173 256
1908	1 280 847	418 360	105 310	385 909
1909	1 754 800	408 383	183 211	521 014
1910	2 423 910	646 680	230 594	908 484

Источник: РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 353. Л. 9. / Source: RGIA. F. 23. Op. 11. D. 353. L. 9.

При этом не только поставки российского сахара и керосина демонстрировали положительную динамику, но и персидский товар — сабза¹⁹. Последнее обстоятельство очень радовало генерального консула в Тавризе А.Я. Миллера. Он отметил в своем отчетном документе: «Урожай винограда и фруктов служит барометром азербайджанской торговли. Чем лучше урожай, тем больше, благодаря выгодному вывозу сабзы и сушеных фруктов, покупательная способность населения. Следовательно, увеличивается и ввоз в Азербайджан русских и иностранных товаров»²⁰.

В совокупности сахар, керосин, сабза и сушеные фрукты в 1910 г. составили 1 785 858 пудов, т.е. почти 74 % от всего грузооборота Тавризской дороги.

Что касается такой значимой в российском экспорте статьи, как «мануфактура», куда входили ткани и изделия из них, то в северо-западный район Персии она поступала в незначительном объеме. По данным управления Общества Тавризской дороги, в период с 1 января по 31 декабря 1910 г. ее было завезено всего 136 974 пуда. Из них 50 232 пуда приходились на иностранную мануфактуру, направлявшейся почтовыми посылками через Россию в Джульфу.

Представитель агентства российского императорского генерального консульства в Азербайджане в г. Марага в отчете от 30 декабря 1913 г. делился своими соображениями по поводу улучшения сложившейся ситуации на тканевом рынке. Он писал, что для устранения конкуренции «русских товаров с манчестерской мануфактурой» необходимо на некоторое время снизить их стоимость, дабы «дать возможность местному населению привыкнуть к употреблению оных»²¹.

В категорию «прочие товары» входили стекло, фарфоровая посуда, ламповые товары, медь и железо, спички, галантерея, медикаменты, чай и пр.

¹⁹ Сабза — сушеный виноград бессемянных сортов с белыми ягодами, белый кишмиш.

²⁰ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 23. Оп. 11. Д. 353. Л. 9.

²¹ Там же. Л. 92 об.

Всего они составили 56 364 пуда российских перевозок по Тавризской дороге в 1910 г.²²

Из персидских товаров, вывозившихся по Тавризской дороге в Россию в этот же период, помимо сабзы и сушеных фруктов, заметное место занимали ковры, вес которых составил 84 294 пуда. «Прочие товары» были экспортированы в 1910 г. в количестве 153 750 пуда. В эту категорию входили кожи, хлопок, шелк-сырец, коконы шелковичного червя, шелковые ткани, кишки животных, краска хенна и др.²³

В целом движение по маршруту Джульфа — Тавриз к концу первого десятилетия XX в. оживилось. Экспертные оценки указывали на «необыкновенно быстрый рост движения» на Тавризской дороге, превышавший в 1909 г. почти в 4 раза соответствующий показатель на главной торговой артерии северной части Персии — Энзели-Тегеранском шоссе²⁴. Очевидно, что все более возрастающие размеры грузооборота предприниматели стали оценивать как достаточные для организации автоперевозок. Летом того же года представители российских капиталистов из Тифлиса — М.Г. Хелимский и И.И. Страхов — обратились в Общество Тавризской дороги с предложением войти с ними в соглашение по поводу открытия автомобильного грузового и пассажирского сообщения. Предприниматели обязывались выпустить на маршрут 4 омнибуса по 14–18 мест, 2 четырехместных легковых автомобиля, 8 грузовиков и 4 цистерны для перевозки керосина. Также в обращении указывалось на намерение построить гаражи, мастерские и промежуточные станции между двумя конечными пунктами шоссе²⁵.

Однако министерство финансов данные кандидатуры отклонило. Н.В. Коковцов посчитал их недостаточно состоятельными для организации автомобильного движения по Тавризской дороге, требовавшего крупных первоначальных финансовых затрат и «большой осторожности»²⁶.

Вскоре контрагентом общества стал инженер Г.К. Васильев, который запустил с апреля 1910 г. пассажирское, а с июля того же года грузовое автомобильное движение²⁷. Он отправил в Персию грузовики с прицепами, легковые машины и автобусы производства немецкой фирмы *Neue Automobil-Gesellschaft* — NAG. Предприятие Васильева оказалось рентабельным и стало быстро развиваться: строились промежуточные станции, склады с бензином и маслом, ремонтные мастерские [19].

В целом Тавризская дорога в начале второго десятилетия XX в. уже не вызвала таких многочисленных и едких замечаний, которые сыпались

²² РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 353. Л. 8.

²³ Там же. Л. 4 об.

²⁴ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4021. Л. 554.

²⁵ Там же. Д. 1786. Л. 4.

²⁶ Там же.

²⁷ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 353. Л. 9.

в ее адрес ранее. По воспоминаниям историка-востоковеда Б.М. Гурьева, совершившего путешествие по северо-западному району Персии в 1911 г., Тавризская дорога и вовсе представляла собой «прекрасную дорогу». Все станции по дороге были очень опрятны. Около некоторых из них были даже разбиты цветники. По дороге были построены мостики. Около самого Тавриза располагалась Аджичайская застава с массивным каменным мостом начала XVII в., куда приходили из Джульфы и отправлялись обратно автомобили. Немалым достоинством дороги было также наличие телефона на каждой станции, что позволяло служащим связываться между собой и координировать транспортное сообщение [22. С. 984–985].

Что касается автомобильного движения по Тавризскому шоссе, то оно, по словам Б.М. Гурьева, получило здесь очень активное развитие. К 1911 г. по шоссе двигались четыре грузовых автомобиля принося ежедневно доход в 600 р., а пассажирские перевозки осуществляли три автомобиля [23. С. 318].

Автомобильные перевозки успешно продолжались вплоть до 1 ноября 1913 г., пока шоссе не было закрыто в связи с началом строительства железной дороги между Джульфой и Тавризом²⁸. В связи этим предприятие инженера Г.К. Васильева было закрыто, а грузовики фирмы NAG проданы Автомобильному товариществу Энзели-Тегеранской дороги²⁹.

Заключение

Развитие путей сообщения во второй половине XIX — начале XX в. было остро стоявшей проблемой для Персии, решить которую своими собственными силами у нее не было возможности. Намерение же привлечь для этого внешние инвестиции превратило дорожный вопрос в дополнительный инструмент утверждения позиций европейских держав в этой стране. Задачей России в создавшейся ситуации было заблокировать данную возможность для своих политических конкурентов. Естественным порывом российского правительства на первом этапе было включиться в гонку за железнодорожные концессии. Однако вскоре выяснилось, что этот путь не вполне подходит для Российского государства: внутри страны в это время развернулось крупномасштабное железнодорожное строительство, что требовало первостепенного инвестирования средств в собственную, отечественную, инфраструктуру. Отсутствие возможности приступить к прокладке стальных магистралей в Персии заставило российское правительство вынудить шаха установить мораторий на выдачу железнодорожных концессий, продлившийся до 1910 г.

Необходимость интенсифицировать товарооборот между Россией и Персией побудила российское правительство в самом конце XIX в.

²⁸ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4444. Л. 684.

²⁹ Об автомобильном движении по Энзели-Тегеранской дороге смотрите в [24].

приступить к прокладке шоссе, которое на деле представляло собой слабо шоссированную грунтовую дорогу с рассыпанным по ней щебнем. Строительные технологии при этом часто нарушались, и уже первая проверка Тавризской дороги, проведенная вскоре после ее открытия в 1906 г., выявила большое количество брака. Его пришлось в срочном порядке устранять, что потребовало дополнительных денежных затрат со стороны российской казны.

Вопрос развития грузооборота Тавризского шоссе также не сразу получил удовлетворительное решение. Причинами назывались и неудачно выбранная траектория дороги, и отсутствие на маршруте автомобильного транспорта. Поворотным моментом стало подведение к персидской границе в 1907 г. ответвления Закавказской железной дороги. Это позволило приблизить сахаропроизводящие и нефтедобывающие районы России к северо-западному персидскому рынку. Дополнительным толчком, уже в середине 1910 г., стало начало автоперевозок, которые осуществлялись до 1913 г. пока шоссе не было закрыто для начала строительства железной дороги от станции Джульфа до г. Тавриз.

В целом можно заключить, что с поставленной задачей российское правительство, хоть и не без проблем, но справилось и построенная колесная дорога выполнила роль временной меры, способствовавшей активизации товарооборота между Россией и Персией. На новый качественный уровень решение логистической задачи должна была вывести строившаяся Джульфа-Тавризская железнодорожная магистраль.

Список литературы

1. *Пламенев И.* Россия даст в кредит €1,3 млрд на строительство железной дороги в Иране // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/05/2023/6464d6bd9a794744d3582605> (дата обращения: 08.02.2024).
2. *Бобынин Н.Н.* Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля 1901–1923. Тифлис : Народный комиссариат по внешней торговле З.С.Ф.С.Р., 1923. 558 с.
3. *Куканова Н.Г.* Очерки по истории русско-иранских отношений в XVII — первой половине XIX века (по материалам русских архивов). Саранск : Мордовское кн. изд-во, 1977. 286 с.
4. *Атаев Х.А.* Политические и торгово-экономические отношения Северо-Восточного Ирана и России в начале XX века (1900–1917). Ашхабад : Ылым, 1989. 149 с.
5. *Никонов О.А.* Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М. : Прометей, 2015. 141 с.
6. *Гоков О.А.* Русская политика в Иране в начале 1890-х гг.: смена приоритетов // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2019. № 4. С. 40–100.
7. *Ларин А.Б.* Незадолго до бури: Россия и Британия в Иране в 1913 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 1 (99). <https://doi.org/10.18254/S207987840013829-0>
8. *Плиева З.Т., Туаева Б.В., Канукова З.В., Калирад Али.* Деятельность консульских служб Ирана на Кавказе в 1905–1911 гг.: по иранским источникам // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 568–580. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-568-580>

9. Наумова Н.А. Восточная Персия в последней трети XIX — начала XX вв. и ее роль в противостоянии России и Великобритании в Центральной Азии : дис. ... канд. истор. наук. Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2022. 265 с.
10. *Dehqannejhad M., Dehqan Nayeri L., Varfinejhad I.* Treaty of Turkman Chāy and the problem of succession: an investigation of Russian interference in Qājār's succession problem // *Historical Studies*. 2012. № 2. P. 43–62.
11. *Firdous N.* Anglo-Russian imperialism in Iran // *Proceedings of the Indian history congress*. 2017. Vol. 78. P. 864–68.
12. *Kazemzadeh F.* Russia and Britain in Persia: Imperial ambitions in Qajar Iran. NY : I.B. Tauris, 2013. xvii, 711 p.
13. *Morshedloo J.* Oriental studies and geographical discoveries in favor of colonial strategy: The case of Russian colonial policy in the Southern Caucasus // *Central Eurasia studies*. 2018. № 2. P. 491–512. <https://doi.org/10.22059/jcep.2019.258293.449771>
14. *Seyyed Bonakdar S.M., Kamalvand M.* The role of the great game in the inefficiency of the formality system of the Iranian court from 1796 to 1896 // *Geopolitics quarterly*. 2023. Vol. 18. № 4. P. 226–249. <https://doi.org/20.1001.1.17354331.1401.18.68.10.2>
15. *Ананьич Б.В.* Учетно-ссудный банк Персии 1894–1907 // *Монополии и иностранный капитал в России*. М.-Л. : Б. м., 1962. С. 274–314.
16. *Кулагина Л.М.* Торгово-экономические связи России и Ирана (XIX — начало XX в.) // *Иран. История, экономика, культура. Памяти С.М. Алиева*. М. : ИВ РАН, 2009. С. 118–140.
17. *Сапаров Д.Д.* Тавризская железная дорога 1908–1915. Краткий исторический очерк строительства // *Вестник Северо-Восточного государственного университета. История*. 2020. Т. 1. № 3. С. 53–65.
18. *Колпаков П.А.* Организация железнодорожного сообщения Российской империи и Ирана через Закавказье во второй половине XIX — начале XX в // «В сердцах людей Крым всегда был неотъемлемой частью России»: к 10-летию воссоединения Крыма с Россией : материалы XXVI Всерос. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 17 апреля 2024 г. М. : РУДН, 2024. С. 156–166.
19. *Кирилец С.В.* Первые дальнобойщики международных перевозок // *Грузовик пресс*. 2013. URL: <https://gruzovikpress.ru/article/1155-pervye-dalnoboyshchiki-mejdunarodnyh-perevozok/?ysclid=lslrqjishi505608279> (дата обращения: 15.02.2024).
20. *Томапа М.Л.* Экономическое положение Персии. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1895. 172 с.
21. *Казем-Заде Ф.* Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М. : Центрполиграф, 2004. 315 с.
22. *Гурьев Б.М.* Поездка в Тавриз // *Исторический вестник*. 1912. Т. 128. С. 975–999.
23. *Гурьев Б.М.* Поездка в Тавриз // *Исторический вестник*. 1912. Т. 129. С. 310–747.
24. *Корноухова Г.Г.* Российско-персидские экономические отношения в начале XX века: дорожное строительство // *Научный диалог*. 2024. Т. 13. № 3. С. 445–462. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-445-462>

References

1. *Plamenev I.* Rossiya dast v kredit €1,3 mlrd na stroitel'stvo zheleznoi dorogi v Irane [Russia will provide a loan of €1.3 billion for the construction of a railway in Iran]. *RBK*. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/05/2023/6464d6bd9a794744d3582605> [accessed February 8, 2024] (In Russ.).
2. *Bobynin NN.* *Persiya, ee ekonomicheskoe polozhenie i vneshnyaya trgovlya 1901–1923* [Persia, its economic situation and foreign trade 1901–1923]. Tiflis: Narodnyi komissariat po vneshnei trgovli Z.S.F.S.R. publ., 1923. (In Russ.).

3. Kukanova NG. *Ocherki po istorii russko-iranskikh otnoshenii v XVII — pervoi polovine XIX veka (Po materialam russkikh arkhivov)* [Essays on the history of Russian-Iranian relations in the XVII — first half of the XIX centuries (Based on materials from Russian archives)]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo publ., 1977. (In Russ.).
4. Ataev KhA. *Politicheskie i torgovo-ekonomicheskie otnosheniya Severo-Vostochnogo Irana i Rossii v nachale XX veka (1900–1917)* [Political, trade and economic relations between North-Eastern Iran and Russia at the beginning of the XX century (1900–1917)]. Ashkhabad: Ylym publ., 1989. (In Russ.).
5. Nikonov OA. *Politika Rossiiskoi Imperii na Srednem Vostoke vo vtoroi polovine XIX v.* [The policy of the Russian Empire in the Middle East in the second half of the XIX century]. Moscow: Prometei publ., 2015. (In Russ.).
6. Gokov OA. Russkaya politika v Irane v nachale 1890-kh gg.: smena prioritetrov. *The Journal of Dmitry Pozharsky University*. 2019;(4):40–100. (In Russ.).
7. Larin AB. Before the Storm: Russia and Britain in Iran in 1913. *Istoriya*. 2021;12(1). (In Russ.). <https://doi.org/10.18254/S207987840013829-0>
8. Plieva ZT, Tuaeve BV, Kanukova ZV, Kalirad Ali. Activities of Iran's consular services in the Caucasus in 1905–1911: According to Iranian sources. *RUDN Journal of Russian History*. 2022;21(4):568–580. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-568-580>
9. Naumova NA. *Vostochnaya Persiya v poslednei treti XIX — nachala XX vv. i ee rol' v protivostoyanii Rossii i Velikobritanii v Tsentral'noi Azii: dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk* [Eastern Persia in the last third of the XIX — early XX centuries. and its role in the confrontation between Russia and Great Britain in Central Asia] [Dissertation]. Stavropol: North Caucasus Federal University; 2022. (In Russ.).
10. Dehqannejhad M, Dehqan Nayeri L, Varfinejhad I. Treaty of Turkman Chāy and the Problem of Succession: an Investigation of Russian Interference in Qājār's Succession Problem. *Historical Studies*. 2012;(2):43–62.
11. Firdous N. Anglo-Russian imperialism in Iran. *Proceedings of the Indian History Congress*. 2017;(78):864–68.
12. Kazemzadeh F. *Russia and Britain in Persia: Imperial ambitions in Qajar Iran*. New York: I.B. Tauris; 2013.
13. Morshedloo J. Oriental studies and geographical discoveries in favor of colonial strategy: The Case of Russian colonial policy in the Southern Caucasus. *Central Eurasia Studies*. 2018;(2):491–512. <https://doi.org/10.22059/jcep.2019.258293.449771>
14. Seyyed Bonakdar SM, Kamalvand M. The role of the great game in the inefficiency of the formality system of the Iranian court from 1796 to 1896. *Geopolitics Quarterly*. 2023;18(4):226–249. <https://doi.org/20.1001.1.17354331.1401.18.68.10.2>
15. Anan'ich BV. Uchetno-ssudnyi bank Persii 1894–1907 [Discount and loan bank of Persia 1894–1907]. *Monopolii i inostrannyy kapital v Rossii* [Monopolies and foreign capital in Russia], 274–314. Moscow; Leningrad: [N.s.]; 1962. (In Russ.).
16. Kulagina LM. Torgovo-ekonomicheskie svyazi Rossii i Irana (XIX — nachalo XIX v.) [Trade and economic relations between Russia and Iran (XIX — early XX century)]. *Iran. Istoriya, ekonomika, kul'tura. Pamyati S.M. Alieva* [Iran. History, economics, culture. In memory of S.M. Alieva], 118–140. Moscow: IV RAN publ.; 2009. (In Russ.).
17. Saporov DD. Tauriz railway 1908–1915. Brief historical sketch of construction. *Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2020;1(3):53–65. (In Russ.).
18. Kolpakov PA. Organizatsiya zheleznodorozhnogo soobshcheniya Rossiiskoi imperii i Irana cherez Zakavkaz'e vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [Organization of railway communication between the Russian Empire and Iran through Transcaucasia in the second half of the XIX — early XX centuries]. *'V serdtsakh lyudey Krym vsegda byl neot'yemloy chast'yu Rossii': k 10-letiyu vossoyedineniya Kryma s Rossiyei: Materialy XXVI Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. Moskva, 17 aprelya 2024 g.* Moscow: RUDN Publ., 2024. (In Russ.).

19. Kirilets SV. Pervye dal'noboishchiki mezhdunarodnykh perevozok [The first truckers of international transportation]. *Gruzovik press*. 2013. URL: <https://gruzovikpress.ru/article/1155-pervye-dalnoboyshchiki-mejdunarodnyh-perevozok/?ysclid=lsrqjishi505608279> [accessed: 15.02.2024]. (In Russ.).
20. Tomara ML. *Ekonomicheskoe polozhenie Persii* [Economic situation of Persia]. St. Petersburg: tip. V. Kirshbauma publ.; 1895. (In Russ.).
21. Kazem-Zade F. *Bor'ba za vliyanie v Persii. Diplomaticheskoe protivostoyanie Rossii i Anglii* [Russia and Britain in Persia: Imperial Ambitions in Qajar Iran]. Moscow: Tsentrpoligraf publ., 2004. (In Russ.).
22. Gur'ev BM. Poezdka v Tavriz [Trip to Tabriz]. *Istoricheskii vestnik*. 1912;(128):975–999. (In Russ.).
23. Gur'ev BM. Poezdka v Tavriz [Trip to Tabriz]. *Istoricheskii vestnik*. 1912;(129):310–747. (In Russ.).
24. Kornoukhova GG. Russian-Persian economic relations at the beginning of the twentieth century: road construction. *Nauchnyi dialog*. 2024;13(3):445–462. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-445-462>

Информация об авторе:

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, доцент кафедры истории России, Российский университет дружбы народов, 117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: kornoukhova-gg@rudn.ru ORCID: 0000-0002-7553-1856. SPIN-код: 1256-9117.

Information about the author:

Gadilya G. Kornoukhova — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Associate Professor of the Department of History of Russia, RUDN University, 6 Miklukho-Maklay St., Moscow, 117198, Russian Federation, e-mail: kornoukhova-gg@rudn.ru ORCID: 0000-0002-7553-1856. SPIN-code: 1256-9117.

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-4-490-503

EDN: JOHNBVM

Научная статья / Research article

Корейский театр масок Понсан тхальчхум: окно в прошлое и гордость настоящего

Ю.Г. Смертин

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

✉ usmer@hotmail.com

Аннотация. Народные театральные представления в масках в средневековой Корее являлись, по-видимому, единственной социально значимой формой художественного самовыражения простонародья. В них психологические установки народа, его устремления, чаяния, желания облекались в стереотипизированные образы. Изучение этого феномена культуры может многое рассказать о национальном характере корейского народа. Цель исследования состоит в анализе содержания спектакля *Понсан тхальчхум*, выявлении его глубинных смыслов в контексте истории и этнопсихологии. Основным источником стал полный текст пьесы, опубликованный корейским ученым Чо Оконом. В российской историографии нет академических работ, посвященных истории театра *Понсан тхальчхум*. Автор опирался на труды корейских и западных исследователей, в той или той степени освещающие историю и современное состояние этого вида театра масок, и на собственные впечатления, полученные во время научной стажировки в Южной Корее. Выводы исследования заключаются в том, что *Понсан тхальчхум* с его критикой отрицательных сторон социальной действительности не выступал против сложившихся норм и существующих порядков, а в сатирической форме показывал нежелательные отклонения от них. Это было кратковременное выражение альтернативной системы ценностей и имело компенсирующую функцию. *Понсан тхальчхум* стал одним из культурных символов Кореи как внутри страны, так и за рубежом.

Ключевые слова: Корея, драма в масках, танцы, музыка, шаманизм, буддизм, юмор, сатира, культурное наследие

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25.03.2024; принята к публикации 12.08.2024.

Для цитирования: Смертин Ю.Г. Корейский театр масок Понсан тхальчхум: окно в прошлое и гордость настоящего // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 4. С. 490–503. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-490-503>

© Смертин Ю.Г., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Korean Bongsan Talchum mask theatre: A window to the past and the pride of the present

Yuri G. Smertin

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

✉ usmer@hotmail.com

Abstract. Masked folk theatre performances in medieval Korea were apparently the only socially acceptable form of artistic expression of common people. They expressed popular mindsets, aspirations, and desires in stereotyped images. The study of this cultural phenomenon can reveal much about Korean national character. The study aims to analyze the content of a Bongsan Talchum play and to reveal its deeper meanings through the prism of history and ethno-psychology. The study is based on a full text of a play published by Korean scholar Cho Okon. In Russian historiography, there are no academic works on the history of Bongsan Talchum theatre. The author relies on the works of Korean and Western researchers, who to a greater or lesser extent covered the history and current state of this type of mask theatre, as well as on his personal impressions obtained during his academic internship in South Korea. The research concludes that Bongsan Talchum in its criticism of negative aspects of social reality did not oppose established norms and existing orders, but satirized undesirable deviations from those. It was a short-term expression of an alternative value system and had a compensatory function. At present, Bongsan Talchum is becoming a cultural symbol of Korea both at home and abroad.

Keywords: Korea, mask drama, dance, music, shamanism, Buddhism, humor, satire, cultural heritage

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received: 25.03.2024; accepted: 12.08.2024.

For citation: Smertin YuG. Korean Bongsan Talchum mask theatre: A window to the past and the pride of the present. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(4):490–503. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-490-503>

История становления корейского театра масок

Первые упоминания о танцах в масках содержатся в «Исторических записях Трех королевств» («*Самгук саги*»), описывающих события первых веков н.э. на Корейском полуострове. Считалось, что эти маски отражали образы богов и использовались артистами для общения с высшими силами и передачи мыслей и желаний людей. Танец *тхальчхум* (*тхаль* — маска, *чхум* — танец) служил живой формой общения между людьми и богами, добавляя в представления элемент радости и развлечения. Танцевальные представления такого рода устраивались в Объединенном Силла (618–935), а в государстве Корё (918–1392) они стали организовываться при дворе [1. С. 71]. В начале периода Чосон (1392–1910) начинает складываться классическая форма *тхальчхума*, представляющая собой сатирические спектакли с религиозными

(шаманистскими и буддийскими) элементами. Они финансировались государством и устраивались при дворе правителей династии Ли на банкетах и по случаю больших праздников под эгидой Бюро по представлениям и ритуалам (*Сандэдогам*). В начале XVII в. эта институция была ликвидирована отчасти из-за финансовых проблем, вызванных вторжениями японцев в конце XVI в. и разорением страны, но в основном вследствие нарастающей неоконфуцианской ортодоксии, с опорой ее адептов на строгий ритуал и отрицание трансцендентной мистики. Однако многие актеры продолжали выступать на провинциальных площадках для простолюдинов и без государственного контроля все больше отходили от классических стандартов и учитывали местный колорит. Так появлялись различные виды спектаклей *тхальчхум*, получивших названия местностей, в которых они ставились, хотя основные персонажи и сюжетные элементы сохранялись [2. С. 150]. Позже появились профессиональные труппы, члены которых принадлежали в основном к сословию *чхонмин*, куда входили люди презираемых профессий. Статус и род деятельности таких актеров были наследственными.

Спектакли ставились на Новый год, Чхусок (праздник урожая), в периоды засухи или по другим случаям [3. С. 280]. Представления давались на открытом воздухе, ночью, при свете костров и факелов и иногда продолжались до рассвета. Сценой служил круг утрамбованной земли, на краю которой сидели музыканты. Хотя в пьесах существовали женские персонажи, все актеры были мужчинами.

В пьесах *тхальчхум* отсутствует сквозной сюжет. Забавные истории, рассказываемые в отдельных сценах, никак не связаны между собой. Зрителям представлялись гиперболизированные жизненные ситуации, хорошо им знакомые, что предполагало эмоциональное включение в театральное действо. Они «сами увлекаются и переживают напрямую, то есть находятся в импровизационном состоянии и через *чхуимсе* принимают активное участие в ходе представления» [4. С. 86]. Здесь нужно пояснить, что *чхуимсе* — это способ контакта с аудиторией, включения зрителей в процесс со-участия, со-переживания. Актер произносит «*Чхуимсе!*», рассчитывая на их реакцию, и в ответ слышит одобряющие возгласы. Так устанавливалась эмоциональная связь со зрителями.

Понсан тхальчхум — одно из самых известных корейских танцевальных представлений в масках — зародилось в XVII в. в уезде Понсан, провинция Хванхэдо. Первоначально оно исполнялось в День рождения Будды (в четвертом лунном месяце), но в конце династии Чосон дата была перенесена на праздник Дано, проводившийся в пятый день пятого лунного месяца в честь окончания посевных работ. Сценическая площадка устраивалась под открытым небом и не имела декораций.

До начала театрального действия устраивалось уличное шествие, жертвоприношения божествам и различные развлечения, в т.ч. ходьба по канату. В прошлом за уличной процессией следовал обряд умиротворения

души Ан Чхомока, местного чиновника низкого ранга, который в XVIII в. возродил танцевальную пьесу в масках. Он ввел много новшеств в драму, заменил деревянные маски на бумажные и взял на себя руководство спектаклем [5. С. 52]. В полнолуние, поздней ночью начиналось представление, продолжавшееся всю ночь.

Эти спектакли собирали большое число зрителей. Отчасти этому способствовало выгодное расположение уезда Понсан, расположенного на перекрестке дороги к северу от Сеула и к югу от Пхеньяна. Здесь находился крупный рынок, и купцы оплачивали все расходы на спектакли отчасти из любви к искусству, но главное, для привлечения покупателей. Так возникали труппы на постоянной основе, что способствовало профессионализации актеров. Вокруг сценической площадки были построены двухэтажные балконы для зрителей, которые во время представления покупали еду и напитки [6. С. 205].

Дальнейшему развитию театра способствовал другой чиновник — Ли Сонгу. Он получил должность *могаби*, главного танцора, контролировавшего режиссуру и драматургию, и ставил танцы таким образом, чтобы они стали более динамичными и выразительными. По мнению Чо Донъиля, именно Ли «помог тхальчхуму Понсан стать жемчужиной спектакля масок в провинции Хванхэдо в конце XIX — начале XX века» [7. С. 45]. К этому времени сложилась классическая форма этого театра, в котором много стихов, в т.ч. цитат из китайских поэтических произведений, текстов песен, монологов, диалогов и, конечно, разнообразных танцев в сопровождении традиционных музыкальных инструментов: двух флейт, двухструнной скрипки и барабана в форме песочных часов. Музыка подчеркивала жесты и движения актеров, усиливала эффект танцев и создавала эмоциональный фон представлению.

Сценическое действие

Для того, чтобы понять специфику театра *Понсан тхальчум*, необходимо ознакомиться с содержанием пьесы. Оно приводится в нашем кратком изложении оригинального текста и сценографии, сделанных видным корейским специалистом Чо Оконом [8; 9].

Акт 1. *Сасанджачхум* (танец четырех молодых монахов-послушников). На них белые монашеские одежды и белые конусообразные капюшоны. Послушники кланяются четырем Небесным царям, покровителям четырех сторон света, и медленно танцуют под музыку. Эти действия призваны очистить от злых сил сцену и окружающее пространство, что является своеобразным ритуалом открытия пьесы.

Акт 2. *Пальмокджунчхум* (танец восьми неправедных монахов-мокджунов). Они нарушили все мыслимые обеты, находятся в состоянии алкогольного опьянения. Каждый из них по очереди выбегает на сцену, сменяя предыдущего актера, произносит собственную реплику, исполняет энергичный и эксцентричный танец, кружась вокруг сцены, подпрыгивая и размахивая длинными белыми рукавами (*хансан*). Монахи одеты в цветные куртки с разноцветными полосками и белые штаны. Их маски красного цвета

с черными и белыми пятнами на нижней половине и семью рогоподобными выступами, покрытыми золотом; все это уродство демонстрирует их распутный образ жизни (рис. 1). Однако монахам не чужды поэтические настроения. Так, второй монах декламирует нараспев следующие стихи:

«Поскольку в горах нет календаря,
Неожиданно для меня наступает смена времен года.
Когда распускаются цветы, должно быть, это весна.
Когда листья на деревьях вырастают, должно быть, это лето.
Когда опадают листья павлонии, должно быть, это осень.
Когда снежинки падают на зеленые сосны и бамбук,
Это не что иное, как зимняя пора.
Я, свободолюбивый деревенский житель,
вел отшельнический образ жизни в горах.
(И неожиданная концовка)
Но когда я слышу звуки музыки,
То теряю интерес к молитве Будде.
С этой изящной музыкой не повеселиться ли мне?
Хотя мои волосы седые, мой ум все еще молод...» [10. С. 47].

Рис. 1. Танец восьми монахов

Источник: Bongsan Talchum (Mask Dance Drama of Bongsan). URL: <https://english.cha.go.kr/chaen/search/selectGeneralSearchImagePop.do> (дата обращения 12.03.24).

Монолог монаха вместе с последующим танцем призваны погрузить зрителей в атмосферу спектакля. Другие монахи также произносят свои стихотворные монологи при выходе на сцену. В конце акта восьмой развратный монах созывает остальных и они, танцуя, обходят сценическую площадку и уходят.

Акт 3. *Саданчхум* (танец бродячей артистки-развлекательницы). Садан — женщина, возглавляющая группу из семи странствующих артистов. Они следуют за Садан, танцуют с ней, играют на разных барабанах, вступают в диалоги, поют, приподнимая маски, и в конце своей сцены заявляют, что намерены посетить восемь знаменитых буддийских храмов на востоке страны.

Акт 4. *Ноджанчхум* (танец старого монаха) Сцена 1. Суть представления заключается в том, что старый развратный монах Ноджан увлекается красивой шаманкой Сому, которую привели ему его коллеги *мокджуны* из второго акта. Девушка кокетничает, исполняет откровенный танец. Ноджан вешает ей на шею свои четки, подтверждая этим свое моральное падение.

Сцена 2. *Синджансучхум* (танец продавца обуви). Ноджан и Сому танцуют, когда появляется Синджансу, продавец обуви, и рассказывает о своей трудной жизни. Старый монах подзывает его и покупает пару туфель для Сому. В этот момент из короба Синджансу, к его удивлению, выскакивает обезьяна (рис. 2). Продавец обуви говорит обезьяне, чтобы она взяла деньги за обувь у старого монаха. Обезьяна подходит к Ноджану и, стоя за спиной Сому, делает несколько непристойных жестов. Синджансу выказывает непристойное желание в отношении Сому, выражая это интригующими телодвижениями. Вместо денег обезьяна получает от монаха записку: «Если хочешь получить деньги за обувь, приходи на угол Дровяной улицы» и показывает ее Синджансу. Предположив, что его хотят сжечь, продавец и обезьяна обуви убегают. Ноджан и Сому танцуют.

Рис. 2. Танец льва

Источник: Bongsan Talchum (Mask Dance Drama of Bongsan). URL: <https://english.cha.go.kr/chaen/search/selectGeneralSearchImagePop.do> (дата обращения 12.03.24).

Сцена 3. *Чхвибаричхум* (танец Чхвибари). Неожиданно появляется Чхвибари (старый холостяк и пьяница, его маска похожа на маски *мокчжунов*). Он заключает пари с Ноджаном, что сможет победить его в танце и тогда заберет Сому. Но старый монах выходит победителем, а его соперника избивают. Тогда Чхвибари соблазняет девушку деньгами, исполняя танец любви. При этом он проползает между ног Сому, поднимает голову и говорит: «О боги! Здесь очень жарко...». Сому делает вид, что у нее болит живот, роняет из-под юбки куклу, что говорит о том, что она родила ребенка, от которого она тут же отказывается. Чхвибари берется его воспитывать и учит китайским иероглифам и корейскому алфавиту *хангыль*.

Акт 5. *Саджачхум* (танец льва). Развратные монахи пугаются появившегося льва, который намерен их убить и съесть за нарушение буддийских обетов. Лев танцует вокруг монахов, прыгает в центре сцены, трясет головой, демонстрируя свои намерения. Монахи каются, вместе они танцуют, и лев их прощает (рис. 3).

Рис. 3. Маски театра Понсан тхальчхум

Источник: Encyclopedia of Korean Folk Drama. Seoul, 2020. URL: <https://archive.org/details/koreanfolkdrama/page/n55/mode/2up> (дата обращения 12.03.24).

Акт 6. *Янбанмальттугичхум* (танец янбанов и Мальттуги). Слуга янбанов (служилых дворян) Мальттуги танцует, а затем высмеивает продажность аристократов, которые безграмотны, с легкостью меняют соперничающие политические фракции в надежде добиться привилегий и высоких постов. Появляются три брата-янбана, они танцуют и кричат: «Эй ты, мешок с крысам! Что ты говоришь?». В ответ Мальттуги повторяет сказанное, но в облегченном варианте. Они вступают в диалог, который

демонстрирует, что слуга намного умнее своих господ. Глупые *янбаны* даже не подозревают, что их высмеивают. Все это сопровождается музыкой и танцами. *Янбаны* приехали посмотреть *тхальчхум*, и слуга предлагает им поселиться в гостинице, которая на самом деле является свинарником. Здесь они остаются ночевать, неумело сочиняют стихи в китайском стиле, бездарно поют. Затем *янбаны* поручают Мальттуги поймать и арестовать некоего Чхвибари, укравшего государственные деньги. Слуга приводит нетрезвого преступника. *Янбаны* хотят его убить, но затем соглашаются с Мальттуги, который предлагает все забыть и получить с Чхвибари украденные деньги. Сцена заканчивается всеобщим танцем.

Акт 7. *Мияльхёнгамчхум* (танец старухи Мияль и ее мужа Ёнгама). Мияль танцует появляется на сцене с веером в одной руке и колокольчиком в другой. В диалоге с одним из музыкантов старуха рассказывает, что прошло много времени с тех пор, как она в разгар войны была разлучена с мужем. Она исполняет длительный песенный монолог, призывая Ёнгама. Тот появляется, не замечает Мияль и, танцуя, рассказывает музыканту, как он скучает по своей супруге.

Появляется Мияль, они узнают друг друга, вместе танцуют и имитируют половой акт. Из диалога становится ясно, что их сын, находившейся с матерью, был убит тигром. Ёнгам заявляет, что их больше ничего не связывает, и предлагает расстаться. Мияль выясняет, что молодая женщина-шаманка по имени Тольмори, появившаяся на краю сцены — это наложница Ёнгама. Она избивает соперницу и требует разделить семейную собственность. Тольмори тоже заявляет о своих претензиях на половину рисовых полей. Соперницы дерутся, Мияль падает без чувств, а Тольмори покидает сцену. Ёнгам убеждается, что Мияль мертва, выражает печаль по этому поводу и сожалеет в стихотворной форме, что не успел за всю жизнь дать ей необходимые лекарства от всех болезней, долго их перечисляя. (*По другой сценарной версии Ёнгам бьет свою старую жену, сказавшую, что теперь будет жить с деревенским холостяком, обладателем большого носа. Удар оказался смертельным.*)

На сцену выходит старик с белой бородой, на нем длинный белый халат и шапка из конского волоса. Это Намган Ноин, Старец Южного полюса (даосское божество счастья и долголетия). Он убеждается, что Мияль мертва, сожалеет об этом и вызывает женщину-шаманку (*мудан*) для проведения экзорцистской церемонии (*кут*) с целью отправки души покойной в рай. Затем он вносит столик с чашей для вина и зажженными благовониями. *Мудан*, размахивая веером и гремя колокольчиком, производит шаманский обряд изгнания разбуженных злых духов; она экзотично танцует и выкрикивает заклинания. Намган Ноин отправляет душу в рай. На этом спектакль заканчивается.

Акт 8. *Двинпури* (закрытие). На сценическую площадку выходят все участники спектакля. Они готовят поминальный стол, уставленный винными чашами и различными блюдами, дважды кланяются, желают удачи зрителям и бросают свои маски в костер.

Важнейшие элементы спектакля

Маски. Театральные маски могут многое рассказать о характере создавшего их народа, его истории и менталитете. В понсанском *тхальчхуме* маска являлась одним из самых важных элементов представления и «выступала прежде всего как средство обозначения социальной роли персонажа в фарсовом представлении, дававшем резко сатирическую картину взаимоотношений различных слоев общества и характерных черт типизированного представителя каждого слоя» [11. С. 45].

Маски делаются из нескольких слоев тутовой бумаги, пропитанных клеем, и выполнены в гротескной манере, черты лица сильно преувеличены. На маски могли приклеиваться кусочки меха, волосы и другие материалы. Их яркие цвета должны быть хорошо видны, поскольку спектакли проходили ночью при свете костров [12. С. 479]. Светлые цвета символизируют красоту, молодость, чистоту, темные — старость, усталость от жизни, красные маски ассоциируются с пьянством.

Танцы. Интегральной частью представления являются танцы, отличающиеся быстрыми, динамичными движениями. Танцоры одеты в яркие цветные костюмы, расцветка которых имеет символическое значение. В них сочетались пять цветов, каждый в китайской и корейской культуре символизирует одну из сторон света: синий — Запад, красный — Юг, черный — Север, желтый — Центр мира [13. С. 36], а также зеленый цвет — символ положительной энергии, чистоты, здоровья. Таким образом, представление символически включалось в космический процесс. Длинные рукава придают танцам увеличенный масштаб и динамизм, на них фокусируется внимание зрителей, когда актеры подбрасывают их вверх при сгибании и разгибании рук, чтобы выразить различные эмоции.

Особенной экспрессивностью отличается танец восьми монахов с их быстрыми, агрессивными движениями, прыжками и вращениями. Каждый *мокджун* хвастается своим танцевальным мастерством. Но не все танцы настолько экспрессивны. Танец четырех молодых монахов-послушников отличается спокойными, плавными и нежными движениями. Изначально он исполнялся мужчинами, но в XXI в. все чаще в нем участвуют женщины [14. С. 62]. Особое место в представлении занимает танец шаманки (*мудан*). Это ритуальное действие призвано очистить от потенциально опасных злых духов территорию, где собираются люди [15. С. 43]. Танец сопровождается речитативом, криками, плачем, бряцанием колокольчиками, угрожающими жестами и прыжками.

Сатира. Представления театра *Понсан тхальчху*, как и другие подобные спектакли в масках, носят ярко выраженный комический и сатирический характер. Они воспроизводят действительность как нечто несообразное посредством смеховых образов. Объектом сатиры являются прежде всего *янбаны*, представители образованного класса. Простые люди относились к *янбанам* со смешанным чувством враждебности и зависти. Это отражалось в пословицах «Куда бы янбан ни пошел, его встречают роскошным угощением; куда бы ни пошел простой человек, его встречает тяжелая работа», «Янбан никогда не греет себя соломой» [16. С. 102]. Через диалоги в шестом акте демонстрируется ограниченность и поверхностность их знаний, жадность и приземленность желаний. Слуга здесь выглядит по-настоящему умным человеком на фоне напыщенных и самовлюбленных аристократов. Возникает вопрос: как власти допускали такие вольности в мероприятиях, собиравших большое

количество простонародья? Исследователь *тхальчхума* Чон Донъиль считает, что такие спектакли обеспечивали некий катарсис (кор. *синмён*), эмоциональную разрядку зрителей и актеров, испытывавших постоянно давление строго стратифицированного общества [17. С. 91]. Здесь удовлетворялось стремление простого человека найти утешение, пусть и временное, от несправедливостей, трудностей повседневной жизни.

Театр масок, высмеивая отрицательные стороны представителей правящего класса, не выступал против сложившихся норм и существующих порядков, а в сатирической форме показывал нежелательные отклонения от них. Поэтому власти не преследовали *тхальчхум*, несмотря на присутствовавшую в нем социальную сатиру, высмеивание высших низшими. Его терпели как кратковременное выражение альтернативной системы ценностей, как всплеск социальной инверсии существовавшего миропорядка. Социальный порядок восстанавливался, как только актеры и зрители покидали место действия. Такие балаганные спектакли давали простолюдинам «возможность компенсировать свои разочарование и конфликты, которые долгое время подавлялись в повседневной жизни. Когда драма в масках заканчивалась, люди возвращались к своим обычным повседневным делам». С помощью таких развлечений «они могли восстановить свое стремление к гармонии» [18. С. 198].

Другим объектом сатиры были буддийские монахи. Следует сказать, что при династии Ли их положение, как и буддизма в целом, резко ухудшилось. Во времена предыдущей династии Корё эта религия всячески поощрялась и была частью государственной идеологии; монахи обладали большой властью, а духовенство было очень многочисленным. С XVI в. со стороны правящей элиты начинаются гонения на буддизм как на учение, несоответствующее рациональным нормам конфуцианства. Почти все храмовые земли были конфискованы. Социальный статус монахов, имевших когда-то моральный авторитет, понизился до *чхонмин*, низкого сословия, включавшего шаманов, мясников, сапожников, артистов и т.п. [19. С. 353]. Однако монахи продолжали претендовать на моральное превосходство в народной среде, хотя значительная их часть вела отнюдь не праведный образ жизни. Реакция на это простолюдинов и проявлялась в спектаклях *тхальчхум*. Во втором акте монахи демонстрируют алкогольное опьянение, а один из них настолько пьян, что едва может подняться с пола. В четвертом акте старый монах пытается соблазнить молодую женщину.

Тем не менее, буддизм как религия и монашество как институт не подвергались осмеянию в народной среде. Молодые, неразвращенные монахи-послушники в первом акте весьма привлекательны и выполняют важную функцию очищения пространства от злых сил. Появляющийся в пятом акте лев является в буддизме символом Будды, и он намерен наказать грешных монахов-отступников и рассеять сгустившуюся атмосферу порока. Монахи сожалеют о своем поведении, оправдываются, что они просто «выполняли

наставления Чхвибари», обещают «стать хорошими учениками Будды» и просят пощадить их [20. С. 43]. Лев кивает в знак того, что Будда всегда прощает заблудших, вставших на путь исправления.

Юмор. В представлениях театра *Понсан тхальчхум* много юмора приземленного характера. Персонажи толкаются, падают, колотят друг друга, заглядывают под юбку женщинам, демонстрируют умственную неполноценность и т.п. Много юмора «ниже пояса». В шестом акте слуга, пародируя стихотворные потуги аристократов, декламирует собственное сочинение с заданным *янбаном* словом «голова»: «В дырке изгороди видна голова собаки / В дырке изношенных штанов видна головка пениса» [20. С. 47]. И это стихотворение очень понравилось аристократу, что говорит об отсутствии у него вкуса.

Сексуальные отношения также подаются в юмористическом характере. Все это рассчитано на невзыскательный вкус простого народа. Но даже здесь мог быть перебор. Есть сведения, что реплики, произносимые развратным холостяком Чхвибари были настолько непристойными, что женщины-зрительницы удалялись до его появления на сцене [20. С. 50].

Комизм сцены может соседствовать с трагизмом, как в сцене драки старой некрасивой жены *янбана* с молодой сексуальной наложницей (седьмой акт). Это вызывало смех у зрителей, но в то же время и сопереживание значительной их части, прежде всего женщин, которые отождествляли себя с многострадальной старухой [2. С. 160]. Муж игнорирует свою ответственность перед женой, которая долгое время разыскивала его по всей стране. Он нашел себе молодую женщину и не хочет от нее отказываться. Конфликт заканчивается смертью старухи. Трагический финал делает Хальми жертвой патриархального, ориентированного на мужчин общества.

***Понсан тхальчхум* в новейшее время**

XX в. для театра масок был очень непростым. В период японской оккупации (1910–1945) колонизаторы стремились насаждать собственную культуру и всячески пытались ограничить проявления национального самовыражения. Многие праздники, связанные с танцевальными драмами в масках, были запрещены, однако до начала японо-китайской войны в 1937 г. на рынках местные торговцы с целью оживления бизнеса периодически устраивали представления. В дальнейшем, вплоть до конца Второй мировой войны, проведение спектаклей *тхальчхум* не разрешалось колониальными властями.

Корейская война (1950–1953) и события после нее также не способствовали сохранению развлекательных жанров. Только в 1960-х гг. танцевальная драма в масках стала привлекать к себе повышенное внимание. Корейским фольклористам удалось восстановить тексты и сценографию некоторых

спектаклей. В то время правительство генерала Пак Чонхи стремилось утвердить корейскую национальную идентичность в условиях модернизации и вестернизации и восстановить культурное наследие Кореи, погнанное японскими колонизаторами. В 1962 г. был создан список объектов культурного значения, куда вошли танцевальные пьесы в масках [21. С. 379], *Понсан тхальчхум* признан важной культурной ценностью Кореи № 17, а в 2022 г. внесен в список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО¹. Желание возродить наиболее яркие феномены национальной культуры нашло поддержку у молодежи. Демократически настроенные студенты, выступавшие против диктаторского правления президента Пак Чонхи, в 1970-х гг. изучали *тхальчхум* и устраивали представления, в ходе которых в традиционный сценарий добавлялись политически заостренные высказывания [2. С. 153]. В 1980-е гг. государственная политика, направленная на пропаганду корейской традиционной культуры, была продолжена. В декабре 1988 г. создана Ассоциация корейских народных театров с задачей сохранения и популяризации богатого театрального наследия. *Понсан тхальчхум* представлялся как репрезентативный элемент корейской культуры для всего мира. В 1988 г. при проведении Олимпийских игр в Сеуле, когда корейское правительство стремилось продемонстрировать богатство национальной культуры для международной аудитории, *Понсан тхальчхум* был выбран в качестве одной из показательных особенностей общества и культуры страны [6. С. 193].

В XXI в. государство и различные общественные организации стараются сохранить и популяризировать *Понсан тхальчхум* с целью передать необходимые знания молодому поколению. Осуществляется это через творческие мастерские, обучающие программы, летние школы, образовательные инициативы, фестивали культуры и т.п. *Понсан тхальчхум* является частью образовательного процесса в Южной Корее, тексты с изложением его истории и основных сюжетов включены в десятки учебников для начальной и средней школы [22. С. 58]. Он служит мостом между прошлым и настоящим, открывая окно в богатое культурное наследие Кореи и ее непреходящие художественные традиции.

Заключение

Понсан тхальчхум, корейская танцевальная драма в масках, представляет собой комплексное театральное представление, сочетающее ритуальные аспекты, такие как молитвы о благополучии деревни и хорошем урожае,

¹ 47 элементов, внесенных в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Пресс-релиз. 22 декабря 2022 г. URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/47-novykh-elementov-vneseny-v-spiski-nematerialnogo-kulturnogo-naslediya-yunesko> (дата обращения: 15.03.2024)

с юмористическими диалогами, каламбурами и сатирой на правящий класс, а также мелодекламации, песни и танцы под ритмичную музыку. Темы и интермедии спектаклей отражали различные аспекты жизни корейского общества, фокусируясь на социальных проблемах и ценностях.

Понсан тхалчхум — это не только визуальное зрелище, но и захватывающее представление, которое увлекает зрителей своими выразительными масками, яркими движениями и энергичными ритмами, вызывая у них различные эмоции и погружая их в повествование. Этот жанр можно отнести к карнавальной, смеховой культуре, свойственной средневековым обществам разных стран и континентов. Способность простолудинов комически оценивать действительность во время балаганных представлений на время разрушает сложившуюся социальную и ценностную иерархию, ставит под сомнение устоявшиеся догмы. «Карнавализация сознания» (М.М. Бахтин) способствует объединению людей, распространяет новые смыслы и представления и создает временное чувство воодушевления и облегчения, необходимые для существования в условиях постоянной социальной фрустрации.

В последние десятилетия наблюдается возрождение интереса к театру *Понсан тхалчхум*, что привело к новой оценке его культурного значения. Были предприняты усилия по сохранению и популяризации этой традиционной формы искусства, обеспечивая ее сохранение для будущих поколений и превращение в важный культурный символ Кореи.

Список литературы

1. Chon K. *Traditional Performing Arts of Korea*. Seoul: Korea Foundation; 2008.
2. Saeji C. The Bawdy, Brawling, Boisterous World of Korean Mask Dance Dramas: A Brief Essay to Accompany Photographs CedarBough Saeji. *Cross-Currents: East Asian History and Culture Review*. E-Journal. 2012;(4):146–168. <https://doi.org/10.1353/ach.2012.0020>
3. Pratt K, Rutt R. (eds.) *Korea. A Historical and Cultural Dictionary*. London, 1999.
4. Квон Дж. У истоков профессионального корейского театра // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2016. № 1. С. 75–88.
5. Yi D. Mask Dance Dramas. *Traditional Performing Arts of Korea*. Seoul: Gwangmyeong; 1975, p. 35–80.
6. Saeji C. *Transmission and Performance: Memory, Heritage, and Authenticity in Korean Mask Dance Dramas*. PhD dissertation. Los Angeles: University of California; 2012.
7. Cho D. *Korean Mask Dance*. Seoul: Ewha Womans University Press; 2005.
8. Cho OK. Pongsan T'alch'um: A Mask-dance Drama of Hwanghae Province (I). *Korea Journal*. 1982;22 (5):46–71.
9. Cho OK. Pongsan T'alch'um: A Mask-dance Drama of Hwanghae Province (II). *Korea Journal*. 1982;22 (6):42–59.
10. Cho OK. Pongsan T'alch'um: A Mask-dance Drama of Hwanghae Province (I). *Korea Journal*. 1982;22 (5):46–71.
11. Араджиони О.Ю. Облик и значение маски корейского театра понсан // Университетский научный журнал. 2023. № 74. С. 44–51. https://doi.org/10.25807/22225064_2023_74_44
12. Suh CS, Rowan B, Cho Y. (eds.). *An Encyclopaedia of Korean Culture*. Seoul: Hansebon; 2006.
13. Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб. : Лань, 2003. С. 116–123.

14. Kim YG. Characteristics of Korean mask-dance drama. Master of Arts theses. University of Montana, 1985. Available from: <https://scholarworks.umt.edu/etd/8018/> [Accessed 12 March 2024].
15. Mills S. Music in Korean Shaman Ritual. In: Haekyung Um, Hyunjo Lee (eds.) *Rediscovering Traditional Korean Performing Arts*. Seoul: Korea Arts Management Service; 2012, p. 39–45.
16. Kim J. *The Koreans: Their Mind and Behavior*. Seoul. Kyobo book center; 1991.
17. Чо Т. Хангук ый тхальчхум (Тхальчхум в Корее). Сеул : Ихва тэхаккё, 2005. (На кор. яз.).
18. Jeon K. The History and Types of Korean Mask Dramas. *Yeonhui: Korean Performing Arts*. Seoul: National Gugak Center; 2015, p. 155–201.
19. Тихонов В.М. История Кореи: в 2 томах. Т. 1. С древнейших времен до 1876 года. М. : Муравей, 2003.
20. Cho Oh Kon. Pongsan T'alch'um: A Mask-dance Drama of Hwanghae Province (II). *Korea Journal*. 1982;22(6):42–59.
21. Курмызов А.А. Возрождение «славного прошлого» в Республике Корея в период правления Пак Чон Хи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 4. С. 374–392. doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-374-392
22. *Encyclopedia of Korean Folklore and Traditional Culture*. Vol. V. Encyclopedia of Korean Folk Drama. Seoul: National Folk Museum of Korea; 2020.

Информация об авторе:

Смертин Юрий Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет, Российская Федерация, 350000, Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, e-mail: usmer@hotmail.com ORCID: 0000-0002-0432-0197. SPIN-код: 2702-7941

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-4-504-514

EDN: LPXNLY

Научная статья / Research article

Роль кочевых народов Центральной Азии в продвижении буддизма в Россию

Б.У. Китинов

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

✉ kitinov@mail.ru

Аннотация. История буддизма в Средней Азии и его последующего проникновения на территорию современной России богата во всех измерениях: по народам и землям, различным сопутствующим событиям и процессам, сыгравшим важную роль в истории религии, и т.д. На долгом пути, длившемся столетия, буддизм смог обогатить местные культуры своими идеями, продемонстрировал способность трансформироваться, придавая новые черты своим духовным достижениям и одновременно «закладывая» их в культуры народов, воспринявших учение Будды позже. Индию, где возник буддизм, и Россию отделяют друг от друга огромные расстояния, и многие народы Средней Азии внесли свой вклад в развитие местных форм учения Будды: афганцы, парфяне, кушаны, уйгуры, монголы, ойраты и др. Впервые буддизм проник в Среднюю Азию в эпоху македонских походов и укрепился благодаря своей веротерпимости и комплиментарности с локальными культами и верованиями. Есть две стадии истории буддизма в Средней Азии — вначале в ее западной части (просуществовала там до VII–IX вв.), в основном у тюрок, затем в восточной (распространяется с периода не позже VII в.), когда эта религия проявит себя у жужаней (стела, найденная в Булганском аймаке Монголии). С переселением западно-монгольских ойратов в южную Сибирь во второй половине XVI в. следует вести отсчет существованию в России тибетского буддизма, но можно проследить следы влияния на этих кочевников и более раннего, уйгурского буддизма. Также отмечен факт калмыцко-индийского взаимодействия в сфере буддизма, укрепления этой религией своих позиций среди бурятов, тувинцев и народов Алтая. Исследование в основном касается территории нынешней России, хотя изучение истории буддизма на территории прежних Российской империи или СССР определенно показывает более впечатляющее наследие этой религии. Выделены основные географические области и направления продвижения буддизма в сторону России с указанием значения отдельных лиц и народов.

Ключевые слова: тюрки, монголы, Индия, тибетский буддизм, Сибирь, ойраты, буряты, тувинцы, Алтай

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18.05.2024; принята к публикации 12.08.2024.

© Китинов Б.У., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Китинов Б.У. Роль кочевых народов Центральной Азии в продвижении буддизма в Россию // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 4. С. 504–514. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-504-514>

Central Asian Nomads in the Spread of Buddhism in Russia

Baatr U. Kitinov

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation

✉ kitinov@mail.ru

Abstract. The history of Buddhism in Middle Asia and its subsequent transition to Russia is rich in every dimension: in peoples and lands, events, processes, which played an important role in the history of religion, etc. This long journey lasted for centuries, when Buddhism managed to enrich local cultures with its ideas, while demonstrating the ability to transform itself, giving new features to its spiritual achievements and at the same time incorporating them into the cultures of nations that accepted the teachings of Buddha later. India, where Buddhism first originated, and Russia are separated by vast distances, and many peoples of Central Asia made their contributions to the development of local forms of Buddha's teachings. In particular, those were such peoples as Afghans, Parthians, Kushans, Uyghurs, Mongols, Oirats, etc. Buddhism first penetrated into Middle Asia during the era of the Macedonian campaigns and took hold due to its tolerance to and complementarity with the local cults and beliefs. There are two stages in the history of Buddhism in Central Asia: first in its western part (where it would persist until the 7th–9th centuries) mainly among the Turks, then in the eastern part (from no later than the 7th century onwards), when Buddhism would manifest itself among the Zhuzhans (a stele found in the Bulgan aimag of Mongolia). The resettlement of Western Mongolian Oirats to southern Siberia in the second half of the 16th century marks the arrival of Tibetan Buddhism in Russia; however, one can also identify traces of earlier influence of Uyghur Buddhism on these nomads. In addition, the research looks at the way Kalmyks and Indians interacted in the sphere of Buddhism, and at how Buddhism was consolidating its position among the Buryats, Tuvians and the peoples of Altai. The author mainly focuses on the territory of present-day Russia, although the study of Buddhism history in the territory of the former Russian Empire or the USSR definitely shows a more impressive heritage. The study highlights principal geographical areas and directions of Buddhism advance towards Russia, and indicates the role of certain individuals and peoples.

Keywords: Turks, Mongols, India, Tibetan Buddhism, Siberia, Oirats, Buryats, Tuvans, Altai

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 18.05.2024; accepted 12.08.2024.

For citation: Kitinov BU. Central Asian Nomads in the spread of Buddhism in Russia. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(4):504–514. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-504-514>

Введение

Истории распространения буддизма среди кочевников Центральной Азии в российском и зарубежном востоковедении посвящено немало работ, собраны и систематизированы значительные объемы письменных источников,

археологических и иных материалов. Также изданы многочисленные труды по истории буддизма в России, основывающиеся на серьезной источниковой базе, но их подробный обзор не будет представлен, так как это выходит за рамки заявленной темы и жанра.

Вместе с тем, существенной проблемой является фактическое отсутствие работ по изучению влияния раннего центральноазиатского буддизма на тех кочевников, которые позже привнесли это учение (в его тибетском варианте) на территорию России. Существующие публикации в большей степени акцентируют тибетские, монгольские и китайские источники и контексты (в лучшем случае начиная с XIII в.), практически игнорируя иные, связанные с буддизмом Центральной Азии более раннего периода. Между тем именно ранняя история (и культура) буддизма в регионе оказывала воздействие на особенности и скорость восприятия этого учения более поздними кочевниками, формирование их сакральной литературы и др. Особенно это обстоятельство проявляется при изучении религий у монгольских народов, в т.ч. у их предков, доказательством чему является фундаментальное исследование С. Хурцбаатара [1].

Автор рассчитывает этой публикацией вызвать интерес исследователей к теме влияния на монгольских кочевников наследия более раннего периода истории буддизма в Средней Азии, а также к особенностям истории распространения этой религии в России.

Буддизм в Средней Азии

Существует общее мнение, что буддизм начал проникать из Индии в Среднюю Азию еще в I в. н.э. Но некоторые ученые относят это время уже к эпохе Александра Македонского (конец IV в. до н.э.).

Вовлечение Средней Азии в сферу македонских походов (330–326 гг. до н.э.) способствовало дальнейшему углублению связей и сотрудничества между народами этого региона и другими народами Востока. Завоевание Пенджаба Александром Македонским и последующее продвижение его армии по течению Инда и выход на берега Великого моря (Индийского океана) привели великого полководца к встречам с носителями различных местных духовных учений, в т.ч. и буддизма. Во время этого последнего завоевания император встретил буддийских монахов и после общения позволил им проповедовать учение Будды в своей империи.

После смерти Александра его военачальники Селевк и Птолемей основали собственные государства (в Азии и Африке), которые со временем распались. Сын Селевка, император Антиох Первый, одобрил, как и его отец, проповеди буддийских монахов по территории всей империи [2. С. 235].

В середине III века до н.э. на большей территории Средней Азии возникло независимое Греко-Бактрийское государство. Примерно в это же время

образовалось Парфянское царство во главе с Арсаком, положившим начало династии Арсакидов (Аршакидов). В отличие от сильной Парфии, Греко-Бактрия представляла собой нестабильное образование, от которого сначала отделилось государство Согд (Согдиана), чуть позже — государство Бактрия (около 150 г. до н.э.).

Согдиана располагалась в бассейне рек Зеравшан и Кашкадарья со столицей в городе Мараканд (прежнее название современного Самарканда в Узбекистане). Согдийцы играли важную роль в торговых делах практически на всем протяжении Великого Шелкового пути. Согдиана около II в. н.э. стала важным регионом существования и развития буддизма, и многие известные буддийские монахи были выходцами из этого региона [3. С. 110–112].

Бактрия — древнеиранское название обширной области верхнего и среднего бассейна реки Амударья и ее многочисленных притоков — рек Пяндж, Вахш, Кафирниган, Сурхандарья, Кундуз. В период своего наибольшего подъема Бактрийское царство оказало значительное влияние на своих соседей. В области культуры здесь пересеклись греческие и местные традиции, что повлияло на последующее развитие культурной жизни этого огромного региона. Пока сохранялся зороастризм, существовали и другие религиозные верования, в частности буддизм. Это государство около 135 г. до н.э. прекратило свое существование из-за внутренних распрей и вторжений с северо-востока кочевых племен юэчжи.

Парфянское царство включало в себя частично территорию современного Ирана и западную часть Средней Азии, где располагался один из главных центров царства — Ниса (село Багир близ современного Ашхабада, Таджикистан). Правители Парфии были толерантны в религиозной сфере, и, хотя там преобладало зороастрийское учение, во второй половине II в. н.э. выпускались монеты с изображением буддийской ступы, большая ступа была возведена в Маргианской области (близ Мерва) [4. С. 195–196].

Более чем 400 лет — с конца I в. до н.э. до середины IV в. н.э. — большая часть Средней Азии пребывала в составе Кушанского царства. Кушаны были кочевниками, создавшими на руинах Бактрии свое государство, занимавшее территории большей части современной Средней Азии, Афганистана, северной Индии. Самым известным кушанским правителем был всецело покровительствовавший буддизму Канишка, во время правления которого состоялся четвертый буддийский собор (около 100 г. н.э.). Искусство кушанов было уникально, оно представляло собой яркий синтез архитектуры, скульптуры и живописи локальных и пришлых культур (буддийские комплексы Кара-Тепе, Фаяз-Тепе, Айртам и др.) [5].

В первые века нашей эры земли Средней Азии стали местом взаимодействия и столкновения нескольких форм религий: зороастризма, буддизма, христианства и манихейства. Сам буддизм разделился на два основных направления: махаяну (Великую колесницу) и тхераваду (учение Старейших),

между которыми началась борьба за влияние в Центральной Азии с ее богатым и многочисленным населением [6. С. 235–236].

В эпоху наивысшего могущества Кушанского государства буддийские общины распространили свое влияние вглубь долины р. Сурхандарьи. Например, кушаны возводили крупные буддийские постройки в городах местностей Тармит и Балх, местные буддийские общины были богаты и влиятельны. По свидетельствам известных китайских паломников Сюань Цзана и Хой Чао, в Тохаристане (основанном на бывшей территории Бактрии) в VI–VII вв. продолжалось строительство буддийских памятников [5. С. 158].

Кушано-бактрийская культура носила синкретический характер, вобравший в себя черты как местной древне-бактрийской, так и эллинистической, сако-скифской и индийской буддийских культур. После разгрома кушанов Сасанидским Ираном буддизм продолжал сохранять здесь свое влияние и далее проник в Мервский оазис (в Каракумы). Здесь буддийские постройки появились примерно в IV–VI вв. Север Бактрии и Мерв были последними, по крайней мере известными на сегодняшний день, точками северо-западного распространения буддизма.

В то время этот регион также был тесно связан с Тибетом. Можно допустить, что уже тогда, не позднее IV в., буддизм имел определенное влияние в Тибете. Действительно, изучение археологических памятников и источников показывает, что один из маршрутов проникновения буддизма в восточные земли — к китайцам и тибетцам — шел по маршруту Фергана — Чач (близ современного Ташкента) — Семиречье, имел место и другой процесс — продвижение в эти регионы учения Будды из Кашмира и Хотана [5. С. 165–167].

С VII в. буддизм в Средней Азии начал приходить в упадок. Например, в Самарканде уже в 630 г. он практически не имел влияния — упомянутые выше китайские путешественники нашли лишь один монастырь с единственным монахом, а сами подверглись нападению местных жителей. Однако буддизм продолжал процветать в Ферганской долине. Основываясь на сведениях, содержащихся в «Махаяне-сутраламкара-карикe», где упоминается некий Пушкаварти, поехавший в Ташкент для освящения вихары, можно заключить, что регион Чача, вероятно, также был охвачен буддизмом [5. С. 164]. Буддизм более всего сохранился на Памире (до IX в.).

Одновременно с падением влияния в Средней Азии буддизм начинает укрепляться восточнее, на территории современной Монголии. Безусловно, между этими волнами буддизма имела определенная связь и взаимозависимость, которая все еще нуждается в изучении; это было духовное наследие Тюркского каганата и явило себя в буддизации такого известного позже тюркского народа, как уйгуры.

Наиболее раннее свидетельство пребывания буддизма в Монголии относится к началу VII в. Этот период определен в результате исследования проф.

Солонгод Л. Хурцбаатаром стелы — эпитафического источника, найденного на территории Булганского аймака Монголии в 1972 г.

По мнению Хурцбаатара, стела была изготовлена в период господства жужаней. О том, что в то время эти кочевники знали буддизм, говорят первые строки памятника: «Мы думали о Кагане, который будет рожден святой силой Бодхисатвы, и который придет из рода каганов и княжеских членов Дигин; мы думали при этом о происхождении Бода Кагана» [1. С. 164].

Упоминание в источнике имени Нири кагана позволяет идентифицировать этого правителя: он правил у тюрков в 595–604 гг. и был внуком Мухан Иркин хагана (553–572), но к власти пришел после поражения в 587 г. своего дяди Апа-кагана, правившего восточной ветвью тюркского каганата. Территориально Нири пребывал на северном Тянь-Шане и, как и его дядя, претендовал на правление над всем каганатом. Однако маловероятно, чтобы текст был написан от имени Нири — стела была обнаружена, как указывалось, в Монголии, на большом расстоянии (практически 2000 км. по прямой) от его земель на Тянь-шане. Кроме того, в тексте говорится о смерти Нири: «Мы зажгли для воскресения Нири Кагана и Туруг Кагана светильники предков» [1. С. 164].

Поражение войскам Нири нанесла конфедерация кочевников теле при поддержке династии Суй [7. С. 250]. Регион же, где обнаружили стелу, в свое время был едва ли не центром расселения телесцев. Следовательно, можно заключить, что стелу создали, скорее всего, плененные сторонники Нири, которых было немало [8. С. 89]. Судя по тексту, их перевели на жительство на телеские земли. Также надо заметить, что ведущим народом среди телесцев в то время становились вышеупомянутые уйгуры, получившие известность тогда же благодаря своему лидеру, носящему характерное имя (титул) Пу-са, т.е. Бодхисаттва [8. С. 90]. Э. Вессир считает, что стела посвящена памяти Пу-са и была сооружена в 630-х гг. [9].

Как бы там ни было, эта надпись определенно указывает на наличие буддизма у тюрков, по крайней мере, среди правящей прослойки. Особый интерес представляет информация, касающаяся буддизма у уйгуров, — ведь в исторической науке все еще превалирует мнение, что эта религия стала распространяться среди них лишь после падения каганата в 840 г. и перемещения этих тюрков в Восточный Туркестан, где они познакомились с учением Будды.

Тибетский буддизм среди монгольских народов и в России

Несмотря на значительное влияние в повседневной жизни традиционных верований и деятельности шаманов, буддизм получил распространение среди тюркских народов. Уйгуры, после разгрома их каганата кыргызами в середине IX в., в своей основной части переместились в регион Бешбалыка и Турфана и стали воспринимать буддизм в его тохарской и согдийской вариациях.

В «Сунмо цзивэнь» (XII в.) отмечено: «Уйгуры... больше всего поклоняются Будде. Общими силами сооружают храм, посреди которого из глины и дерева [воздвигается] статуя Будды. Во время каждого поста обязательно колют баранов, некоторые, напившись пьяными, пальцами, обмоченными в крови, мажут рот Будды. Некоторые обхватывают его ноги обеими руками и вызывают с мольбою. Это означает выражение любви и почтения. При чтении священных книг одевают хитоны, которые носят буддийские монахи, и читают на языке Западной Индии» [10. С. 91].

Ко времени монгольских походов уйгуры сформировали свою версию буддизма, смогли создать огромный массив буддийской литературы, переводя на свой язык тексты с тибетского, китайского, санскрита и других языков. Этот народ имел тесные культурные связи со всеми своими соседями. Уйгурский алфавит (основанный на арамейской письменности) утвердился среди монгольских племен найманов и керейтов и получил распространение среди западных монголов (ойратов). Именно уйгуры были первыми учителями буддизма среди монголоязычных народов, прежде всего среди их ближайших соседей — ойратов.

Чингисхан высоко ценил уйгуров, которые влияли не только на его политические решения, но и вообще на культурные достижения монголов. В.В. Бартольд писал, что «первыми учителями монголов и первыми чиновниками Монгольской империи были уйгуры» [11. С. 453] и «представители уйгурской интеллигенции, находившиеся на службе у монголов, по большей части принадлежали к буддийскому духовенству» [11. С. 454].

Но самые большие изменения в духовной жизни монгольских народов произошли с распространением среди них тибетского буддизма.

Тибетский буддизм — региональная форма северного варианта буддизма, начавшая формироваться с середины I тыс. н.э. Эта религия получила распространение в Тибете во времена правления Сронцанга Гампо из династии Ярлунг.

Всего выделяют четыре ведущих направления в тибетском буддизме. Старейшая тибетская буддийская школа Ньингма была создана в IX в. знаменитым тантрическим мастером Падмасамбхавой. Школы Сакья (основатель — Конченг Гьялпо, 1034–1102) и Кагью (линия основателей — Тилопа, Наропа, Марпа (1012–1099), Миларепа (1040–1123)) появились позже, в XI–XII вв.; школа Гелуг (основатель — Дже Цзонкхапа, 1357–1419) возникла в конце XIV в.

Для благоприятного развития буддизма среди монгольских народов имелись объективные причины: во-первых, распространение и укрепление буддизма среди монголов совпало с формированием общемонгольской государственности; во-вторых, буддизм не противоречил интересам основных социальных сил общества; в-третьих, влияние других религий было слабым по сравнению с влиянием буддизма. Учитывая существование различных религиозных взглядов в средневековом монгольском обществе, возникновение

буддизма сопровождалось утверждением его доминирующего положения по отношению к другим верованиям и религиям и превращением его в идеологию государства.

Ойраты с середины XIII в. стали перемещаться из верховьев реки Енисей (своей родины) несколько южнее, захватив восточные окраины Джунгарской котловины, в т.ч. алтайский регион. Однако спустя три века, с середины XVI в., ойраты под давлением соседей (тюрков, восточных монголов) мигрировали в сторону Южной Сибири. Например, ойраты торгуты и дербеты спустились вниз по р. Иртыш. Они стали кочевать вдоль берегов Иртыша, Тобола, Оми и других рек и вскоре вошли в контакт с российскими властями. Одним из самых важных результатов было то, что эта миграция ойратов фактически означала появление тибетского буддизма на территории России.

Часть этих ойратов, более известных как калмыки, мигрировала далее, в Волго-Каспийский регион, где стала утверждаться в 1630-х гг., а спустя примерно 60 лет, около 1690-х гг., основала там Калмыцкое буддийское ханство. Лидера калмыцкой сангхи традиционно назначал Далай-лама, и связи калмыков с Тибетом возродили интерес России к этой дальней стране. На новой родине калмыки смогли установить отношения и стать близкими духовными друзьями индийских купцов, проживавших в Астрахани. Этот вопрос до сих пор еще недостаточно изучен, хотя представляет собой интересную страницу в истории буддизма на юге России.

Известный исследователь и путешественник С.Г. Гмелин в конце XVIII в. после поездки в Персию писал, что он собрал сведения об индийцах и калмыках, таких заметок у него собралось немало и он надеется со временем привести их в порядок и опубликовать [12. С. 1]. Но позже Гмелин был убит на Кавказе, а его заметки пропали.

Натуралист и этнограф П.С. Паллас также изучал связи между калмыками и индийскими купцами в Астрахани. После посещения калмыков в 1760-х гг. он отмечал: «Мне заподлинно сказывали, что находящиеся в Астрахани индейцы, в числе коих есть браманы, не токмо признавают калмыков за свою братию, но и некоторых калмыцких бурханов, а особливо бурхана Аюшу [будда Амитаюс — К.Б.] и Джакджиммуни [будда Шакьямуни. — К.Б.] почитают за богов» [13. С. 492]. Он даже предполагал, что «ламская вера» (буддизм) и сами калмыки произошли от индийцев [13. С. 492].

Есть и еще одна особенная тема, касающаяся калмыцко-индийских связей — это сандаловая статуя Будды. Считается, что она была изготовлена еще при жизни Будды и перемещена из индийской Бодх-Гаи в Бактрию в IV в. буддийским монахом Кумараяной, который добрался до г. Куча (Кочо), где обрел покровителя в лице местного правителя. Немного погодя Кумараяна снял обеты и женился на Дживаке, сестре правителя города. У них родился сын Кумараджива (344–413), в последующем известный переводчик буддийских текстов. В 384 г. он был доставлен в Китай, вместе с ним в Поднебесной

оказалась и сандаловая статуя Будды. Ее хранили и почитали в различных китайских столицах. При монгольской Юаньской династии в Кайфыне для статуи возвели храм, при династии Цин построили новый храм неподалеку от Запретного города. С.Ч. Дас писал, что статуя «хранится в храме Зандан-сы в Пекине и была увидена (им — С.Ч. Дасом) в 1885 г.» [14. С. 996]. В 1900 г., во время Боксерского восстания храм сандалового Будды был разрушен, а статуя через несколько лет оказалась в Забайкалье.

В российских архивах имеются сведения, касающиеся особого отношения калмыков к этой статуе. Согласно им, делегация калмыцкого хана Церен-Дондука, отправленная в Лхасу к Далай-ламе в 1729 г., вернулась обратно, привезя с собой тетрадь в 14 листов, где изложена «...история о строении Зандан Зоу которая в Пекине, подлежащая учению духовным их калмыцким...»¹. Это означает, что калмыки знали статую из среднеазиатского периода своей истории, и главный калмыцкий лама Шакур специально искал информацию о ней [15].

Если приведенную выше информацию дополнить фактом, что отдельные сакральные работы у ойратов имели в своей основе не тибетский, а уйгурский текст, а самый ранний источник по истории буддизма у ойратов (эпиграфический, сер. XIII в., с выдержками из буддийских и конфуцианских текстов) написан для ойратов уйгурскими буддийскими монахами, то становится очевидным, что выявление раннего влияния буддизма на монгольские народы имеет существенное значение для более объективного понимания их истории.

Буддизм также утвердился на территории Южной Сибири. Здесь местные народы (буряты, тувинцы и алтайцы) в разное время принимали тибетский буддизм.

Буддизм тибетской школы Гелук проник на территорию Бурятии в XVII в. В начале XVIII в. он распространился по всему Забайкалью, в XIX в. после ожесточенной борьбы с шаманизмом буддизм проник и в Прибайкалье.

На территории Тувы остатки буддийских храмов (хурэ) датируются XIII–XIV вв. Тем не менее здесь, как и на Алтае, распространение буддизма Гелук следует отнести к периоду вхождения этих территорий в состав ойратского Джунгарского ханства (вторая пол. XVII — сер. XVIII вв.). Интересно отметить, что упомянутые народы принадлежат к разным этническим семьям: калмыки и буряты принадлежат к монгольским народам, а тувинцы и алтайские народы — к тюркским.

Однако было бы неверно связывать присутствие буддизма в России только с монгольскими народами и временем переселения ойратов в Южную Сибирь в конце XVI в.

¹ Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. 36. Оп. 1. Д. 63; Архив внешней политики Российской империи. Ф. 119. Оп. 119/1. Д. 18. 1732–1735.

Судя по имеющимся данным, впервые буддизм распространился на территории современной России в VII–VIII вв. Это был китайский буддизм в государстве Бохай, расположенного в южной части современного российского Дальнего Востока.

Недалеко от современного города Уссурийска, находящегося примерно в 80 км от Владивостока, в долинах были найдены руины бохайских буддийских храмов. Их называли Копытинским и Абрикосовским храмами по названию холмов, на которых их раскопали археологи. Там же нашли несколько небольших статуй Будды, сделанных из обожженной глины.

Обнаруженные позднее неподалеку остатки других буддийских храмов (например, Краскинский) были датированы X в. Следующим в том же Приморском крае был раскопан храм на мысе Обрывистый. Датировается он XIII в., периодом чжурчженьской династии Цзинь [16]. Буддизм здесь долгое время не просуществовал, будучи забытым местным населением из-за деятельности шаманов и ослабления связей со следующими династиями Юань и Мин.

Заключение

Россия обладает живым буддийским наследием различных периодов распространения буддизма на ее территории. В основном они связаны с историей кочевников, исповедующих буддизм: калмыков (потомков ойратских народов), бурят, тувинцев и алтайских народов. Буддизм прочно вошел в повседневную жизнь этих народов и стал важным фактором формирования нравственности, народных праздников, традиций и обычаев.

Но важно помнить, что буддизм, зародившись в Индии, не только сохранил ряд важных «индийских» черт, но также в разные века способствовал сближению буддистов разных национальностей непосредственно с индийцами, которые могли и не быть последователями учения Будды. Прежде чем достичь русских земель, индийский буддизм прошел через многие царства, народы и культуры, от Ближнего до Дальнего Востока, через Среднюю Азию, Тибет, Китай и Монголию. Буддизм смог обогатиться и стать более гибким благодаря адаптационным цивилизационным моделям всего континента и объединить кочевые и оседлые культуры и обычаи в одну огромную буддийскую цивилизацию. Многие кочевники Средней Азии из тюрков и монголов один за другим становились ревностными последователями буддизма, что в т.ч. способствовало организации среди них государствообразующих структур. Распространение тибетского буддизма школы Гелук среди монголоязычных и ряда тюркоязычных народов стало очередным этапом проникновения буддизма в более северные регионы — в Россию, где буддизм закрепится в волжско-каспийском и южносибирском регионах.

Археологические свидетельства, архивные и связанные с ними иные источники доказывают давнюю, многовековую историю буддизма в России, которая тесно связана с историей буддизма в Евразии, т.е. с древними событиями и процессами, которые вели эту религию из Индии в нашу страну. Изучение буддизма во всем комплексе его истории позволит обозначить буддизм в России как яркий пример богатства буддийской цивилизации, обеспечить научные обоснования его актуальности и медиативной роли в разных сферах жизни.

Список литературы

1. *Солонгод Л.* Хурцбаатар. 1400 жилийн омног овог монгол хэл : Хуис толгойн бичээс (НТ1)-ний судлал. Elias Verlag IMoFiF e. V. Cologne Germany, 2020. 388 p.
2. *Бикерман Э.* Государство Селевкидов / пер. с франц. Л.М. Глускиной. М. : Наука, 1985. 264 с.
3. *Хуэй-Цзяо.* Жизнеописания достойных монахов (Гао сэн чжуань) : в 3 томах. М. : Наука, 1991. 240 с.
4. *Кошеленко Г.А.* Культура Парфии : монография. М. : Наука, 1966. 220 с.
5. *Ставиский Б.Я.* Судьбы буддизма в Средней Азии. М. : Наука, 1998. 214 с.
6. *Литвинский Б.А., Зеймал Т.И.* Буддийский монастырь Аджина-Тепа (Таджикистан). Раскопки. Архитектура. Искусство. СПб. : Нестор-история, 2010. 319 с.
7. *Вэй Чж.* История династии Суй (гл. 83, л. 16–5а) // Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / введ., перев. и комм. В.С. Таскина. М. : Наука, 1984. С. 246–250.
8. *Chavannes E.* Documents sur les Toukiue (Turcs) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Санкт-Петербург : типография императорской академии наук, 1903. 378 с.
9. *Vaissière E. De la.* The Historical context to the Hüis Tolgoi inscription. URL: https://www.academia.edu/34569840/The_Historical_context_to_the_H%C3%BCis_Tolgoi_inscription (Дата обращения: 27.05.2024).
10. *Малявкин А.Г.* Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск : Наука, 1974. 210 с.
11. *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М. : Наука, 1963. С. 43–610.
12. *Гмелин С.Г.* Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч. 2. Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 по 5 июня 1770 года. СПб., 1777. 272 с.
13. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Часть первая. СПб. : Императорская академия наук, 1809. 657+117 с.
14. *Das Chandra Sarat.* Tibetan-English Dictionary. Calcutta: Bengal Secretariat Book Depot, 1902. 1363 p.
15. *Kitinov B.* Shakur Lama: The Last Attempt to Build the Buddhist State // *Buddhism in Mongolian History, Culture and Society* / ed. By V.A. Wallace. Oxford University press, 2015. P. 37–52.
16. *Артемов А.Р.* Буддийские храмы XV в. в низовьях Амура. Владивосток, 2005. 201 с.

Информация об авторе:

Китинов Баатр Учаевич — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук, Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12, e-mail: kitinov@mail.ru ORCID: 0000-0003-4031-5667. SPIN-код: 9886-3550.

СОВРЕМЕННЫЙ МИР MODERN WORLD

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-4-515-527

EDN: LYWSYI

Научная статья / Research article

Влияние всеобщих выборов на трансформацию партийной системы Канады в 1990–2020-е гг

А.Н. Комаров

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская
Федерация

✉ ruslan10@inbox.ru

Аннотация. Представлена эволюция партийной системы Канады в период с 1993 по 2021 гг. По мнению автора, результаты всеобщих выборов в Канаде в эти годы самым прямым образом повлияли на трансформацию партийной системы этого государства, формируя ее парламентскую многопартийность на общенациональном уровне. Выделены три непосредственных периода эволюции партийной системы Канады: 1993–2006, 2006–2015 и 2015–2019 гг. Такая периодизация отразила не только эволюцию партийной системы в рамках канадского парламентаризма, но и изменения самих политических идеологий. Подчеркивается, что парламентские выборы 1993 г. явились важнейшей вехой всей трансформации партийной системы Канады, сформировав новые региональные партии в канадском парламенте. Отмечена чрезвычайная важность парламентских выборов 2006 г., на которых впервые выиграла Консервативная партия, предоставив весомую альтернативу либералам. Не менее значимыми показаны результаты парламентских выборов в плане влияния на развитие ведущих политических идеологий в Канаде. Сделан вывод о прямом влиянии результатов парламентских выборов на смену политического лидерства в партиях, что показано на примерах С. Харпера, приведшего консерваторов к победе на выборах 2006 г., а также Дж. Трюдо, преодолевшего кризис либерализма и победившего на выборах 2015 г. Исследование доказало, что выборы меняли политический ландшафт Канады, способствовали укреплению одних партий и исчезновению других.

Ключевые слова: парламентские выборы, эволюция, политические партии, консерватизм, либерализм, идеологии

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 16.04.2024; принята к публикации 28.05.2024.

© Комаров А.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Комаров А.Н. Влияние всеобщих выборов на трансформацию партийной системы Канады в 1990–2020-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 4. С. 515–527. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-515-527>

The impact of the federal elections on the transformation of the Canadian Party System In 1990–2020 years

Andrey N. Komarov

Russian State University of Humanities, Moscow, Russian Federation

✉ ruslan10@inbox.ru

Abstract. The study presents the evolution of the Canadian party system in the period from 1993 to 2021. The author believes that the results of the general elections in Canada, from 1993 to 2021, had the most direct impact on the transformation of the party system of this state, forming its parliamentary multiparty system at the national level. According to the author, it is worth highlighting three immediate periods of evolution of the Canadian party system: from 1993 to 2006, from 2006 to 2015, and from 2015 to 2019. According to the author, this periodization reflected not only the evolution of the party system within the framework of Canadian parliamentarism, but also changes in political ideologies themselves. The author emphasizes that the 1993 parliamentary elections were the most important milestone in the entire transformation of the Canadian party system, forming new regional parties in the Canadian parliament. The study notes that the 2006 parliamentary elections were extremely important, since the Conservative Party won the elections for the first time, providing a significant alternative to the liberals. The results of the parliamentary elections were no less significant in terms of influence on the development of leading political ideologies in Canada. The author concludes that the results of the parliamentary elections had the most direct impact on the change of political leadership in the parties. This is indicative of the examples of S. Harper, who led the Conservatives to victory in the 2006 elections, as well as J. Trudeau, who overcame the crisis of liberalism and won the 2015 elections. From the author's point of view, the elections changed the political landscape, contributed to the strengthening of some parties and the disappearance of others.

Keywords: parliamentary elections, evolution, political parties, conservatism, liberalism, ideologies

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 16.04.2024; accepted 28.05.2024.

For citation: Komarov AN. The impact of the federal elections on the transformation of the Canadian party system in 1990–2020 years. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(4):515–527. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-515-527>

Введение

Партийная система Канады последних тридцати лет представляет собой интересный феномен. Необходимо отметить, что результаты всеобщих выборов в Канаде с 1993 по 2021 гг. самым прямым образом влияли

на трансформацию партийной системы этого государства, формируя ее парламентскую многопартийность на общенациональном уровне. **Цель исследования** — выявить влияние всеобщих выборов 1993, 2006, 2011, 2015, 2019 и 2021 гг. на трансформацию партийной системы Канады.

Задачи исследования:

- проанализировать влияние результатов всеобщих выборов 1993, 2006, 2011, 2015, 2019 и 2021 гг. на развитие ведущих политических идеологий в Канаде, и, прежде всего, консерватизма, либерализма и социал-демократизма;
- выявить, каким образом, результаты парламентских выборов повлияли на смену политического лидерства в партиях;
- определить значимость итогов парламентских выборов для развития Канады в первой четверти XXI в.

Хронологические рамки рассматриваемого периода специфичны и обладают определенной смысловой нагрузкой. Нижняя хронологическая граница определена всеобщими выборами 1993 г. — временем исчезновения традиционной двухпартийной системы, опирающейся на попеременное нахождение у власти либералов и консерваторов, и формированием многопартийной системы. Верхняя хронологическая граница связана с всеобщими выборами 2021 г., означающими продолжение эры либерализма во главе с Дж. Трюдо.

Объектом исследования явились именно те парламентские выборы, результаты которых оказали наибольшее влияние на трансформацию партийной системы Канады. К таковым отнесем парламентские выборы 1993, 2006, 2011, 2015, 2019, 2021 гг. Именно поэтому за рамками исследования оказались парламентские выборы 1997, 2000, 2004, 2008 гг., хотя и они упоминаются в контексте исследования.

Исследование, будучи междисциплинарным, опирается на методологию, используемую во всеобщей истории и политической науке. Во-первых, принцип историзма — именно он позволяет рассматривать итоги выборов в историческом контексте, а не просто как сухую политическую статистику, которую необходимо анализировать. Исход парламентских выборов 1993, 2006, 2011 и 2015 гг., чрезвычайно значимых для Канады, был определен именно рядом исторических предпосылок и обстоятельств, оказавших на них самое непосредственное воздействие. Во-вторых, сравнительно-исторический метод, используемый в исследовании, позволяет выделить общее и особенное в деятельности политических партий Канады, проходящих через определенные этапы своего исторического развития в процессе подготовки к выборам. Это самым прямым образом относится к канадским консерваторам, либералам, новым демократам и Квебекскому блоку, вынужденным неоднократно менять свою стратегию и тактику, вносить программные изменения на определенных исторических отрезках своего развития. В-третьих, проблемно-хронологический

метод позволяет проследить эволюцию стратегии политических партий Канады накануне парламентских выборов. Важную роль в исследовании играл и метод политико-правового анализа, используемый в политической науке. В частности, он продиктовал обращение к предвыборным программам или манифестам политических партий Канады, принятых накануне рассматриваемых нами выборов.

Стоит отметить, что затронутая проблематика нашла свое освещение в российской историографии. Однако оно ограничивалось описанием отдельно взятых выборов и отличалось фрагментарностью. Обобщающего анализа проблематики всеобщих выборов за последние несколько десятилетий сделано не было. Итоги парламентских выборов 2011 г. рассмотрели В.И. Соколов и А.Л. Демчук [1. С. 31–44], результаты парламентских выборов 2006 г. рассмотрены в статье Е.Г. Комковой и К.Ю. Барановского [2. С. 65–78]. Следует упомянуть также и недавнюю работу российского исследователя О.И. Зазнаева, посвященную фиксированной дате выборов в парламенты Великобритании и Канады [3. С. 139–163]. В канадской историографии необходимо отметить публикации под редакцией профессора Дж. Памметта, выходившие последовательно в течение ряда лет и регулярно освещавшие парламентские выборы в Канаде [4. Р. 265–269].

Полагаем, что трансформацию партийной системы Канады удобнее представить как поэтапную со следующей периодизацией:

- 1) от итогов парламентских выборов 1993 г. в Канаде и краха двухпартийной системы до возрождения консервативной идеологии и прихода канадских консерваторов к власти в 2006 г.;
- 2) от получения канадскими консерваторами парламентского меньшинства на выборах 2006 г. до завоевания ими парламентского большинства в результате выборов 2011 г. В этой связи можно говорить о целой эре канадского консерватизма;
- 3) от победы либералов во главе с Д. Трюдо на парламентских выборах 2015 г. до продолжения ими властного мандата в результате парламентских выборов 2019 и 2021 гг.

Стоит отметить, что такая периодизация непосредственно отражает не только эволюцию партийной системы в рамках канадского парламентаризма, но и изменения самих политических идеологий.

От итогов парламентских выборов 1993 г. до прихода канадских консерваторов к власти в 2006 г.

Парламентские выборы 1993 г. явились важнейшей вехой во всей новейшей истории Канады, очень четко разделяя события до этой даты и после нее. В качестве итога парламентских выборов 1993 г. можно выделить четыре ключевых момента.

В-первых, по итогам парламентских выборов 1993 г. серьезное поражение потерпела Прогрессивно-консервативная партия Канады, получившая только 2 места в парламенте и 16 % голосов избирателей. Такой результат был самым удручающим и неприятным для прогрессивных консерваторов за все годы их существования. Но я далек от того, чтобы говорить о разрушении двухпартийной системы Канады в целом. Именно Либеральная партия Канады, являющаяся вторым компонентом двухпартийной системы, во главе с Ж. Кретьеном (с 1993 по 2003 г.) и П. Мартином (с 2003 по 2006 г.), находилась у власти с 1993 по 2006 г. Она получила 177 мест в канадском парламенте, т.е. парламентское большинство. Другое дело, что поражение прогрессивных консерваторов на парламентских выборах 1993 г. поставило вопрос об обновлении консервативной идеологии и срочных мерах по ее реанимации. Поражение Прогрессивно-консервативной партии Канады в выборах 1993 г. необходимо рассматривать в общеисторическом контексте, используя принцип историзма. Именно неудачные конституционные реформы премьер-министра Б. Малруни (Мичлейкское и Шарлоттаунское соглашения), а также непродуманная избирательная кампания нового лидера консерваторов К. Кэмпбелл привели к печальному итогу [5].

Во-вторых, стоит отметить, что в канадском парламенте, помимо прогрессивных консерваторов, либералов и новых демократов, появилась и иная партия — Квебекский блок во главе с Л. Бушаром, который получил 54 места в палате общин канадского парламента и итоговое второе место [6. С. 217–224]. Будучи первоначально одним из соратников Б. Малруни и обладая министерским постом в его втором кабинете (министр охраны окружающей среды), Л. Бушар пришел в крайнее раздражение и негодование после провала Мичлейкского соглашения в 1990 г. Осознавая, что Квебек не получит статус самобытной общности и поправки в канадскую конституцию, касающиеся уникальных прав и полномочий Квебека, не будут внесены, Л. Бушар перестал быть ближайшим сподвижником Б. Малруни и основал собственную политическую партию — Квебекский блок (1990 г.). Причем основной задачей партии был провозглашен суверенитет Квебека. Популярность этого лозунга для значительной части квебекского общества, разочарованного и раздраженного неудачными конституционными реформами Б. Малруни, принесла Л. Бушару и его партии 54 места в канадском парламенте.

В-третьих, результатом парламентских выборов 1993 г. в Канаде стало появление в парламенте страны Партии Реформ во главе с П. Мэннингом, получившей 52 места в палате общин [7. С. 208–220]. Накануне парламентских выборов 1993 г. идеология суверенитета Квебека с ее апологетом Л. Бушаром нашли себе твердого оппонента в лице П. Мэннинга, который отстаивал приоритетные интересы провинций канадского запада в политическом процессе. Мы уже писали о том, что идеология Партии Реформ была комплексной и многоэлементной, включающей в себя традиционный популизм, недоверие

к общенациональным партиям, противостояние квебекского сепаратизму, и, конечно, возвеличивание интересов провинций канадского запада [8].

В-четвертых, парламентские выборы 1993 г. привели к расширению многопартийности в канадском парламенте (Прогрессивно-консервативная партия, Либеральная партия, Новая демократическая партия (НДП), Квебекский блок, Партия реформ). Эта ситуация коренным образом отличалась от парламентских выборов 1988 г., когда только Прогрессивно-консервативная партия, Либеральная партия, НДП присутствовали в парламенте. Однако здесь необходимо отметить один тонкий момент. При наличии многопартийности в парламенте, начиная с 1993 г., тем не менее на общенациональном уровне ведущими политическими партиями по-прежнему оставались либералы и консерваторы, последовательно сменявшие друг друга в течение десятилетий. Так, в канадских провинциях у власти находятся различные политические партии, однако на федеральном уровне только консерваторы и либералы поочередно составляют большинство в парламенте и правительственных структурах.

Выборы 1997 и 2000 гг. подтвердили прежнюю тенденцию многопартийности и регионализации итогов голосования, сформировавшуюся ранее, сохранив список представленных в канадском парламенте партий от 1993 г. Однако здесь стоит отметить и некоторые изменения. По итогам парламентских выборов 1997 г. второе место заняла Партия реформ во главе с П. Мэннингом, получившая 60 мест. В свою очередь, на парламентских выборах 2000 г. второе место получил правоконсервативный Канадский союз во главе со С. Деем. По-прежнему, по итогам обоих выборов парламентским большинством владела Либеральная партия Канады во главе с Ж. Кретьеном, получившая 177 мест в 1997 г. и 172 — в 2000 г. Тем самым, Либеральная партия во главе с Ж. Кретьеном являлась неотъемлемым компонентом канадской двухпартийной системы на общенациональном уровне, уже в третий раз одержав победу на выборах. Во многом это происходило из-за разрозненности консервативных политических сил в Канаде, представленных Партией реформ, Канадским союзом и Прогрессивно-консервативной партией. Прогрессивные консерваторы не сумели выйти из полосы кризиса, тянувшегося с 1993 г. Лидеру Прогрессивно-консервативной партии Ж. Шаре не удалось переломить политическую ситуацию на парламентских выборах 1997 г. Проведя значительно лучшую предвыборную кампанию, нежели К. Кэмпбелл в 1993 г., Ж. Шаре смог получить только 20 мест в палате общин. В свою очередь, на парламентских выборах 2000 г. лидер Прогрессивно-консервативной партии Дж. Кларк обеспечил 12 мест в палате общин. Политическое реноме Прогрессивно-консервативной партии, потерянное в 1993 г., несмотря на все усилия ее новых лидеров, восстановлено не было. Все присутствовавшие в парламенте политические партии активно участвовали

в политическом процессе, однако, безусловное преимущество было у Либеральной партии, обладающей парламентским большинством.

1990-е и начало 2000-х г. оказались крайне тяжелым периодом для Канады, что и отразилось в итогах парламентских выборов 1993, 1997 и 2000 гг. Неразрешенность франко-канадского вопроса (нератифицированное Мичлейское в 1990 и Шарлоттаунское соглашения), выход на политическую авансцену Квебекского блока, раздробленность консервативных сил (Прогрессивно-консервативная партия, с одной стороны, и Партия Реформ, с другой) — все это не только приводило к многопартийности в парламенте, но и делало непонятным политическое будущее страны. Важнейшим вопросом политической повестки дня была стабилизация двухпартийной системы Канады на общенациональном уровне. Именно от этого фактора зависело будущее канадского федерализма. Начиная с парламентских выборов 2004 г., ситуация постепенно стабилизируется. Несмотря на то, что на выборах побеждает Либеральная партия во главе с П. Мартином, впервые с 1993 г. она получает лишь парламентское меньшинство, т.е. 135 мест в палате общин. Одновременно постепенно сходит на нет тенденция раскола консервативных сил в результате объединения Прогрессивно-консервативной партии и Канадского союза под руководством С. Харпера в 2003 г. Объединенная Консервативная партия получает 99 мест в палате общин, что является весомой заявкой на успешный приход к власти на следующих парламентских выборах. Завершается длительная тенденция регионализации голосования, когда на парламентских выборах 1993, 1997 и 2000 гг. голоса электората были распылены между Партией Реформ, Канадским союзом и Прогрессивно-консервативной партией. Продолжается успешное выступление на парламентских выборах Квебекского блока во главе с Ж. Дюсепом, получившего 54 места в палате общин, что свидетельствует о неразрешенности франко-канадского вопроса. По сути дела, лидеры Квебекского блока в этот период, с 1993 по 2008 г., пропагандируют суверенитет Квебека и рассматривают его как единственную альтернативу для франкоязычной провинции.

От парламентского меньшинства консерваторов в 2006 г. до поражения на всеобщих выборах 2015 г.

Второй период в эволюции партийной системы Канады начинается с 2006 г. и завершается 2015 г. Он связан с нахождением у власти канадских консерваторов путем формирования правительств меньшинства и большинства. К нему применимо определение, сформулированное канадским историком Дж. Памметом, когда он пишет о формировании политической династии [4. Р. 265–269]. В его понимании выражение «династия» в политике означает нахождение у власти не менее трех раз, что вполне подходит к победе консерваторов на парламентских выборах 2006, 2008 и 2011 гг. Консерваторы,

возглавляемые С. Харпером, получают на парламентских выборах 124 места в палате общин против 103 мест в палате у Либеральной партии во главе с П. Мартином и 51 местом в палате общин у Квебекского блока, а также 29 местами в нижней палате парламента у НДП во главе с Э. Бродбентом. Консерваторы получают парламентское меньшинство.

Победа консерваторов на парламентских выборах 2006 г. была связана с рядом обстоятельств, среди них наиболее важны следующие: во-первых, усталость избирателей от тринадцатилетнего нахождения у власти Либеральной партии; во-вторых, харизматичность С. Харпера, который сумел объединить вокруг себя разрозненные консервативные силы, и, прежде всего, Прогрессивно-консервативную партию и Канадский союз, что не удавалось до этого ни П. Мэннингу, ни С. Дею, ни Ж. Шаре, ни Дж. Кларку; в-третьих, консерваторы позиционировали свою Консервативную партию как центристскую, а не правоконсервативную. Именно поэтому она получила не только голоса в провинциях канадского Запада, но также в Онтарио и в Квебеке, что было хорошей основой для прихода к власти.

Парламентские выборы 2008 г. также принесли консерваторам парламентское меньшинство. В частности, они получили 143 места в канадском парламенте, Либеральная партия — 77 мест в парламенте, Квебекский блок во главе с Ж. Дюсепом — 49 мест в парламенте, НДП во главе с Э. Бродбентом — 37 мест в парламенте. Консерваторы улучшили свой предшествующий результат в палате общин на 19 мест, однако парламентского большинства им добиться не удалось. Они обладали по-прежнему парламентским меньшинством. Электорат оказал доверие канадским консерваторам, однако итоги парламентских выборов 2008 г. продемонстрировали, что надежды консерваторов на парламентское большинство были преждевременными. Тем не менее, одной из причин победы консерваторов на парламентских выборах стал разработанный ими план борьбы с глобальным экономическим кризисом 2008–2009 гг.

Парламентские выборы 2011 г. завершают второй этап эволюции канадской партийной системы и знаменательны тремя важнейшими событиями.

Во-первых, по итогам выборов впервые Консервативная партия Канады получает парламентское большинство и 166 мест в палате общин. Успех консерваторов был обусловлен двумя моментами: это был результат доверия электората консерваторам, с одной стороны, но это также был и результат слабой предвыборной кампании их основного политического конкурента — лидера Либеральной партии М. Игнатьева. Накануне парламентских выборов 2011 г. вместо предшествующего лидера либералов С. Диона новым лидером Либеральной партии становится М. Игнатьев, на которого либералы возлагали особые надежды с целью победы их партии на парламентских выборах. Однако, эти надежды не оправдались, поскольку М. Игнатьев проявил политический непрофессионализм во время своей предвыборной кампании.

Крайне неудачными для М. Игнатьева явилось его участие в теледебатах. Кроме того, его подвергли сильной критике консерваторы, обвиняя в приезде из США с целью сделать политическую карьеру, а не реализовать интересы избирателей, что, по их мнению, интересовало его меньше всего. Именно эту идею консерваторы обыгрывали в одном из своих телероликов. Кроме того, Квебекский блок во главе с Ж. Дюсепом потерял немало голосов избирателей, которые перешли к НДП, поскольку ее лидер Дж. Лейтон обещал квебекцам разрешить франко-канадский вопрос. Подобных обещаний не было, начиная с конституционных инициатив Б. Малруни на рубеже 1980–1990 х гг. Поэтому результаты парламентских выборов 2011 г. были чрезвычайно интересны. Консервативная партия приобрела парламентское большинство, получив 166 мест в палате общин, НДП во главе с Дж. Лейтоном достались 103 места в палате общин, партия впервые в своей истории заняла второе место на парламентских выборах [9. Р. 303–330]. Либеральная партия во главе с М. Игнатьевым получила 34, Квебекский блок — 4, а Партия зеленых — 1 место в палате общин. Итоги парламентских выборов 2011 г. способствовали появлению прогнозов о том, что НДП на будущих парламентских выборах заменит Либеральную партию в системе власти. Исследователи сравнивали парламентские выборы 2011 г. и феномен НДП с ситуацией на парламентских выборах 1924 г. в Великобритании, когда Лейбористская партия заменила Либеральную в системе власти [1. С. 31–44].

От победы либералов на парламентских выборах 2015 г. до продолжения ими властного мандата в 2019 и 2021 гг.

Итоги парламентских выборов 2015 г. продемонстрировали иные результаты. В частности, к власти возвратилась Либеральная партия, получившая парламентское большинство и 184 места в палате общин [10. Р. 357–381]. Второе место заняли консерваторы во главе со Стивеном Харпером, получившие 99 мест в палате общин и уступившие либералам во главе с их новым лидером Дж. Трюдо. Консерваторы проиграли парламентские выборы, с одной стороны, из-за усталости избирателей от Консервативной партии, а, с другой — из-за того, что С. Харпер не сумел выдержать конкуренцию с Дж. Трюдо. Последний в 2013 г. сменил М. Игнатьева и привел свою партию к победе на парламентских выборах 2015 г. НДП во главе с Д. Малкером приобрела 44 места в палате общин, не оправдав возложенных на нее надежд, и не только не сумела победить на парламентских выборах 2015 г., но и потеряла статус партии официальной оппозиции. Это произошло во многом из-за смерти от онкологического заболевания Дж. Лейтона и выбора нового лидера — Д. Малкера, который, в отличие от своего предшественника, не сумел достичь серьезного успеха. Парламентские выборы 2015 г., как и выборы 2011 г., высветили проблему, связанную с потерей Квебекским блоком

голосов избирателей. Уже на парламентских выборах 2011 г. так называемая «оранжевая волна» сторонников НДП отобрала голоса у Квебекского блока [11. Р. 111–138].

В 2015 г. эта ситуация повторилась, поскольку Квебекский блок никак не мог оправиться от своего фиаско в 2011 г. Поэтому в период с 2015 по 2019 гг. Квебекский блок предпринимает ряд шагов, направленных на модернизацию своей партии с целью получения удачного результата на голосовании. Во-первых, происходит смена лидерства в Квебекском блоке, в частности, ушедшего в отставку Ж. Дюсеппа меняет Д. Полле, который, в свою очередь, уступает М. Боле. В 2015 г. на пост лидера Квебекского блока возвращается Ж. Дюсепп, который пытается улучшить результат на выборах, однако это ему не удается [12. Р. 117–140]. В 2019 г. новым лидером Квебекского блока оказывается И.Ф. Бланше, который инициировал программные изменения в предвыборную повестку дня Квебекского блока. После поражения Квебекской партии (ближайшего союзника Квебекского блока) на провинциальных выборах в Квебеке в 2018 г. руководство Квебекского блока стало менять свою политическую стратегию. В частности, вместо идеи суверенитета Квебека руководство Квебекского блока выдвинуло на первый план идею автономии Квебека, т.е. расширение языковых, культурных, иммиграционных прав провинции в противовес идеи суверенитета. Именно этот шаг позволил Квебекскому блоку получить значительно лучший результат на парламентских выборах 2019 и 2021 гг., получив на каждом выборах по 32 места в парламенте [4. Р. 265–269].

Продление либералами властного мандата на парламентских выборах 2019 и 2021 гг. означало завершение третьего этапа эволюции партийной системы Канады. Полагаем, что эти выборы не были столь значимыми как выборы 1993 или 2006 гг. Эти выборы принесли либералам парламентское меньшинство, продлив их властные полномочия — 155 мест в палате общин на парламентских выборах 2019 г. и 160 мест — в 2021 г. Пользуясь терминологией канадского историка Дж. Памметта, скажем, что либералы сформировали политическую династию, трижды победив на парламентских выборах.

Заключение

Влияние всеобщих выборов 1993, 2006, 2011, 2015 г. на трансформацию партийной системы Канады в этот период времени было весьма значительным. Парламентские выборы 1993 г. привели к коренной перекройке партийной системы Канады, казалось бы, пребывающей в стабильности в течение ряда лет. Появление новых парламентских политических партий — Квебекского блока и Партии реформ, значительно изменило внутриканадскую политику. Парламентские выборы 2006 г. привели к власти Консервативную партию, сумевшую объединить различные консервативные течения. Это, в свою

очередь, привело к стабилизации партийной системы Канады и очередной смене у власти двух главных партий — Консервативной и Либеральной. До этого канадский электорат четыре раза приводил к власти либералов, не желая приводить к власти партии региональной окраски. Парламентские выборы 2011 г. также обладали серьезной значимостью, поскольку они привели к серьезному успеху НДП, занявшей второе место на выборах, и поставили под сомнение саму возможность возвращения к власти либералов. Парламентские выборы 2015 г. возвратили к власти либералов, получивших парламентское большинство.

Влияние результатов всеобщих выборов 1993, 2006, 2011, 2015, 2019 и 2021 гг. на развитие ведущих политических идеологий в Канаде было существенным. В частности, выборы 1993 г. поставил вопрос о дальнейшем существовании консервативной идеологии или ее исчезновении. В свою очередь, выборы 2006 г. доказали хорошие адаптационные возможности консерватизма, что для любой политической идеологии, и не только консервативной, является жизненно важным. Парламентские выборы 2011 г. продемонстрировали, с одной стороны, удачно адаптируемую к требованиям электората идеологию канадских консерваторов, получивших парламентское большинство; с другой стороны, поставили вопрос о необходимости использования идеологии суверенитета Квебекского блока. Последний на данных выборах показал крайне неудачный результат. С третьей стороны, парламентские выборы 2011 г. заострили внимание на политических перспективах носителя социал-демократической идеологии — НДП и ее возможности победы на будущих выборах. Однако, этого впоследствии не состоялось.

Результаты парламентских выборов самым прямым образом повлияли на смену политического лидерства в партиях. Это особенно очевидно на нескольких примерах. По итогам парламентских выборов 1993 г. консерваторы двух направлений (Прогрессивно-консервативная партия и Канадский союз) несколько раз меняли лидеров, пока общим лидером не был избран С. Харпер, приведший Консервативную партию к победе на парламентских выборах 2006 г. Поражение Либеральной партии на парламентских выборах 2011 г. привело к смене М. Игнатьева на Дж. Трюдо, который победил на парламентских выборах 2011 г. Наоборот, отсутствие Дж. Лейтона на парламентских выборах 2015 г. привело к резкому ухудшению результата для новых демократов.

Интересным представляется значимость итогов парламентских выборов для развития Канады в первой четверти XXI вв. Результаты парламентских выборов в Канаде самым прямым образом оказывали влияние на новейшую историю Канады. Они меняли политический ландшафт, способствовали укреплению одних политических партий и исчезновению других. В качестве примера можно назвать исчезнувшую Партию реформ. Другие партии вынуждены были перестраиваться, корректировать свою политическую повестку дня.

Список литературы

1. Соколов В.И., Демчук А.Л. Канада: политические итоги всеобщих выборов 2011 г // США & Канада. Экономика, политика, культура. 2011. № 8. С. 31–44.
2. Комкова Е.Г., Барановский К.Ю. Выборы в Канаде: правые консерваторы у власти // США & Канада. Экономика, политика, культура. 2006. № 4. С. 5–20.
3. Зазнаев О.И. Фиксированная дата выборов в парламент: новый формат взаимодействия законодательной и исполнительной власти в Великобритании и Канаде // Политическая наука. 2023. № 1. С. 139–163. <https://doi.org/10.31249/poln/2023.01.06>
4. Pammet J.H. The testing election // The Canadian federal election of 2019 / ed. by J.H. Pammett, C. Dornan. Montreal & Kingston, London, Chicago : McGill-Queen's University Press, 2020. 368 p.
5. Комаров А.Н. Канадский консерватизм в эпоху Б. Малруни в 1984–1993 годах : монография. М. : Российский университет дружбы народов, 2010. 249 с.
6. Комаров А.Н. Квебекский блок и парламентские выборы 2019 и 2021 годов в Канаде: отказ от идеи суверенитета? // Американский ежегодник 2002. № 1. С. 211–224.
7. Комаров А.Н. Правый консерватизм в Канаде на рубеже XX–XXI вв. : Партия Реформ и Канадский консервативный альянс реформ в борьбе за власть на всеобщих выборах 1993, 1997, 2000 гг // Вестник РГГУ. Серия Исторические науки. Всеобщая история. 2013. № 13 (114). С. 208–220.
8. Harrison T. Of passionate intensity: Right-wing populism and the reform party of Canada. Toronto : University of Toronto press, 1995. 325 p.
9. Pammett J.H., LeDuc L. The Evolution of the Harper Dynasty // The Canadian Federal Election of 2011 / ed. by J.H. Pammett, C. Dornan. Toronto : Dundurn Press, 2011.
10. Pammett J.H., LeDuc L. The Fall of the Harper Dynasty // The Canadian Federal election of 2015 / ed. by J.H. Pammett, C. Dornan. Montreal & Kingston, London, Chicago : McGill-Queen's University Press, 2016.
11. Belanger E., Nadeau R. The bloc Quebecois: Capsized by the orange wave // The Canadian Federal Election of 2011 / ed. by J.H. Pammett, C. Dornan. Toronto : Dundurn Press, 2011.
12. Belanger E., Nadeau R. The bloc Quebecois in a rainbow-coloured Quebec // The Canadian Federal Election of 2015 / ed. by J.H. Pammett, C. Dornan. Montreal & Kingston, London, Chicago : McGill-Queen's University Press, 2015.

References

1. Sokolov VI, Demchuk AL. Political results of recent general elections in Canada. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2011;(8):31–44. (In Russ.).
2. Komkova EG, Baranovsky KY. Vybory v Kanade: pravye konservatory u vlasti [Elections in Canada: Right-wing conservatives in power]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2011;(8):5–20. (In Russ.).
3. Zaznaev OI. A fixed date of parliamentary election as a new format of interaction between legislative and executive power in the UK and Canada. *Politicheskaya nauka*. 2023;(1):139–163. (In Russ.). <https://doi.org/10.31249/poln/2023.01.06>
4. Pammet JH. The testing election. In: J.H. Pammett, C. Dornan (ed.). *The Canadian Federal Election of 2019*. Montreal & Kingston, London, Chicago: McGill-Queen's university press; 2020.
5. Komarov AN. *Kanadskii konservatizm v epohu B. Malruni v 1984–1993 godah* [Canadian Conservatism in the era of B. Mulroney in 1984–1993: monography]. Moscow: RUDN publ.; 2010. (In Russ.).
6. Komarov AN. Kvebekskii blok i parlamentskie vibori 2019 i 2021 godov v Kanade: otkaz ot idei suvereniteta? [The bloc Quebecois and the parliamentary elections of 2019 and 2021 in Canada: Abandoning the idea of sovereignty?]. *Amerikanskii Yezhegodnik*. 2022;(1):217–224. (In Russ.).

7. Komarov AN. Pravii konservatizm v Kanade na rubezhe XX–XXI vv.: Partiya Reform i Kanadskii konservativnii alyans reform v borbe za vlast na vseobshchikh viborakh 1993, 1997, 2000 gg [The Right-wing conservatism in Canada on the eve of XX–XXI centuries: The reform party and the Canadian conservative alliance for reforms in struggle for power during the federal elections of 1993, 1997 and 2000]. *RGGU Bulletin. Series: "Historical Studies. General History"*. 2013;(13):208–220. (In Russ.).
8. Harrison T. *Of passionate Intensity: Right-wing populism and the reform party of Canada*. Toronto: University of Toronto Press; 1995.
9. Pammett JH, LeDuc L. The evolution of the Harper dynasty. In: J.H. Pammett, C. Dornan (ed.). *The Canadian Federal Election of 2011*. Toronto: Dundurn Press, 2011.
10. Pammett JH, LeDuc L. The fall of the Harper dynasty. In: J.H. Pammett, C. Dornan (ed.). *The Canadian Federal Election of 2015*. Montreal & Kingston, London, Chicago: McGill-Queen's University Press; 2016.
11. Belanger E, Nadeau R. The bloc Quebecois: Capsized by the orange wave. In: J.H. Pammett, C. Dornan (ed.). *The Canadian Federal Election of 2011*. Toronto: Dundurn Press; 2011.
12. Belanger E, Nadeau R. The bloc Quebecois in a rainbow-coloured Quebec. In: J.H. Pammett, C. Dornan (ed.). *The Canadian Federal Election of 2015*. Montreal & Kingston, London, Chicago: McGill-Queen's University Press; 2015.

Информация об авторе:

Комаров Андрей Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ИАИ, Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6, ГСП-3, e-mail: ruslan10@inbox.ru ORCID: 0009-0008-6083-2964. SPIN-код: 2900-1319.

Information about the author:

Andrey N. Komarov — Dr. in History, Professor of Department of General History, Russian State University for the Humanities, GSP-3, 6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation, e-mail: ruslan10@inbox.ru ORCID: 0009-0008-6083-2964. SPIN-code: 2900-1319.

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-4-528-541

EDN: PHOEXG

Научная статья / Research article

Этнокультурное наследие Беларуси как платформа туристического брендинга

И.В. Олюнина

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

✉ irinaolunina@yandex.ru

Аннотация. Исследован актуальный опыт создания туристических брендов в регионах Беларуси на основе элементов этнокультурного наследия. Рассмотрены различные стратегии демонстрации и интерпретации белорусского этнокультурного наследия в локальных туристических брендах как важного инструмента для привлечения туристов и получения уникальных и аутентичных впечатлений. Основным недостатком туристического брендинга в Беларуси признано отсутствие системности в построении стратегии. Главными задачами повышения эффективности процесса туристического брендинга определены минимизация негативного воздействия туризма, уважение к локальной культуре и традициям, поиск баланса между использованием элементов культурного наследия для туризма и их сохранением. Установлено, что этнокультурное наследие Беларуси как платформа туристического брендинга способствует сохранению и популяризации культурного наследия, экономическому развитию местных сообществ, образованию и просвещению туристов, укреплению идентичности местных жителей, расширению туристической инфраструктуры и привлечению новых категорий туристов.

Ключевые слова: туризм, бренд, культурное наследие, популяризация туризма

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 17.05.2024; принята к публикации 22.08.2024.

Для цитирования: Олюнина И.В. Этнокультурное наследие Беларуси как платформа туристического брендинга // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 4. С. 528–541. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-528-541>

© Олюнина И.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ethnocultural heritage of Belarus as a platform for tourism branding

Irina V. Olunina

Belarusian State University, *Minsk, Belarus*

✉ irinaolunina@yandex.ru

Abstract. The author analyzes the current experience of creating tourism brands in the regions of Belarus based on elements of ethnocultural heritage. Various strategies for demonstrating and interpreting the Belarusian ethnocultural heritage in local tourism brands are considered as a powerful tool for attracting tourists and obtaining unique and authentic experiences. The role of the ethnocultural heritage of Belarus in the formation of local tourism brands is revealed. The main disadvantage of tourism branding in Belarus is the lack of consistency in building a strategy. The main task of increasing the efficiency of the tourism branding process is to minimize the negative impact of tourism, respect for local culture and traditions, and find a balance between using of cultural heritage elements for tourism and their preservation. The ethnocultural heritage of Belarus as a tourism branding platform contributes to the preservation and popularization of cultural heritage, economic development of local communities, education and enlightenment of tourists, strengthening the identity of local residents, expanding tourism infrastructure and attracting new categories of tourists.

Keywords: tourism, brand, cultural heritage, popularization of tourism

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 17.05.2024; accepted 22.08.2024.

For citation: Olunina IV. Ethnocultural heritage of Belarus as a platform for tourism branding. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(4):528–541. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-528-541>

Введение

Процесс туристического брендинга начинается с изучения состояния имиджа туристического объекта, или дестинации, а также выработки брендовой стратегии. Для того, чтобы сформировать стратегическую цель, нужно определиться с тем, какой дестинация видит себя в будущем, соответствует ли цель ее исторической и культурной уникальности и достаточно ли ресурсов для ее достижения. В выработке стратегической цели должны принимать участие не только государственные органы, но и основные стейкхолдеры туристической индустрии — представители гражданского общества, местной власти и бизнеса.

Брендовая стратегия включает в себя и определение платформы брендинга. Такими платформами могут служить культура, искусство, традиции, история, наука, образование, известные люди, национальная кухня, мифология, природные или архитектурные достопримечательности и многое другое.

Культура — наиболее универсальная из брендовых платформ. Хотя некоторые исследователи и говорят о противостоянии и даже столкновении культур, самобытная культура и высокие культурные достижения обладают в современном мире большой международной притягательностью.

Существует множество определений этнокультурного (культурного, историко-культурного) наследия, но, по сути, к проявлениям культурного наследия относится практически все, что человек делает, придавая этому ценность: движимое и недвижимое культурное наследие, материальное и нематериальное воплощение различных аспектов человеческой жизни, имеющих историческую ценность¹. По мнению одного из основоположников интерпретации культурного наследия Фримана Тилдена (Freeman Tilden), интерпретация как раскрытие смысла объекта или предмета культурного наследия проявляется в установлении контакта между посетителем и объектом, который делает возможным новое понимание, основанное не только на знании, но и на духовном и эмоциональном опыте. Основная цель интерпретации — пробуждение интереса туриста, создание цельного образа, который будет системно проявляться в разных формах коммуникации. Таким образом и становится туристический бренд, создав который, невозможно забыть о нем. Со временем он не только не устаревает, но и накапливает все большую ценность. Поэтому его следует создавать и развивать как долгосрочную инвестицию, занимаясь им системно и постоянно. Надежной основой механизмов туристического брендинга является этнокультурное наследие, как отмечают многие белорусские исследователи [1. С. 185; 2. С. 107; 3. С. 769].

Цель исследования — выявить элементы этнокультурного наследия Беларуси, которые становятся актуальной основой современных механизмов туристического брендинга.

Материалы и методы исследования

В настоящем исследовании применены различные виды анализа (контент, сравнительный), системный метод, а также метод классификации. Кроме того, использованы методы этнологического исследования: интервьюирование, включенное наблюдение. Проанализированы материалы этнографических экспедиций, которые ежегодно проводятся кафедрой этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета Белорусского государственного университета [4; 5]. В Беларуси сформировался ряд научных центров, изучающих туризм, этнокультурное наследие, музейный менеджмент: Белорусский государственный университет, Национальная Академия наук Беларуси, Полоцкий государственный университет, Полесский

¹ Михайлец М.А. Охрана культурного наследия на международном уровне. Минск : БГУ, 2017. С. 6.

государственный университет, Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина и др. Публикации же, посвященные проблематике туристического брендинга, стали появляться после 2010 г., что было обусловлено необходимостью разработки региональных брендов и национального бренда Республики Беларусь. Таким образом, хронологические рамки исследования охватывают период с 2010 по 2024 гг. Кроме того, в источниковую базу исследования вошли важнейшие нормативные документы, регулирующие процесс брендинга в сфере туризма Республики Беларусь², а также монографии «Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест» и «Историческая память как фундаментальная ценность белорусского народа» [1; 6].

Результаты и обсуждение

Программным документом, определяющим приоритетные направления и целевые показатели развития сферы туризма в Беларуси, является Национальная стратегия развития туризма в Республике Беларусь на период до 2035 г. Реализация положений данной стратегии направлена на увеличение вклада туризма в экономику страны. Одно из условий эффективной маркетинговой политики в туризме — разработка и продвижение национального туристического бренда Республики Беларусь. Данная цель зафиксирована и в Государственной программе «Беларусь гостеприимная» на 2021–2025 гг., где отмечается, что в число приоритетных входят задачи повышения конкурентоспособности туристических услуг и продвижения национальных туристических брендов на мировом рынке.

Как отмечает известный российский этнолог В.А. Тишков, историко-культурный образ — бренд территории является важнейшим фактором позиционирования, продвижения и презентации страны, народа, культуры [6. С. 31]. Одно из главных свойств бренда — его предсказуемость, качественное выполнение обещаний. Именно такими свойствами обладает туристический бренд экомuzeя «Мир пчел»³. Его хозяин Василий Фролов — потомок нескольких поколений белорусских пчеловодов, обладающий огромным массивом знаний и потрясающей харизмой при их подаче. Этот

² Национальная стратегия развития туризма в Республике Беларусь до 2035 года. Национальное агентство по туризму. URL: <https://www.belarustourism.by/news/%D0%9D%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%9E%D0%9D%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%90%D0%AF%20%D0%A1%D0%A2%D0%A0%D0%90%D0%A2%D0%95-%D0%93%D0%98%D0%AF.pdf> (дата обращения: 06.08.2024). Государственная программа «Беларусь гостеприимная» на 2021–2025 гг. Министерство спорта и туризма Республики Беларусь. URL: <https://www.mst.by/ru/programmy/gosudarstvennaya-programma-razvitiya-turizma-v-respublike-belarus.html> (дата обращения: 06.08.2024).

³ Экомuzeй «Мир пчел». URL: <http://honeyworld.by/> (дата обращения: 06.07.2024).

турпродукт основан на сохранении и популяризации одного из древнейших белорусских промыслов — бортничества, точно сегментирован, попадает в любую аудиторию и абсолютно оправдывает ожидания туристов, а часто и превосходит их.

Благодаря уникальному событию — религиозному фестивалю, внесенному ЮНЕСКО в перечень нематериального культурного наследия человечества, известен город Будслав, так как ежегодно в начале июля он становится центром притяжения тысяч религиозных туристов, стремящихся увидеть чудотворную икону Будславской Божией Матери. Будславский фестиваль является одним из символов белорусской идентичности как торжество, объединяющее людей разных культур и конфессий.

Еще один фестиваль, «Глиняный звон» в местечке Ивенец Минской области, основан на столетних традициях гончарного ремесла, так как ивенецкая глазурованная керамика популярна с XVI в. Туристов привлекает не только специфическая, узнаваемая бело-зеленая «фляндроўка» с орнаментом волнами, которую можно увидеть в Ивенецком музее традиционной культуры, но и возможность пообщаться на интерактивных мастер-классах с гончарами, сохраняющими древние традиции.

Самостоятельным брендом стал первый белорусский международный кулинарный фестиваль «Мотальскія прысмакі», который проходит в местечке Мотоль Брестской области (рис. 1). Он основан на уникальных этнокулинарных особенностях полесского региона, которые были зафиксированы в ходе полевой экспедиции сотрудников и студентов исторического факультета БГУ в 2009 г. [7].

Рис. 1. Логотип этнокулинарного фестиваля «Мотольские прысмакі»

Источник: БрестСИТИ. Новости. URL: <https://photo.brestcity.com/2021/07/motol.jpg> (дата обращения: 16.08.24).

Figure 1. Logo of ethno-culinary festival "Motol delicacies"

Source: BrestSITI. Novosti. URL: <https://photo.brestcity.com/2021/07/motol.jpg> (accessed: 16.08.24).

В 2023 г. был утвержден логотип Слуцка, разработанный в Слуцком районном центре народного творчества (рис. 2). Логотип основан на одном из известнейших культурных артефактов Беларуси — слуцком поясе, образцы которого изготавливались на местных мануфактурах во второй половине XVIII — первой половине XIX вв.

Рис. 2. Логотип Слуцка

Источник: БЕЛТА — Новости Беларуси. URL: https://img.belta.by/images/storage/news/with_archive/2023/000027_1675277301_547846_big.jpg (дата обращения: 16.08.24).

Figure 2. Logo of Slutsk

Source: BelTA — News from Belarus. URL: https://img.belta.by/images/storage/news/with_archive/2023/000027_1675277301_547846_big.jpg (accessed: 16.08.24).

Туристический бренд города Миоры Витебской области появился благодаря событийному мероприятию — локальному фестивалю местной культуры «Журавли и журавины Миорского края». Разработчиком бренда стало креативное агентство «Молоко». Исследование региона показало уникальность местного культурного ландшафта — традиций, прочно связанных с местной экосистемой: необычная панорама болот с журавлями, клюква и разнообразные вкусовые сочетания местной гастрономии (рис. 3). Эта самобытность проявилась и в слогане «Миорский край. Удивление рядом».

Бренд города Поставы Витебской области (рис. 4) создавался в несколько этапов (открытый конкурс, народное голосование, онлайн-опрос и т.д.) на протяжении 2023–2024 гг. на основе особенностей местного культурного ландшафта. В марте 2024 г. утвердили концепцию бренда, разработанную группой экспертов: Е.М. Еловая, Н.Е. Корнилова, Ж.В. Курдо, Д.В. Андреев, и приняли решение об использовании бренда для продвижения регионального туристического продукта (пр. №2 от 22 марта 2024 г. собрания Межведомственного координационного совета по вопросам развития туризма в Поставском районе). По мнению одного из разработчиков, директора Поставского ТИЦ Дмитрия Андреева, логотип бренда отражает идею сохранения традиций, бережного отношения поставчан к своему прошлому, создавая образ устойчивого развития и движения вперед.

Рис. 3. Компоненты и итоговый вариант туристического бренда города Миоры
 Источник: Молоко. URL: <https://mlk.by/wp-content/uploads/2020/04/Screen-Shot-2020-04-16-at-10.17.26-AM.jpg>
 (дата обращения: 16.08.24).

Figure 3. Components and the final version of the tourism brand of the city of Miory
 Source: Moloko. URL: <https://mlk.by/wp-content/uploads/2020/04/Screen-Shot-2020-04-16-at-10.17.26-AM.jpg>
 (accessed: 16.08.24).

Рис. 4. Туристический бренд города Поставы
 Источник: Путеводитель по новостям Поставщины. URL: <https://www.postawy.by/wp-content/uploads/2023/04/brendy-postavshhiny-1.jpg> (дата обращения: 16.08.24).

Figure 4. Tourist brand of Postavy
 Source: Putevoditel' po novostyam Postavshchiny. URL: <https://www.postawy.by/wp-content/uploads/2023/04/brendy-postavshhiny-1.jpg> (accessed: 16.08.24).

Логотип лаконично отражает узнаваемую панораму города с силуэтами Свято-Николаевской церкви и костела Святого Антония Падуанского и подчеркивает богатую историю и культурное своеобразие города. Утвержден также слоган «Поставы. Будь счастлив здесь», основой для которого стали слова писательницы Альбины Пузыниной, часто используемые местными экскурсоводами: «Если бы меня спросили, где на земле есть счастье, ответила бы, что есть оно в Поставах...». Бренд Поставского региона уже используется в печатной продукции, на форме местной футбольной команды. Основной бренд дополняют суббренды, также отражающие элементы локального этнокультурного наследия: анимационная программа Зюзи Поозерского и фестиваль народной музыки «Звонят цимбалы и гармоник»⁴. Следует отметить, что персонаж Зюзи Поозерского был создан в 2005 г. местным жителем,

⁴ «Поставы. Будь счастлив здесь». Продолжается разработка бренда Поставщины для привлечения туристов. Путеводитель по новостям Поставщины. URL: <https://www.postawy.by/2024/01/postavy-bud-schastliv-zdes-prodolzhaetsya-razrabotka-brenda-postavshhiny-dlya-privlecheniya-turistov/> (дата обращения: 03.07.2024).

директором «Центра туристических услуг» Егором Шушкевичем. Программа «В гости к Зюзе Поозерскому» быстро набрала огромную популярность, а самого Зюзу стали называть белорусским Дедом Морозом, так как это действительно бог зимы, холода («зюзець» (бел.) — мерзнуть, околевать от холода). Со временем в программе стали принимать участие и другие персонажи белорусской мифологии: Карачун, Напасць, Бадзюля и др.

С 2011 г. на территории Березинского биосферного заповедника проводится анимационная программа «Тайны заповедного болота» с участием мифологического персонажа Болотника Незвычайного, придуманного талантливым сотрудником заповедника Виктором Ровдо. Болотник, весьма негативный в мифологии персонаж, стал в его интерпретации озорным и добрым. Со временем программа стала настолько популярной, что Болотник стал своеобразным брендом данного региона, а в 2017 г. там открылся уникальный Центр мифологического туризма. Локальным брендом стал и Лепельский дракон Цмок, который, по поверьям, живет в местном озере и дал название местному фестивалю «Шлях Цмока». Мифология лежит и в основе туристического маршрута «Гостинцами Белуна» в Гродненской области, главным героем которого стал Бялун — самый добрый бог, отец Перуна, который покровительствует путешественникам и выводит заблудившихся на верную дорогу.

В допандемийный период активно проводились анимационные экскурсии, построенные на культурных особенностях шляхетского сословия Беларуси. Одной из самых популярных программ являлась интерактивная программа «Шляхетская история», участники которой погружались в быт и культуру шляхты, имели возможность поучаствовать в играх, танцах, дегустациях. Проведение подобных программ («Путешествие в прошлое», «Минск. История в лицах», «Шляхетский родовой», «Однажды в Несвижском замке» и мн.др.) организовывали туристические компании «Виаполь», «Колесо путешествий», «Страна замков», анимационная команда «Мастерская впечатлений», ивент-агентство «Берсерк» и др. Объектами таких экскурсий часто становились замковые комплексы в Мире, Несвиже, Лиде, Гродно, Крево, Гольшанах, Новогрудке, Любче и т.д., а также музеи и усадьбы в различных регионах страны.

Культурное наследие рода Огинских легло в основу создания музейного комплекса в агрогородке Залесье Сморгонского района Гродненской области⁵. Личность Михаила Клеофаса Огинского и его творчество стали брендом Залесья, экскурсионных программ и туристических маршрутов, линии часов завода «Луч» — популярного сувенира у туристов. В честь всемирно известного уроженца Витебска — живописца Марка Шагала названы экскурсионные программы «Витебск — город Шагала», «По городу Марка Шагала»,

⁵ Государственное историко-культурное учреждение «Музей-усадьба М.К. Огинского». URL: <https://www.oginskizalesse.by> (дата обращения: 10.07.2024).

«Витебск на картинах Шагала» и др. Благодаря уникальности и многогранности творческого наследия художника, его имя стало туристическим брендом города, который является полноправным героем многих его полотен и давно имеет имидж культурной столицы страны.

Разработчиком туристических брендов Гродно и Бреста в результате открытого конкурса стало брендинговое агентство GRAFIT STUDIO (рис. 5). В конце 2019 г. экспертная комиссия, в состав которой вошли представители местной власти, туристической индустрии, общественности, а также художники и дизайнеры Гродно, лучшим определила логотип, имеющий отсылку к гербу города. Слоган бренда Гродно также основан на культурном наследии города: «Легенды нараджаюцца тут». Туристический бренд Бреста был презентован в 2023 г. к 1000-летию города, и также повторяет элемент герба — стрелу, а разные цвета напоминают об архитектурных особенностях города — фонарях, мостах, пограничных сооружениях и т.д. Слоган «Натхняе» (рус. — «Вдохновляет») было решено не переводить на другие языки⁶.

Рис. 5. Туристические бренды Бреста и Гродно

Источник: БрестСИТИ. Новости. URL: <https://brestcity.com/blog/novyy-turisticheskij-logotip> (дата обращения: 16.08.24).

Figure 5. Tourist brand of Brest and Grodno

Source: BrestSITI. Novosti. URL: <https://brestcity.com/blog/novyy-turisticheskij-logotip> (accessed: 16.08.24).

Утвержденного туристического бренда Минска до сих пор не существует, хотя попытки его создания предпринимались неоднократно. Так, например, при подготовке к Чемпионату мира по хоккею 2014 г. объявили тендер, однако представленный бренд был признан плагиатом логотипа Лондона. Исследование, проведенное Национальным агентством по туризму перед Европейскими играми 2019 г., завершилось конкурсным отбором нескольких вариантов логотипа, но ни один из них так и не стал победителем.

Предпринимались и попытки создать бренд не только для города или отдельного объекта. В 2010–2011 гг. в результате проекта «Местное предпринимательство и экономическое развитие», реализованного ПРООН, создали 18 туристических дестинаций, среди которых наиболее успешной стала «Муховецкая кумора» (рис. 6). Уникальность предложения составляло

⁶ Как придумали новый туристический логотип Бреста. Брестсити. Новости. URL: <https://brestcity.com/blog/novyy-turisticheskij-logotip> (дата обращения: 06.07.2024).

использование культурного ландшафта долины реки Муховец и привлечения туристов в уникальный регион Западного Полесья, где сконцентрированы агроусадьбы, ключевые объекты туризма, природные и исторические памятники, раскрывающие локальную этнографическую специфику, которая отражена и в названии дестинации — «кумора» — это кладовая культурных ценностей, материальных и нематериальных, с которыми туристу предстоит познакомиться [8].

Рис. 6. Логотип туристической дестинации «Муховецкая кумора»

Источник: Муховэцка кумора. URL: http://www.kumora.by/templates/hot_food_spirit/images/logo.png (дата обращения: 16.08.24).

Figure 6. Logo of the tourist destination "Mukhovetska Kumora"

Source: Muhovjec"ka kumora. URL: http://www.kumora.by/templates/hot_food_spirit/images/logo.png (accessed: 16.08.24).

В результате реализации проекта «Поддержка устойчивого развития туризма в Беларуси» (2015–2018 гг.) созданы бренды для 5 туристических дестинаций: Полоцкий район и город Полоцк (Витебская область), Августовский канал (Гродно), Каменецкий и Пружанский районы (Брестская область), Мядельский район и озеро Нарочь (Минская область), Мстиславский район и город Мстиславль (Могилевская область) (рис. 7).

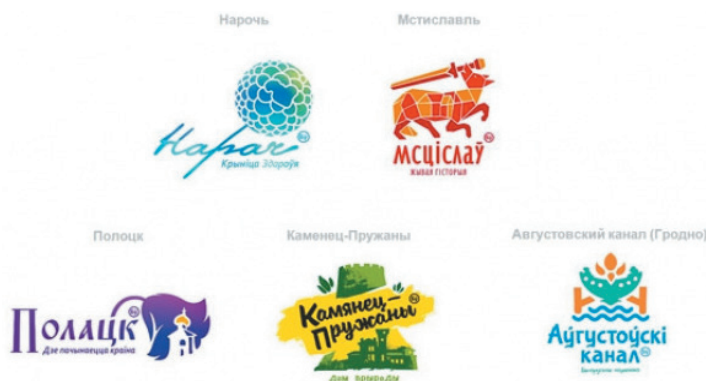

Рис. 7. Локальные бренды (Нарочь, Мстиславль, Полоцк, Каменец-Пружаны, Августовский канал), созданные в результате реализации проекта «Поддержка устойчивого развития туризма в Беларуси»

Источник: БЕЛТА — Новости Беларуси. URL: https://img.belta.by/images/storage/news/with_archive/2017/000023_103299_big.jpg (дата обращения: 16.08.24).

Figure 7. Local brands (Naroch, Mstislav, Polotsk, Kamenets-Pruhany, Augustow Canal) created as a result of the project "Support for the sustainable development of tourism in Belarus"

Source: BelTA — News from Belarus. URL: https://img.belta.by/images/storage/news/with_archive/2017/000023_103299_big.jpg (accessed: 16.08.24).

Бренды созданы с использованием элементов этнокультурного наследия данных регионов: Каменецкая башня вместе с Пружанским «палацыкам» являются ключевыми образами локального бренда «Каменец-Пружаны», который отражает идею «дома природы и уникальной культуры». Силуэт Спасо-Преображенской церкви присутствует в логотипе Полоцка, а слоган использует начало текста экскурсии «Ад Полацка пачаўся свет». Августовский канал позиционирует себя как «белорусское пограничье», что отражено в логотипе. Мстиславль продвигается под слоганом «Мстиславль. Живая история Беларуси», а в логотипе использован герб города. Бренд Нарочи опирается на природное наследие, позиционируя себя как «столицу здоровья» Беларуси.

В 2017 г. была предпринята попытка создания бренда страны при участии Генерального секретаря ЮНВТО Талеба Рифаи, который вдохновился красотой культурного и природного ландшафта страны и предложил создать бренд, основанный на созвучии названия страны с итальянским словом «bella» («красивая») (рис. 8).

Рис. 8. Один из вариантов логотипа Беларуси

Источник: Yellow Railroad. URL: https://www.yellowrailroad.com/images/Belarus_2017.png (дата обращения: 16.08.24).

Figure 8. One of the variants of the logo of Belarus

Source: Yellow Railroad. URL: https://www.yellowrailroad.com/images/Belarus_2017.png (accessed: 16.08.24).

Однако, несмотря на то что культурный потенциал и ресурсная база Беларуси дают возможность сформировать собственный уникальный имидж и создать сильный бренд, который в будущем может достичь значительных высот и стать решением многих социально-экономических проблем, туристического бренда страны до сих пор не существует. Следует отметить, что в качестве основных задач перед стейкхолдерами туриндустрии страны в сфере туристического брендинга стоят осознанное и ответственное использование элементов этнокультурного наследия Беларуси в программах комплексного развития дестинаций, популяризация внутреннего устойчивого туризма, построение стратегий развития этнографического туризма туристических направлений с включением современных технологий продвижения, вовлечения аудитории и актуальной методики интерпретации этнокультурного наследия. При формировании современных туристических продуктов следует учитывать локальные элементы этнокультурного наследия, так как именно они

лучше всего отражают уникальность, индивидуальность и аутентичность туристической дестинации. Созданный бренд важно постоянно обновлять, реструктуризировать и адаптировать под современные тенденции мировых туристических рынков.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что элементы этнокультурного наследия Беларуси становятся основой туристического брендинга на разных уровнях (национальном, региональном, локальном), используются в разных формах (территориальный и событийный маркетинг) и вариантах (бренд города, объекта, фестиваля, туристической дестинации, анимационной программы, экскурсии, туристического маршрута и т.д.)

Чаще всего задействуются элементы, связанные с архитектурным наследием, искусством, историей, гастрономией, мифологией региона, причем как материальные (архитектура, артефакты, ремесла), так и нематериальные (обычаи, традиции, события), а также исторические личности. Все это подчеркивает аутентичность, уникальность страны, играет важнейшую роль в укреплении идентичности белорусов, несет образовательный и просветительский компонент, дает увеличение турпотока и благосостояния местных сообществ.

Выявлены и недостатки туристического брендинга в Беларуси, основной из которых — отсутствие системности в построении стратегии. Потребность в бренде возникает от случая к случаю, в основном в связи с проведением крупных международных событийных мероприятий, поэтому запрос на его создание сопровождается привлечением административного ресурса и дефицитом времени, что неизбежно сказывается на эффективности его формирования.

К важнейшим задачам современного этапа развития туристического брендинга отнесем минимизацию негативного воздействия туризма, снижение рисков при использовании культурного наследия и уважение к локальной культуре и традициям. Необходимо находить баланс между использованием объектов культурного наследия для туризма и их сохранением. Коммерциализация и чрезмерное (или неуместное) использование может нанести вред культурным объектам и уменьшить их ценность.

Сегодня ощущается острая потребность в интеграции местных сообществ в туристическую деятельность, а также в разработке и внедрении программ сохранения наследия. Открытие и развитие маршрутов, связанных с культурным наследием, расширяет туристическую инфраструктуру и привлекает новые категории путешественников.

Нематериальное культурное наследие живет и развивается вместе с обществом, что позволяет туристам видеть культуру в ее естественной среде.

Это включает участие в фестивалях, интерактивных программах, мастер-классах и других мероприятиях, которые предоставляют живой опыт и активное погружение в культурный контекст. Такие впечатления создают сильную эмоциональную связь с местом и его культурой.

Построение механизмов туристического брендинга на основе этнокультурного наследия способствует укреплению социальной стабильности, расширению кругозора и, как следствие, повышению межкультурного понимания и сохранению национальной идентичности, содействуя сближению различных культур и народов.

Список литературы

1. Калачёва И.И., Сидоренко И.Н., Воробьёва С.В. и др. Историческая память как фундаментальная ценность белорусского народа / под общ. ред. И.И. Калачёвой. Минск : БГУ, 2023. 255 с.
2. Худницкая Е.В. Этнографические музеи онлайн: трансляция и трансформация // Этнологія: традыцыі і сучаснасць: зб. навук. арт. Мінск : РІВШ, 2016. С. 103–108.
3. Штеер О.В. Роль истории и краеведения в формировании туристического имиджа территории // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі алявых і міждысцыплінарных даследаванняў. Наваполацк, 2018. С. 764–770.
4. Олюнина И.В. Этнокультурное наследие г.п. Ивенец (по материалам этнографической экспедиции 2023 года сотрудников и студентов исторического факультета Белорусского государственного университета) // Перспективы развития туризма в современных условиях: мировые тенденции и региональные контексты : материалы третьей Междунар. науч.-практ. конф. Минск : Колорград, 2023. С. 74–79.
5. Алюніна І.У., Бачыла І.Г., Навагродскі Т.А. Вынікі этнаграфічнай экспедыцыі гістарычнага факультэта БДУ ў Зэльвенскі раён Гродзенскай вобласці Рэспублікі Беларусь // Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў : зб. навук. арт. Вып. 2 / гал. рэд. А.І. Лакотка; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. Мінск : Права і эканоміка, 2021. С. 415–419.
6. Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест / под ред. В.К. Мальковой, акад. В.А. Тишкова. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 312 с.
7. Навагродскі Т.А., Алюніна І.У., Захаркевіч С.А. Народная кухня маталян. Мінск, 2009. 100 с.
8. Олюнина И.В. Роль этнографического туризма в функционировании туристической дестинации // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 25. / навук. рэд. А.І. Лакотка. Мінск : Права і эканоміка, 2018. С. 298–304.

References

1. Kalacheva II, Sidorenko IN, Vorob'eva SV, et al. *Istoričeskaja pamiat kak fundamentalnaja cennost' belorusskogo naroda* [Historical memory as a fundamental value of the Belarusian people]. Minsk: BSU publ.; 2023. (In Russ.).
2. Hudnickaja EV. Etnograficheskie musei onlain: transiacia i transformacia [Ethnographic Museums Online: Broadcasting and Transformation]. *Jetnalogija: tradycyi i suchasnasc'* [Ethnology: traditions and modernity]. Minsk: RIHE publ.; 2016, p. 103–108. (In Russ.).
3. Shteer OV. Rol' istorii i kraevedenia v formirovanii turisticheskogo imidzha territorii. [The role of history and local history in the formation of the tourist image of the territory].

- Belaruskaje Padzvinnie: vopyt, metodyka i vyniki paliavykh i mizhdyscyplinarnykh dasledavanniau [Belarusian Padzvinnie: experience, methodology and results of field and interdisciplinary research]*. Navapolatsk; 2018, p. 764–770. (In Russ.).
4. Olunina IV. Etnokulturnoe nasledie g.p. Ivenets (po materialam etnograficheskoy ekspedicii 2023 goda sotrudnikov i studentov istoricheskogo fakulteta Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta) [Ethnocultural heritage of Ivenets (by the materials of the 2023 ethnographic expedition of staff and students of the Historical Faculty of Belarusian State University)]. *Perspektivy razvitija turizma v sovremennykh usloviyakh: mirovyje tendencii i regionalnyje konteksty: materialy 3 mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. [Prospects for the development of tourism in modern conditions: global trends and regional contexts: papers of the 3rd International science conference]*. Minsk: Kolorgrad publ.; 2023, p.74–79. (In Belarus.).
 5. Alunina IU, Bachyla IG, Navagrodski TA. Vyniki etnagrafichnaj ekspedycyi gistarychnaga fakulteta BDU u Zelvenski rajon Grodzenskaj voblastsi Respubliki Belarus [The results of the ethnographic expedition of the Faculty of History of BSU to the Zelven District of the Grodno Region of the Republic of Belarus] *Tradycyi i suchasny stan kultury i mastactvau [Traditions and the modern state of culture and arts]*. Minsk : Prava i ekanomika publ; 2021, p. 415–419. (In Belarus.).
 6. Mal'kova VK, Tishkov VA. (eds). *Culture and space: historical-cultural brands and images of territories, regions and Localities*. Rostov n/D: SSC RAS Publishers; 2012. (In Russ.).
 7. Navagrodski TA, Alunina IU, Zakcharkevich SA. *Narodnaja kuhnia matalian [Motol national cuisine]*. Minsk; 2009. 100 p. (In Belarus.).
 8. Olunina IV. Rol' etnograficheskogo turizma v funkcionirovanii turisticheskoy destinacii [The role of ethnographic tourism in the functioning of a tourist destination]. *Pytanni mastactvaznaustva, etnologii i falklarystyki [Questions of art history, ethnology and folkloristics]*. Vol. 25. Minsk : Prava i ekanomika; 2018, p. 298–304. (In Russ.).

Информация об авторе:

Олюнина Ирина Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, музеологии и истории искусств, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, 220030, г. Минск, Проспект Независимости, д. 4, e-mail: irinaolunina@yandex.ru ORCID: 0000-0002-4873-0825. SPIN-код: 6009-9094.

Information about the author:

Irina V. Olunina — PhD in History, Associate Professor, Department of Ethnology, Museology and History of Arts of Belarusian State University, 4 Nezavisimosti av., Minsk, 220030, Belarus, e-mail: irinaolunina@yandex.ru ORCID: 0000-0002-4873-0825. SPIN-code: 6009-9094.

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ IDEAS AND POLITICS IN HISTORY

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-4-542-554

EDN: RVJLFK

Научная статья / Research article

К вопросу о генезисе и развитии идейно-теоретических аспектов формирования концепций «третьего пути» на Востоке

С.А. Воронин

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ Svoronin.rudn@mail.ru

Аннотация. Значимость данной темы определяется кризисом западной модели «общества потребления» и запросом на поиск новых, иных, отличных от прежних, социально-экономических систем путей развития, одним из которых и выступает «третий путь» в странах Востока. Акцентируется внимание на оживлении, возрождении в начале XXI в. «движения неприсоединения», возникшего в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Лидеры этого движения стали в том числе и авторами оригинальных политико-правовых доктрин общественного развития по «третьему пути». Исследование раскрывает различия концепций развития по «третьему пути» на Западе и на Востоке. Особое внимание уделено поискам лидерами стран Востока, архитекторами концепций развития по «третьему пути» своего, аутентичного пути развития, на фоне отвержения капитализма Адама Смита и коммунизма Карла Маркса, т.е. отказа следовать как по капиталистическому, так и по социалистическому пути развития власти меньшинства над большинством. Цель исследования — выявить теоретические истоки формирования концепций «третьего пути», выявить основные принципы, заложенные в фундамент теорий «третьего пути», осуществить их типологизацию. Также выявляется взаимосвязь и преемственность между идейными установками антиколониального и национально-освободительного движения XIX в. и доктринами «третьего пути» XX в. Методологической основой исследования выступают принципы историзма, научной объективности, критического отношения к источниковой базе.

Ключевые слова: движение неприсоединения, третий путь, восстание Араби-паши, образ колонизатора, Франц Фанон, восстание Дипонегоро

© Воронин С.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 15.05.2024; принята к публикации 19.08.2024.

Для цитирования: Воронин С.А. К вопросу о генезисе и развитии идейно-теоретических аспектов формирования концепций «третьего пути» на Востоке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 4. С. 542–554. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-542-554>

The genesis and development of ideological and theoretical aspects of the formation of the concepts of the “third way” in the East

S.A. Voronin

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ Svoronin.rudn@mail.ru

Abstract. The significance of this topic is determined by the crisis of the Western model of “consumer society” and the demand for finding new, different ways of development from previous socio-economic systems. One of which is the “third way” in the countries of the East. Attention is focused on the revival and revival in recent years of the “non-aligned movement” that arose in the late 50s and early 60s of the last century. The leaders of this movement also became the authors of original political and legal doctrines of social development along the “third way”. The research reveals the difference between the concepts of development along the “third way” in the West and in the East. The author pays special attention to the fact that the leaders of the countries of the East, the architects of development concepts along the “third way”, were looking for their own authentic path of development, rejecting the capitalism of Adam Smith and the communism of Karl Marx, that is, refusing to follow both the capitalist and socialist paths of development of minority power over the majority. The purpose of the study is to identify the theoretical sources of the formation of the concepts of the “third way”, to clarify the basic principles underlying the theories of the “third way”, and to carry out their typologization. The study also reveals the relationship and continuity between the ideological principles of the anti-colonial and national liberation movement of the 19th century and the doctrines of the “third way” of the 20th century. The methodological basis of the study is the principles of historicism, scientific objectivity, and a critical attitude to the source base. The main results of the study can be in demand and used within the framework of research activities, during lectures and seminars on the modern and contemporary history of Asian and African countries.

Keywords: The Non-Aligned Movement, the Third Way, the Arabi Pasha insurrection, the image of the colonizer, Franz Fanon, the Diponegoro insurrection

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 15.05.2024. Accepted: 19.08.2024.

For citation: Voronin SA. The genesis and development of ideological and theoretical aspects of the formation of the concepts of the “third way” in the East. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(4):542–554. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-542-554>

Введение

Тот, у кого нет старого, не имеет и нового.
Арабская поговорка

*Наступлению колонизаторов на чадру,
колонизованный противопоставляет культ чадры.*
Франц Фанон

Современный кризис социально-экономической и политической модели западной цивилизации продемонстрировал явную неэффективность выработанных методов управления глобальным миром. В сущности, мы наблюдаем крах концепций мультикультурализма, толерантности, либеральной демократии и глобализма — как политико-экономического проекта, предлагающего универсальный инструментарий для решения проблем планетарного социума. Философия безмерного потребления не стала панацеей от всех социально-экономических болезней, а стала эпидемией неандертализации человечества, заведя его в моральный тупик стремительной деградации.

Наряду с этим в начале XXI в. набирает силу затухшее и фактически сошедшее на нет в 90-е гг. XX в. «движение неприсоединения» стран Азии и Африки, начало которому было положено на Бандунгской конференции в 1955 г., а официальное оформление осуществлено в 1961 г. в Белграде. Среди основателей движения были такие выдающиеся политики, как Дж. Неру, Г.А. Насер, И. Тито, А. Сукарно, К. Нкрума¹. В мае 2024 г. в Баку прошел очередной форум этого движения, сплотивший страны Азии и Африки в борьбе против неокOLONиализма и получивший широкий общественный резонанс².

Во многом лидеры «движения неприсоединения» разделяли и разделяют идейно-теоретические основы доктрины «третьего пути», некоторые из них являлись архитекторами и создателями различных вариантов концепций развития по «третьему пути». В известном смысле можно позволить допущение того факта, что «движение неприсоединения» в целом как явление, с одной стороны, базируется на идеях политико-правовой доктрины «третьего пути», а с другой — стало во многом его предтечей.

В этой связи весьма уместно, полезно и своевременно обратиться к феномену концепций «третьего пути», опыт развития которых предлагает свой рецепт социально-экономического развития и формирования политической модели управления. Какие пути решения этих вопросов оформились в ходе

¹ Большая Российская энциклопедия. Движение неприсоединения. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/1942374?ysclid=lxk22p8wl1108785052 (дата обращения: 20.04.2024).

² Ильхам Алиев выступил на заседании Координационного бюро Движения неприсоединения // 1news.az. URL: <https://1news.az/news/20230705101349491-Ilkham-Aliev-vystupil-na-zasedanii-Koordinatsionnogo-byuro-Dvizheniya-neprisoedineniya-FOTO-VIDEO> (дата обращения: 05.07.2024).

генезиса и эволюции концепций «третьего пути» на Востоке, насколько они актуальны сегодня, мы выясним в рамках нашего исследования.

Следует отметить, что идеология «третьего пути» разрабатывалась как на Западе, так и на Востоке. Для европейской и американской политической мысли «третий путь» — это прежде всего попытка примирить две мировые системы: капитализм и социализм, сгладить и смягчить противоречия, сформировать новый подход на основе конвергенции двух систем. «Третий путь», таким образом, выступает как результат синтеза позитивных черт двух социально-экономических систем без противопоставления их друг другу.

На Востоке концепции «третьего пути» стали вызовом существующему биполярному миру. Выбор «третьего пути», отвергающего капитализм Адама Смита и коммунизм Карла Маркса, был основан на поиске самобытной модели развития, опирающейся на сохранение самоидентичности, национального суверенитета, модернизации социально-экономической сферы [1. С. 7–25].

Идеология национально-освободительного движения на Востоке, сформировавшая теоретический фундамент концепций «третьего пути», во многом опиралась на религиозную основу. Религия на Востоке всегда имела гипертрофированное значение и оказывала колоссальное влияние на общественные процессы, являясь одновременно образом жизни и стилем мышления. Протестные выступления народных масс на Востоке неизменно обретали религиозную окраску с опорой на традиционное сознание, базирующиеся на утопических представлениях о «золотом веке», о традиции, сакрализованной духом времени.

Вместе с тем к религиозному содержанию в XVIII в. — начале XIX в. добавляется социальное звучание, приправленное этнической составляющей. Социальная специфика борьбы этого периода приобретает явно выраженный антифеодальный вектор, направленный на требование коренных изменений социального характера.

Следует, на наш взгляд, акцентировать внимание на следующем обстоятельстве. Накануне колониального проникновения европейцев, а затем открытых колониальных захватов и грабежа, в странах Востока существовало два типа идеологических протестов: традиционные и социальные, имевшие антифеодальную направленность. Но антифеодальные требования не были направлены на основы существующих порядков и политического строя. Они возникли лишь в тот момент, когда правитель-лидер (шах, султан, император) переставал быть справедливым, нарушая норму распределения благ, установленных в рамках социальной иерархии. Происходил сбой в патронажно-клиентельных отношениях между властью и подданными. Власть в этих условиях переставала быть сильной и справедливой в глазах народных масс, утрачивала свою легитимность. Поэтому основной призыв восставших был направлен не на слом, а на восстановление действующего строя в его идеальном, классическом виде.

Таким образом, совершенно очевидно, что многие теоретические аспекты, возникшие в середине XX в., теорий «третьего пути» впитали в свое содержание традиционные воззрения как доколониального, так и колониального периода: концепцию сильной и справедливой власти, примата общественного над личным, требования религиозных изменений в духе времени, либо, напротив, откатное движение в сферу ее фундаментализации с призывом возвращения к истокам.

При этом в среде образованных слоев Востока, общественно-политических деятелей и мыслителей, таких как Намык Кемаль³, ставший идеологом «Новых османов», Сайид Ахмад-хан, Рам Мохан Рай [2; 3], представителей арабского Возрождения — Ан-Нахды и ряда других, все большое внимание отводилось процессу морального перевоспитания народных масс, эволюционному, мирному изменению существующих порядков посредством реформ, а не революционных насильственных преобразований. Эти теоретические разработки также получили свое звучание в концепциях «третьего пути», а их носители были признаны в тот период изгоями и маргиналами, настолько передовыми были озвученные ими взгляды. Эти идеи не получили на тот момент должного признания и распространения. Однако генезис абсолютно новых идеологических подходов в этот период является бесспорным историческим фактом и не подлежит сомнению.

Одной из основных идей стала борьба за национальную независимость в форме антиколониального национализма. В этом смысле национализм Востока имеет совершенно иную природу, кардинально отличающую его от национализма западного, где он, как правило, выступает в виде концепции исключительности одной нации и ее преобладании, превосходства, верховенства и господства над другими. На Востоке национализм — это борьба за независимость против колонизаторов, борьба за создание одной нации, за процесс государственного нациестроительства.

В рамках этих теоретических обобщений следует выделить два основных типа национализма на Востоке, присущих национально-освободительному движению в XIX в. — начале XX в. Это «феодальный национализм» [4. С. 7–61, 5. С. 52–54], в ходе которого была предпринята робкая попытка формирования этнического самосознания, и пришедший ему на смену «просветительский национализм», носящий религиозно-реформаторский характер — элитарное течение с чрезвычайно узкой социальной базой. Одним из ярких его носителей, в частности, выступают идеологи выше уже упоминавшийся арабской Ан-Нахды. К сожалению, они не смогли овладеть сознанием и умами

³ Намык Кемаль — идеолог «Новых османов» // Текстология. Образовательный журнал. URL: <https://www.textologia.ru/literature/istor-liter-centr-zapad-azii/tureckaja-literatura/namik-kemal-ideolog-novih-osmanov/5098/?q=471&n=5098> (дата обращения: 20.04.2024).

народных масс, а остались представителями идеологии для элитарного потребителя. Однако их идеалам Возрождения суждено было стать своеобразным симбиозом религиозных установок и европейской реформаторской мысли, по сути, попыткой сочетать несочетаемое. Это обстоятельство позволило К. Марксу очень точно определить общественных деятелей такого типа как «пуритан, опиравшихся на Коран» [6. С. 113].

Подобный политико-идеологический оксюморон так же войдет составной частью в теорию «третьего пути» уже во второй половине XX в. Так коммунистическая партия Алжира, метавшаяся в поисках идеологических ориентиров и отвергающая использование методов как материалистического капитализма Запада, так и атеистического социализма СССР, объявила о своей решимости «твердо идти к своей цели, держа в одной руке Коран, а в другой «Капитал» Маркса» [7. С. 404].

Однако идеалы «феодального национализма» и «просветительского национализма» не ушли в историю, не канули в лету. Ориентация первого на освобождение от колонизаторов, борьбу за национальную независимость, а ставка второго на отказ от насильственных методов борьбы и эволюционные преобразования стали идейно-теоретическим синтезом подходов, также легших в основание доктрины «третьего пути».

В этот период в зачаточном виде запускается процесс формирования национального самосознания. Однако следует отметить специфику, свойственную этому процессу на том этапе. «Идея национально-государственной общности носила на этой фазе развития абстрактный и мифологический характер. Реальное содержание государственной общности в сознании местного населения могло быть лишь негативным (отрицание колониальной оболочки этой общности). Что до национальной общности, то вследствие многоэтнической структуры абсолютного большинства стран Востока, она зачастую принимала квазинациональный характер апелляции к некой древней исторической общности, по сути дела игнорирующей реальную полиэтничность» [8. С. 192], — констатирует Н.А. Симония в своей классической монографии «Страны Востока: пути развития».

Но все же, пусть и в такой весьма своеобразной форме, у народов Востока вызревало понимание необходимости создания национальных государств, формировался интуитивный, до конца не осознанный порыв к следованию по политическому пути, отличному от существующего в рамках колониальной или полуколониальной реальности, пути аутентичному, «своему», близкому по духу, менталитету и традициям.

В конце XIX — начале XX в. в ходе национально-освободительного движения в странах Востока начинается процесс вызревания ряда идейно-теоретических аспектов, которые в будущем лягут в основу многих концепций «третьего пути». В основе идеологии национально-освободительного движения этого периода лежал синтез антиколониализма, национализма,

этатизма, симбиоза религиозного и социального с опорой на традиции, борьба за создание единой новой общности. Эта задача усложнялась прежде всего тем обстоятельством, что восточные общества носили и носят крайне пестрый, гетерогенный характер в этническом и конфессиональном плане. При этом далеко не всегда единые религиозная и национальная идентификация были залогом успеха и определяющим фактором создания единого национального государства. Так, например, арабы, несмотря на единую религию, общий язык, географию, историческую память, опирающуюся на общее легендарное прошлое, не смогли в новейшее время создать единую нацию и общее государство⁴. При этом отсутствие всех вышеперечисленных факторов, создающих нацию и государство, не помешало Ахмеду Сукарно после 1945 г. сформировать единую индонезийскую нацию.

Следовательно, нация на Востоке создается не только, а порой, не столько объективными причинами, но и немаловажную роль играют субъективные факторы: харизма национального лидера, эмоциональный порыв народа. В сущности, нация создается желанием нации ее создавать. Эта формула зачастую не применимая на Западе является во многом определяющей в деле нациестроительства на Востоке.

Таким образом, в основе нации на Востоке лежит новый тип общности, весьма неоднородной в национально-этническом отношении. По справедливому замечанию известного индонезиеведа Ю.В. Маретина, по своему характеру такая общность прежде всего полиэтническая, а не национальная [9. С. 48–49]. Это понятийное разграничение является весьма важным, поскольку вносит принципиальное различие между двумя дефинициями: антиколониальным освободительным восстанием и антиколониальной освободительной революцией. К примеру, есть весьма серьезные социальные различия между восстанием ихэтуаней в 1898–1900 гг. и Синьхайской революцией в Китае в 1911 г., стихийным народным восстанием Дипонегоро в 1825–1830 гг. на о. Ява и борьбой за независимость (в сущности революцией) в Индонезии 1945–1949 гг. [10. С. 139, 159–164], восстанием Араби-паши в Египте 1879–1882 гг. и революцией «свободных офицеров» во главе с Гамалем Абдель Насером в 1952 г.

Во всех перечисленных случаях борьба носила прежде всего ярко выраженный антиколониальный характер, но социальное содержание было принципиально различным. Во время восстания ихэтуаней, Араби-паши и Дипонегоро массы выступали с призывом за сохранение традиционных ценностей, разрушаемых «чужаками» из метрополии.

Антиколониальные освободительные революции в Китае в 1911 г., Индонезии в 1945–1949 гг., Египте в 1952 г. были нацелены на слом

⁴ При понимании ряда различий арабского мира в религии (шииты и сунниты), в языке (наличие диалектов) и т.д., тем не менее у арабов значительно больше общего, чем различий.

и ликвидацию колониально- либо полуколониально-абсолютистского политического устройства [11. С. 99, С. 248]. В дальнейшем формирование теоретических установок будущих разновидностей теории «третьего пути» получило практическое подкрепление в ходе революционного подъема национально-освободительного движения в 1918–1922 гг. в Марокко, Ливии, Индии, Египте, Турции, Алжире и Иране (Персии). Новеллой было присоединение к стихийным народным массам феодально-племенной аристократии, мелких и средних предпринимательских кругов и радикальных демократов из слоев образовательной интеллигенции.

В основе большинства теорий развития по «третьему пути» на Востоке лежал синтез, а порой и механическое соединение, социального начала с национальными традициями и национализмом, традиций и стереотипов, заимствованных с Запада, а также попытка соединения капитализма с социализмом с одновременным отрицанием и того, и другого.

В любом случае развитие ряда государств Азии и Африки по «третьему пути» выступало попыткой поиска пути, отличного от двух основных социально-экономических моделей развития: капитализма и социализма.

Фундаментальным базисом доктрин развития по «третьему пути» выступает Большая традиция, обращение к идеалу доколониального прошлого с опорой на религию. Гиперболизация роли традиции логически подводила к идее национальной неповторимости, своеобразия, «единства мира в его многообразии», в целом присущей доктринам «третьего пути».

Ряд исследований, наведя фокус на эту проблему, зачастую дают диаметрально противоположные оценки взаимовлияния традиций и развития. Устойчивость традиционного сознания некоторыми учеными оценивается как основная причина отставания в развитии стран Востока. Другие исследователи приходят к выводу, что между тремя понятиями: развитием, традицией и отсталостью нет прямой коннотации и зависимости [12. С. 219–239].

Примирительная оценка по данному вопросу звучит из уст Ж.И. Кальвеза, который подчеркивает, что и «проблема развития, безусловно, не ограничивается экономикой, но включает в себя и социально-культурную сферу; это и вопрос образа мышления и религиозного выбора. Именно это и создает трудность и сложность проблемы развития в Азии и Африке» [13. С. 167].

При этом, рассматривая опору сознания восточных обществ на традицию, важно провести разграничение между дефинициями «традиция» и «традиционализм». Традиция предполагает обращение и опору на прошлое при формировании настоящего и выстраивание будущего. Традиционализм — это абсолютизация роли и природы доколониального наследия. Влияние традиционалистских взглядов наложило свой отпечаток на многие концепции «третьего пути» на Востоке.

Политическим и социально-экономическим ядром большинства политико-правовых доктрин развития по «третьему пути» на Востоке

выступает синтез традиционного и современного. Последнее предполагает национализм, т.е. суверенное развитие, основанное на новых технологиях (либо заимствованных, либо самостоятельно разработанных).

Фактически в течение двух столетий капитализм Запада выступал в качестве альтернативы многоукладной гетерогенной социально-экономической структуре на Востоке. За этот период капитализм, в который втягивали восточный социум, несколько в нем не нуждавшийся, все же бесспорно продемонстрировал свою эффективность и показал реальные результаты и достижения. Но он выступал в качестве инструмента порабощения, используемого колонизаторами, и поэтому изначально был дискредитирован в массовом сознании.

Более того, образ колонизатора капиталистического западного мира послужил катализатором к оживлению и без того сильных, но на время задремавших традиций доколониального прошлого.

Во многом изначально «третий путь» формировался как обновленчество традиционных взглядов и устоев, как своего рода возрождение через возвращение, как путь новой самоидентификации на базе старого, традиционного, и, конечно, как путь развития, принципиально отличный от западной цивилизации.

Спецификой концепций «третьего пути», возникших и разработанных во второй половине XX в., в отличие от идеологических поисков предшествующего периода стало новое отношение к религиозной составляющей. В условиях новейшего времени общение к религии по-прежнему остается немало важным фактором для обоснования «своего» особого пути развития, однако более не является абсолютным условием и ортодоксальной догмой. Возникает весьма противоречивое сочетание светскости и религии, как например, «исламский социализм», «индонезийский социализм» и т.д. Характерная иллюстрация этого идеологического симбиоза — лозунг Ахмеда Сукарно: «Сначала нация, потом религия» [14. С. 83].

Подобное взаимопроникновение стало результатом размывания традиционного общества в условиях проникновения, а зачастую и экспансии капиталистических отношений. Получило новое прочтение и отношение к роли традиции. Занимая центральное место в идеологических программах политических лидеров, следующих по «третьему пути», традиция «обволакивается оболочкой современности». В ходе этого формируется непротиворечивое единство, понимаемое как «колониальный синтез» [15. С. 284, 19. С. 44], который представляет собой, как явление, особый тип политической культуры и массового сознания, присущий постколониальному периоду стран Востока.

Но возникает вопрос: каково соотношение традиционного (архаичного) и современного в этой модели синтеза?

По мнению Н.А. Симонии, было бы ошибкой относить к традиционному все сохранившиеся элементы колониального или полуколониального

общества, так как «подобное обобщение приводит к необоснованному расширению сферы архаичного» [15. С. 284]. Автор указывает на закономерность: чем глубже и шире страна вовлекалась в колониальный синтез, тем меньше архаичных структур сохранялось [15. С. 284–285].

Поэтому отнюдь не случайно, что именно полуколониальные страны, такие как Иран и Саудовская Аравия, сохранили, в сущности, в первозданном виде традиционно-архаические элементы. Колониальные страны к этапу завоевания или получения независимости сохранили лишь латентные элементы архаики.

Проникновение современных элементов модернизации приводит к тому, что под сомнением оказываются ценностные основы традиционного бытия, весь веками накопленный опыт — семья, община, племя [16. С. 42]. Возникает ощущение «бездомности», потери ориентиров. Опасность коренного слома традиционных ценностей осознавалась и некоторыми крупными специалистами по изучению колониализма. Х. Смэтс, в частности, отмечал: «Падение племенного строя надо предупредить во что бы то ни стало. Если это произойдет, то туземное общество рассыплется на человеческие атомы, что таит в себе опасность всеобщего хаоса» [17. С. 290].

Таким образом, наиболее взвешенной и прагматичной политикой, адекватной уровню развития массового сознания на Востоке, является не консервация, не ликвидация, а сохранение его традиционных элементов с поступательным внесением инноваций.

Рецепт такого процесса был разработан и предложен В.Г. Хоросом, который пришел к верному и справедливому выводу о том, «что традиционные отношения не только сохраняются на Востоке, но и постоянно возрождаются, воспроизводятся, вплетаются в ткань современных институтов, которые нередко лишь выглядят современными» [19. С. 33–34].

Соотношение традиционного и современного зачастую воспринимается массовым сознанием на Востоке и в идеях концепций «третьего пути» лишь как сосуществование, а не интеграция. Баланс — хрупок, стабильность — относительна.

Включение в массовое сознание восточного социума современных элементов не исключает потенции к регрессу, откатному движению к архаике, которое выражается, по замечанию А.В. Гордона, «в оживлении суеверий архаических, квазимифологических форм религиозного сознания» [20. С. 9]. Характерный пример подобного понятного движения приводит вьетнамский исследователь Нгуен Нге: ветераны вьетнамского Сопротивления после 9 лет, проведенных в военных действиях, неожиданно возвращались к курению опиума и панически боялись призраков [21. Р. 27–28].

Все эти противоречивые процессы напрямую связаны со сложной многослойной структурой массового сознания восточных обществ. Эту специфику

знали, изучали и включали в свои идеологические доктрины отцы-основатели многих концепций развития по «третьему пути».

Один из теоретиков «индонезийского социализма» Суджаткомо писал: «Около пяти лет назад мы все думали о возрождении национального самосознания как о дихотомии модернизации и традиции. Сегодня мы осознали, что возрождение неотделимо от традиций, современность и традиционность неразделимы в своем диалектическом единстве» [4. С. 236].

Заключение

Подводя итоги исследования, отметим, что в довольно многочисленных и разноплановых теориях «третьего пути», возникших во второй половине XX в., можно выделить три основных типа идейно-теоретических течений:

- 1) консервативные (абсолютистский бонапартизм);
- 2) смешанного типа (авторитарно-демократические);
- 3) радикальные.

Таким образом, основными компонентами диалектического единства (существования, синтеза, симбиоза) стали: опора на традиции, справедливое распределение материальных благ, «священный» характер труда, а не частной собственности. Примат общественного над личным, коллективизм и социализм, эгалитаризм, национализм, опора на госсектор в экономике (госнационализм; выстраивание барьера против капитализма и коммунизма при одновременном использовании ряда их элементов; поиск собственной идентичности, некоего срединного пути, который нередко сводится к механическому соединению разноплановых, зачастую несовместимых подходов; стремление возвыситься над двумя основными мировыми системами биполярного мира; ненасильственный характер социально-экономических преобразований, реформ, а не революции).

Список литературы

1. Воронин С.А. Восток-Запад: специфика политико-правовой доктрины «третьего пути» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2011. № 4. С. 7–25.
2. Гоубова Ф.М. Вклад Сайид Ахмад-Хана в развитие просветительской идеологии Индии в конце XIX — начале XX века // Вестник Педагогического университета. 2021. № 2 (91). С. 149–154.
3. Дубиковская А.А. Рам Мохан Рай — отец Бенгальского возрождения // Развитие общественных наук российскими студентами. 2017. № 4.
4. Литман А.Д., Кауфман А.С., Полонская Л.Р. и др. Современный национализм и общественное развитие зарубежного Востока / отв. ред. А.Б. Белецкий, Л.Р. Полонская. М., 1978.
5. Современное революционное движение и национализм / под ред. В.В. Загладина, Ф.Д. Рыженко. М., 1973.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1948.

7. Брутенц К.Н. Тридцать лет на Старой площади. М., 1998.
8. Симония А.А. Страны Востока: пути развития. М., 1975.
9. Колониализм и национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Азии / отв. ред. Б.Г. Гафуров. М., 1972.
10. Воронин С.А. Ислам, национализм и власть: Индонезия, Ливия, Иран. М., 2009.
11. Ким Г.Ф., Гафуров Б.Г., Ростовский С.Н., Солодовников В.Г., Ульяновский Р.А. Века неравной борьбы: национально-освободительные движения в Азии и Африке. М., 1967.
12. Вафа А.Х., Полонская Л.Р. Националистическая идеология и проблема традиций // Современный национализм и общественное развитие зарубежного Востока. М., 1978.
13. Calvez J.Y. Aspects politiques et sociaux des pays en voie de developpement. Paris, 1971.
14. Сукарно А. Индонезия обвиняет. М., 1956.
15. Галич З.Н., Гордон А.В., Журавский А.В. и др. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / отв. ред. Л.И. Рейснер, Н.А. Симония. М., 1984.
16. Полонская П.Р., Вафа А.Х. Восток: идеи и идеологи. М., 1982.
17. Воронин С.А. Политическая культура, массовое сознание и проблемы лидерства на Востоке. М., 2007.
18. Фольклор и литература народов Африки : сб. статей. М., 1970. 339 с.
19. Хорос В.Г. Противоречивый характер массового сознания // Идеологические процессы и массовое сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1984. С. 30–40.
20. Гордон А.В. Особенности трансформации крестьянского сознания // Идеологические процессы и массовое сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1984. С. 64–83.
21. Nguyen Nghe. Frantz Fanon et les problèmes de l'indépendance // Pensée. 1963. № 107. P. 27–28.

References

1. Voronin SA. Differences in the concept of the Third way between the West and the East. *RUDN Journal of World History*. 2011;(4):7–25.
2. Goibova FM. Contribution of Sayid Ahmad-Khan to the development of educational ideology in India at the end XIX — beginning XX century. *Herald of the Pedagogical University*. 2021;(2):149–154.
3. Dubikovskaya AA. Ram Mokhan Rai — otets Bengal'skogo vozrozhdeniya [Ram Mohan Rai is the father of the Bengali Renaissance]. *Razvitie obshchestvennykh nauk rossiiskimi studentami*. 2017;(4).
4. Litman AD, Kaufman AS, Polonskaya LR et al.; Belen'kii AB, Polonskaya LR. (eds). *Sovremennyi natsionalizm i obshchestvennoe razvitie zarubezhnogo Vostoka [Modern nationalism and social development of the foreign East]*. Moscow, 1978.
5. Zagladina VV, Ryzhenko FD. (eds) *Sovremennoe revolyutsionnoe dvizhenie i natsionalizm [The modern revolutionary movement and nationalism]*. Moscow, 1973.
6. Marx K, Engels F. *Izbrannye pis'ma*. Moscow, 1948.
7. Brutents KN. *Tritsat' let na Staroi ploshchadi [Thirty years in the Old square]*. Moscow, 1998.
8. Simoniya AA. *Strany Vostoka: puti razvitiya [The countries of the East: ways of development]*. Moscow, 1975.
9. Gafurov BG. (ed.) *Kolonializm i natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v stranakh Yugo-Vostochnoi Azii. [Colonialism and the national liberation movement in the countries of Southeast Asia]*. Moscow, 1972.
10. Voronin SA. *Islam, natsionalizm i vlast': Indoneziya, Liviya, Iran [Islam, nationalism and power: Indonesia, Libya, Iran]*. Moscow, 2009.
11. Kim GF, Gafurov BG, Rostovskii SN, Solodovnikov VG, Ul'yanovskii RA. *Veka neravnoi bor'by: natsional'no-osvoboditel'nye dvizheniya v Azii i Afrike [Centuries of Unequal struggle: National liberation movements in Asia and Africa]*. Moscow, 1967.

12. Vafa AKh, Polonskaya LR. Natsionalisticheskaya ideologiya i problema traditsii [Nationalist ideology and the problem of traditions]. In: *Sovremenniy natsionalizm i obshchestvennoe razvitiye zarubezhnogo Vostoka* [Modern nationalism and social development of the Foreign East]. Moscow, 1978.
13. Calvez JY. *Aspects politiques et sociaux des pays en voie de developpement*. Paris, 1971.
14. Sukarno A. *Indoneziya obvinyayet* [Indonesia blames]. Moscow, 1956.
15. Galich ZN, Gordon AV, Zhuravskii AV et al.; Reisner LI, Simoniya NA. (eds.) *Evolutsiya vostochnykh obshchestv: sintez traditsionnogo i sovremennogo* [The evolution of Oriental societies: a synthesis of traditional and modern]. Moscow, 1984.
16. Polonskaya PR, Vafa AKh. *Vostok: idei i ideologi* [The East: ideas and ideologues]. Moscow, 1982.
17. Voronin SA. *Politicheskaya kul'tura, massovoe soznanie i problemy liderstva na Vostoke* [Political culture, mass consciousness and leadership issues in the East]. Moscow, 2007.
18. *Fol'klor i literatura narodov Afriki: sbornik statei* [Folklore and literature of the peoples of Africa]. Moscow, 1970.
19. Khoros VG. Protivorechivyi kharakter massovogo soznaniya [The contradictory nature of mass consciousness]. In: *Ideologicheskie protsessy i massovoe soznanie v razvivayushchikhsya stranakh Azii i Afriki* [Ideological processes and mass consciousness in developing countries]. Moscow, 1984. P. 30–40.
20. Gordon AV. Osobennosti transformatsii krest'yanskogo soznaniya [Features of the transformation of peasant consciousness]. In: *Ideologicheskie protsessy i massovoe soznanie v razvivayushchikhsya stranakh Azii i Afriki* [Ideological processes and mass consciousness in developing countries]. Moscow, 1984. P. 64–83.
21. Nguyen Nghe. Frantz Fanon et les problèmes de l'indépendance. *Pensée*. 1963;(107):27–28.

Информация об авторе:

Воронин Сергей Анатольевич — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, 117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: svoronin.rudn@mail.ru ORCID: 0000-0001-7244-635X. SPIN-код: 5361-6363.

Information about the author:

Sergey A. Voronin — Doctor of Historical Sciences, professor of Department of World History, RUDN University, 6 Miklukho-Maklay St, Moscow, 117198, Russian Federation, e-mail: svoronin.rudn@mail.ru ORCID: 0000-0001-7244-635X. SPIN-code: 5361-6363.

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-4-555-567

EDN: XHFGYF

Научная статья / Research article

Хиндутва как фактор объединения и конфронтации в индийском обществе

О.Л. Солодкова , М.С. Анташева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация

 msantasheva@hse.ru

Аннотация. Находясь у власти, партия Бхаратия Джаната Парти (БДП) под руководством Нарендры Моди использует хиндутву — идеологию индуcского национализма — в качестве основы государственной политики, нацеленной на глубокую модернизацию страны и мобилизацию индийского общества. Управление исторической памятью становится ключевым инструментом для укрепления религиозной идентичности, где хиндутва выполняет роль не только объединяющего нарратива, но и идеологического стержня. Подобная политика направлена на создание новой официальной версии исторического прошлого, где подчеркивается становление Индии как уникальной индуcской цивилизации, что вызывает неоднозначную реакцию среди различных слоев индийского общества. Актуальность данной темы заключается в ее влиянии на политические процессы современной Индии и социально-культурные трансформации, вызванные продвижением хиндутвы. Рассмотрены проблемы обострения напряженности между индуcами и мусульманами, проникновение хиндутвы в массовую культуру, а также политическая роль кастовых отношений в формировании электоральной стратегии. Демонстрируя неоднородность восприятия хиндутвы в индийском обществе, авторы выявляют основные противоречия проводимой БДП исторической политики и ее влияние на результаты выборов в Лок Сабху 2024 г. Исследование раскрывает механизмы формирования исторической политики в Индии, ее влияния на социальные, религиозные и политические процессы, а также оценивает перспективы развития индийского общества в условиях роста влияния хиндутвы.

Ключевые слова: Индия, Нарендра Моди, индуcский национализм, историческая политика, Бхаратия джаната парти, усиление роли индуизма

© Солодкова О.Л., Анташева М.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 16.04.2024; принята к публикации 28.05.2024.

Для цитирования: Солодкова О.Л., Анташева М.С. Хиндутва как фактор объединения и конфронтации в индийском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 4. С. 555–567. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-555-567>

Hindutva as a factor of unification and confrontation in Indian society

Olga L. Solodkova , Mariia S. Antasheva

National Research University “Higher School of Economics”, *Moscow, Russian Federation*

 msantasheva@hse.ru

Abstract. While in power, the Bharatiya Janata Party (BJP), under the leadership of Narendra Modi, has been using Hindutva — the ideology of the Hindu nationalism — as the basis of its public policies aimed at deeply modernising the country and mobilising the Indian society. Historical memory management becomes a key tool for strengthening the religious identity, with Hindutva acting not only as a unifying narrative but also as an ideological core. Such policies are aimed at creating a new official version of the historical past, which emphasises the emergence of India as a unique Hindu civilization, which evokes mixed reactions among different sections of the Indian society. The relevance of this topic lies in its impact on the political processes of contemporary India and the socio-cultural transformations brought about by the spread of Hindutva. The authors of the study analyse problems of heightened tensions between Hindus and Muslims, the penetration of Hindutva into popular culture, and the political role of caste relations in shaping electoral strategy. Demonstrating heterogeneity of Hindutva perception in the Indian society, the authors identify the major contradictions of the BJP historical policy and its impact on the outcome of the 2024 Lok Sabha elections. Thus, the authors reveal the mechanisms of historical policy formation in India, its influence on social, religious and political processes, as well as make assessments of the prospects for the development of Indian society in the context of the Hindutva growing influence.

Keywords: India, Narendra Modi, Hindu Nationalism, Historical Policy, Bharatiya Janata Party, Increased Role of Hinduism

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history: received 25.05.2024; accepted 26.09.2024.

For citation: Solodkova OL, Antasheva MS. Hindutva as a factor of unification and confrontation in Indian society. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(4):555–567. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-555-567>

Введение

Индия стремится к тому, чтобы стать третьей экономикой мира, что, несомненно, изменит ее роль на международной арене и позволит претендовать на статус мировой державы. В условиях масштабной модернизации страны, стремясь усилить свое влияние на индийское общество, правящая партия Бхаратия Джаната Парти (БДП) под руководством Нарендры Моди прибегает к инструментам управления коллективной исторической памятью. Такой подход можно охарактеризовать как «историческую политику», направленную на переосмысление ключевых событий прошлого, роли исторических и мифологических персонажей, а также на формирование новых взглядов и предпочтений в обществе. Основой этой политики стала идеология хиндутвы¹ (индусского национализма), позиционируемая как новая внутригосударственная идеология. Под этим предлогом в обществе трансформируются исторические оценки, вносятся изменения в школьные учебники истории, а в общественное сознание внедряются альтернативные национальные герои и лидеры. Возникает новая официальная версия прошлого Индии, в которой история страны представляется через призму формирования уникальной индусской цивилизации. Такой подход приводит к повышению религиозности в стране и укреплению позиций индуизма, что обостряет существующие социальные и кастовые противоречия. В частности, это отражается на положении выходцев из низших социальных групп, что сделало «кастовый вопрос» одним из ключевых в политической повестке и на последних выборах в Индии.

Поскольку взаимоотношения религии и государства напрямую связаны с протекающими внутри страны политическими процессами, им уделяется серьезное внимание и в академическом сообществе. Ученые затрагивают вопросы нарастания напряженности между индусами и мусульманами [1], проникания хиндутвы в массовую культуру [2] и интернет-пространство [3], прав женщин в контексте индусского национализма [4] и др. При этом довольно жесткую полемику вызывают проблемы уязвимости отношения к хиндутве и наличия внутренних противоречий в стране, идущих вразрез со стремлениями властей «шафранизировать» индийское прошлое, настоящее и будущее [5. С. 5] (под «шафранизацией» подразумевается усиление влияния индуизма на различные сферы жизни общества, а сам термин отсылает к шафрановым одеждам, которые носят индусские аскеты и монахи), на чем будет сосредоточено внимание и в нашем исследовании.

¹ С санскрита термин переводится как «индусскость».

Хиндутва: от Саваркара до исторической политики БДП

Коллективная память индийского социума традиционно держалась на героической борьбе против колониализма и на опыте становления индийской государственности под руководством Индийского национального конгресса (ИНК) — этот положительный нарратив долгое время преобладал в сознании индийцев, но с приходом к власти БДП, возглавляемой Нарендрой Моди, появилась необходимость в создании нового «мифа», сформированного на новой исторической платформе хиндутвы, которая легла в основу исторической политики правительства БДП.

Термин «Хиндутва» появился благодаря Винаяку Дамодару Саваркару, в 1923 г. впервые употребившему его в своей книге «Хиндутва: Кто является индуистом?» [6. С. 99]. В основе взглядов Саваркара лежала тождественность индийской и индусской наций. Саваркар понимал под хиндутвой политическое сообщество, объединенное географией, расовой принадлежностью и общей культурой [7. С. 86].

Важнейшей структурой, выступающей за тождество индуизма и индийской нации, является Сангх паривар («Семья организаций»), включающая в себя культурную — Раштрия сваямсевак сангх (РСС), религиозную — Вишва хинду паришад (ВХП) и политическую (Бхаратия джаната парти) организации. В рамках этих организаций существует целый ряд более мелких объединений, которые образуют «дерево», корнями обращаясь к Сангх паривар [8. С. 372]. В результате БДП, стремясь увековечить в умах людей мысль о богатстве, древности и совершенстве индусской культуры, пытается внедрить в сознание индийцев, что только принадлежность к индуизму делает их наследниками и акторами этой культуры, исключая из нее тех, кто живут на территории современной Индии уже многие тысячелетия, но принадлежат к другим конфессиям.

Одна из ключевых идей индусских националистов заключается в стремлении к превращению Индии в «Хинду раштра» (государство индусов), в котором последователи индуизма должны обладать приоритетом (религиозным, культурным, юридическим и политическим). Они убеждены, что индуизм стал неотъемлемой частью индийского культурного кода, что не должно забываться и в наши дни.

Хиндутва как инструмент внутренней политики

Для популяризации «индусскости» и внедрения в стране идей хиндутвы правящая партия использует систему образования, что по замыслу способствует укреплению религиозности в индийском обществе.

По поручению премьер-министра Нарендры Моди в 2018 г. при министерстве культуры Индии создана особая Комиссия из 12 индийских ученых, основная цель которой — «переписывание» индийской истории. В интервью

агентству Reuters один из членов Комиссии К.Н. Дикшит отмечал, что получил от руководства БДП задачу подготовить Отчет, который мог бы помочь правительству переписать некоторые аспекты древней истории Индии², а бывший министр культуры Индии Махеш Шарма там же сообщал о готовности лоббировать этот Отчет в Министерстве развития человеческих ресурсов для включения результатов в школьные учебники истории³. В ряде штатов, где БДП в течение долгого времени побеждала на выборах, такие изменения уже внесены: например, в учебниках Махараштры была удалена целая глава об империи Великих Моголов⁴. По итогам завершения деятельности Комиссии в 182 индийских учебника истории внесли 1334 поправки⁵. Насаждаемая правительством версия истории пользуется покровительством БДП, хорошо финансируется и популяризируется через масс-медиа.

Ярким проявлением юридического оформления привилегированного положения индусов в современной Индии стало принятие в декабре 2019 г. поправок в закон о гражданстве от 1955 г. Поправка вводит упрощенный порядок предоставления гражданства Индии представителям «преследуемых» религиозных меньшинств — выходцам из Афганистана, Бангладеш и Пакистана: индусам, буддистам, христианам, парсам и сикхам, которые бежали из своих стран, «спасаясь от преследований на почве религиозной принадлежности»⁶, и поселились в Индии до 2014 г. При этом люди, исповедующие ислам, в т.ч. члены различных исламских сект, которые также часто подвергаются преследованию, в этот список не попали. Критики поправок (в т.ч. и представители ООН⁷) убеждены, что законопроект является дискриминационным и противоречит положениям индийской Конституции, а принятие поправок вызвало длительные протесты в стране⁸.

² Jain R., Lasseret T. By rewriting history, Hindu nationalists aim to assert their dominance over India // Reuters. 06.03.2018. URL: <https://www.reuters.com/investigates/special-report/india-modi-culture/> (дата обращения: 19.04.2024).

³ Jain R., Lasseret T. By rewriting history, Hindu nationalists aim to assert their dominance over India // Reuters. 06.03.2018. URL: <https://www.reuters.com/investigates/special-report/india-modi-culture/> (дата обращения: 19.04.2024).

⁴ Chowdhury K. BJP Government is Rewriting Indian History Selectively // The Diplomat. 10.04.2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/04/bjp-government-is-rewriting-indian-history-selectively/> (дата обращения: 20.09.2024).

⁵ Jaffrelot C. Modi's India: Hindu Nationalism and the Rise of Ethnic Democracy // Scroll.In. URL: <https://scroll.in/article/1010670/christophe-jaffrelot-on-the-way-hindutva-is-changing-history-and-science-textbooks-in-schools> (дата обращения: 19.04.2024).

⁶ The Parliament of India. The Citizenship (Amendment) Bill. 2019. P. 6.

⁷ New citizenship law in India 'fundamentally discriminatory': UN human rights office // UN News. 13.12.2019. URL: <https://news.un.org/en/story/2019/12/1053511> (дата обращения: 09.04.2024).

⁸ Bhandari A., Katakam A. India's citizenship protests: How over three months of protests have unfolded // Reuters. 30.03.2020. URL: <https://www.reuters.com/graphics/INDIA-CITIZENSHIP/PROTESTS/jxlbpgqlpqd/> (дата обращения: 21.09.2024).

Еще одним знаковым социокультурным проявлением политики хиндутвы стала активизация движения Рам Джанмабхуми («Место рождения Рамы»), которое было направлено на «освобождение» места, где находилась мусульманская святыня Бабри-масджид в Айодхье (мечеть Бабура), для строительства храма Рамы. На ее месте, согласно мифам, родился Рама, земное воплощение бога Вишну, главный герой индийского эпоса «Рамаяна». Индусы убеждены, что ранее там находился индуистский храм, который был разрушен мусульманами, построившими в XVI в. мечеть, названную в честь основателя династии Великих Моголов. Как отмечает Т.Л. Шаумян, начиная с 80-х гг. XX в. «БДП превратила необходимость «освобождения» места рождения Рамы в свой основной политический лозунг» [9. С. 113].

Апогеем развития движения Рам Джанмабхуми стали события 6 декабря 1992 г., когда многочисленная толпа индусов ворвалась в мечеть Бабура и разрушила ее. События послужили началом серьезных межрелигиозных столкновений между индусами и мусульманами, в которых, по разным данным, погибло свыше 2 тысяч человек⁹. Снос мечети и постройка храма Рамы стали переломным моментом, когда религиозные разногласия были возведены в ранг политики. Событие привлекло множество влиятельных гостей включая политиков, кинозвезд, именитых спортсменов, религиозных лидеров и т.д., но центральной фигурой на церемонии освящения храма 22 января 2024 г. стал Нарендра Моди¹⁰. Он принял участие в торжественной церемонии закладки первого камня в основание храма, таким образом обозначив, что строительство храма Рамы в Айодхье является вопросом государственной важности. Однако торжества вызвали настороженность среди религиозных меньшинств-жителей Айодхьи, в особенности мусульман, «опасавшихся не столько своих соседей-индусов, а индусских паломников, съезжающих к месту открытия храма»¹¹.

Участие Нарендры Моди в закладке храма продемонстрировало, что спор в Айодхье никогда не был просто спором о праве собственности на землю — он был (и является) вопросом культурного доминирования индусской

⁹ Babri Masjid demolition: December 6, 1992, a day that lives in infamy // India Today. 06.12.2018. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/babri-masjid-demolition-anniversary-1403792-2018-12-06> (дата обращения: 20.09.2024).

¹⁰ Gupta A.K. Ram Temple inauguration: List of VVIP invitees for Ayodhya event // The Hindustan Times. 22.01.2024. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/ram-temple-inauguration-list-of-vvip-invitees-for-ayodhya-event-101705892980925.html> (дата обращения: 06.06.2024).

¹¹ Kumar M. Muslims in Ayodhya cite past violence, request strict security // The Hindu. 21.01.2024. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/fearful-of-past-communal-incidents-ayodhyas-muslims-request-police-security-for-january-22/article67759882.ece> (дата обращения: 28.09.2024).

общины, реституции, культурной и религиозной идентичности и, конечно, иного взгляда на историю, который в дальнейшем станет фундаментом для выстраивания исторической политики Моди.

Влияние исторической политики на систему ценностей современной Индии

Распространение идеологии хиндутвы и использование исторической политики, проводимой БДП, привело к значительному росту религиозности в стране. Общеиндийский тренд — поддержка индуизма и его привилегированного положения — за период власти БДП приобрел массовость и отразился на общем положении страны в мировом ценностном ландшафте.

Проследить этот процесс нам позволяет «Карта культурных ценностей Рональда Инглхарта и Кристиана Вельцеля» (рис. 1 и 2)¹², которая демонстрирует глобальные социокультурные различия между странами и группами стран, таким образом показывая, как различные общества балансируют между сохранением традиций и адаптацией к современным ценностным реалиям. Каждые пять лет коллектив ученых, включающий более 150 исследовательских групп по всему миру, проводит массовые опросы респондентов из 120 стран, покрывающих более 94 % населения планеты. Исследователи фиксируют основные ценностные ориентиры и их динамику, а затем обрабатывают полученные данные по ряду расчетных показателей. Результаты социологического анализа вызывают широкий мировой резонанс и уже более 60 тысяч раз цитировались в научных изданиях¹³.

На карте отчетливо видно, что представляет собой динамика позиции Индии: если в целом по миру наблюдается общая тенденция сдвига в пользу атеизма и самопознания, активной личностной позиции и гражданских свобод (перемещение по карте в правую верхнюю часть), то с Индией наблюдается противоположный тренд. Так, за период 2010–2014 гг. координаты страны на карте соответствовали уровню государств Южной и Юго-Восточной Азии (рис. 1), но уже в 2017–2022 гг. (рис. 2) положение Индии по ценностным координатам приблизилось к мусульманским странам, имеющим официальную религию (например, Ирану и Ираку).

¹²The Inglehart—Welzel World Cultural Map—World Values. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения: 28.09.2024).

¹³World Values Survey. The Inglehart-Welzel World Cultural Map. 2023. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения: 29.09.2024).

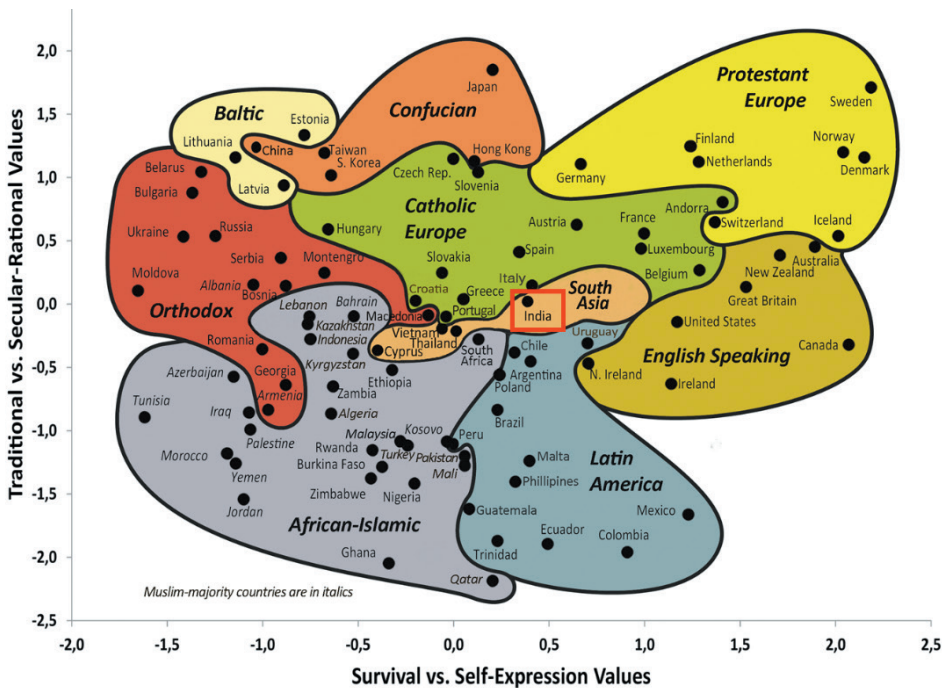

Рис. 1. Культурная карта Инглхарт — Вельцеля (2010–2014 гг.)

Источник: The Inglehart — Welzel World Cultural Map — World Values. Survey 6. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSCContents.jsp> (дата обращения: 28.09.2024).

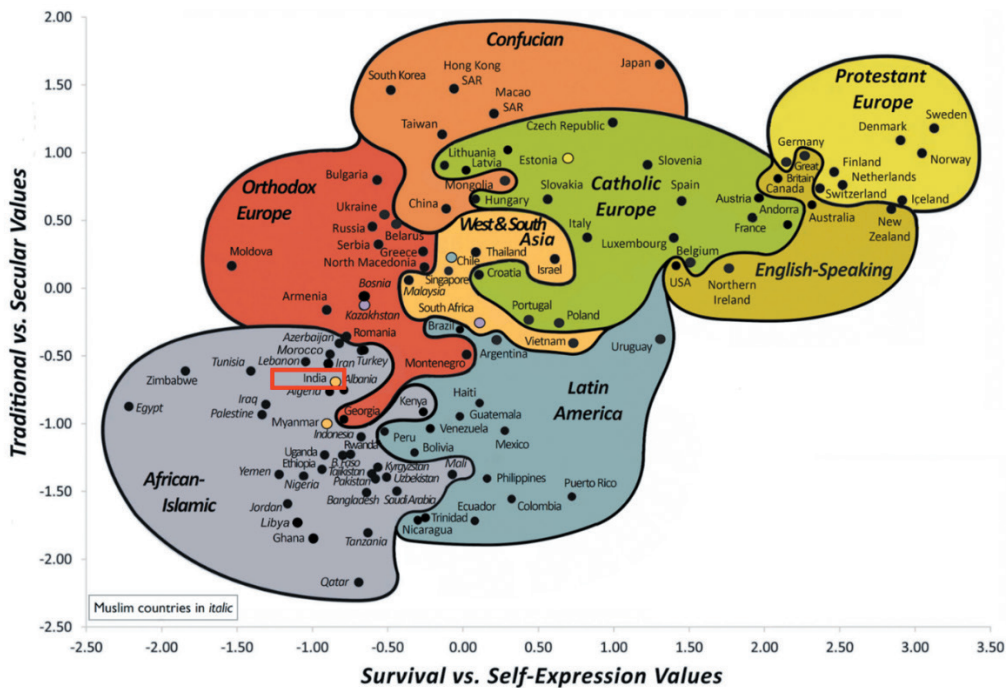

Рис. 2. Культурная карта Инглхарт — Вельцеля (2017–2022 гг.)

Источник: The Inglehart — Welzel World Cultural Map — World Values. Survey 7. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSCContents.jsp> (дата обращения: 28.09.2024).

Такие изменения в положении Индии на карте являются прямым свидетельством активно популяризируемой внутри страны «индусскости». Возвращение к традиционности и религиозному консерватизму отвечает менталитету представителей индусского большинства, понимается им как возвращение к своим истокам, освобождение от всего привнесенного извне в период порабощения и колонизации.

Проблемы с поддержкой хиндутвы в современной Индии

В современной Индии отношение к хиндутве не однозначно. С одной стороны, существуют поддерживающие идеологию политические сторонники находящейся у власти коалиции (включая БДП) Национально-демократический альянс (НДА), с другой стороны, хиндутва подвергается острой критике сторонниками оппозиционного Индийского национального инклюзивного альянса развития (INDIA — Indian National Developmental Inclusive Alliance), по большей части представителями Индийского национального конгресса (ИНК).

Представители ИНК критикуют хиндутву за отход концепции от самого индуизма, за то, что БДП политизирует религию до неузнаваемости, а также за то, что «слова «хиндутва» и «индуизм» зачастую становятся взаимозаменяемыми»¹⁴. Если в первые десятилетия независимого развития Индии политический дискурс ИНК основывался на западноевропейских идеях секуляризма, то с приходом БДП к власти акцент стал смещаться в сторону исторического дискурса, базирующегося на национальных традициях и религии.

Свою социально-политическую стратегию в последней предвыборной кампании Нарендра Моди построил с опорой на предполагаемое религиозное единство индусского общества. Однако высокая религиозность и принадлежность к индуизму не означала единство внутри целевой группы, на которую рассчитывал Моди. Сам по себе индуизм не предполагает равенства между людьми, разделяя общество на многочисленные касты, и, хотя последние формально отменены в стране на конституционном уровне, тысячелетние традиции не могут быть искоренены в обществе нормативно-правовыми актами за столь недолгий срок, дискриминация низших каст в обществе до сих пор актуальна. Так, например, согласно данным Pew Research Center, около 70 % индийцев относят себя к низшим кастам (включая категории «зарегистрированные касты»

¹⁴ Puniyani R. Rahul Gandhi's Humane Hinduism Totally Differs from Violent and Hateful Hindutva of BJP-RSS // The Wire. 09.07.2024 URL: <https://thewire.in/politics/rahul-gandhis-humane-hinduism-totally-differs-from-violent-and-hateful-hindutva-of-bjp-rss> (дата обращения: 21.09.2024).

и «зарегистрированные племена»)¹⁵. Среди этой же выборки опрошенных лишь 4 % относят себя к представителям высших каст¹⁶. К такой раздробленности внутри индуистов добавляется еще и почти 200-миллионное мусульманское население страны (которое наряду с другими религиозными меньшинствами склоняется к поддержке ИНК¹⁷). Все эти люди находятся внизу социальной лестницы.

Получается, что, поддерживая БДП, представители низших каст поддерживают традиционно сложившуюся религиозную иерархию и соглашаются на предписанный низкий социальный статус. Опора на индусов (религиозное большинство в стране — 79,8 %¹⁸) и идеи хиндутвы изначально дали Моди широкую поддержку, но в дальнейшем привели к нарастанию противоречий между БДП и ее электоратом. Представители низших каст стали активно создавать свои политические партии, пусть не такие многочисленные, как БДП и ИНК, но в целом имеющие возможность изменить политический расклад в стране, поддерживая крупные политические альянсы. Эти партии начинают «торговаться» и требовать преференции в обмен на членство в альянсе, чем и воспользовался ИНК в текущую предвыборную кампанию, сделав ставку на отсутствие единства как внутри индусского сообщества, так и у представителей разных религий в целом по стране, скооперировавшись и с представителями низших каст, и с иными конфессиями, в частности, мусульманами.

Кроме того, помимо просчетов в отношении религиозного единства, важным фактором отхода части электората от поддержки БДП можно назвать недостаточные темпы экономического развития Индии, не поспевающие за планами Моди на превращение Индии в третью экономику мира. Для достижения цели вывода страны в статус «развитой» экономики к 2047 г.¹⁹ (что потребует увеличения ВВП страны

¹⁵ Pew Research Centre. Attitudes about caste // Religion in India: Tolerance and Segregation. 29.06.2021. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2021/06/29/attitudes-about-caste/> (дата обращения: 09.06.2024).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Bhattacharya S. How Minorities Voted in the Indian General Election // The Diplomat. 10.06.2024. URL: <https://thediplomat.com/2024/06/how-minorities-voted-in-the-indian-general-election/> (дата обращения: 21.09.2024).

¹⁸ Registrar General and Census Commissioner. Population Census 2011. Census 2011 data on Population by Religious Communities. URL: [https://pib.gov.in/newsite/printrelease.aspx?relid=126326#:~:text=Total%20Population%20in%202011%20is,Stated%200.29%20crores%20\(0.2%25\)](https://pib.gov.in/newsite/printrelease.aspx?relid=126326#:~:text=Total%20Population%20in%202011%20is,Stated%200.29%20crores%20(0.2%25)) (дата обращения: 28.09.2024).

¹⁹ Vibrant Gujarat Summit: PM Modi unveils 25-year vision, pledges to make India a developed nation // Economic Times. 10.01.2024. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/india/vibrant-gujarat-summit-pm-modi-unveils-25-year-vision-pledges-to-make-india-a-developed-nation/articleshow/106685801.cms> (дата обращения: 21.09.2024).

в шесть раз²⁰) нижняя планка требуемого темпа роста индийской экономики в течение следующих 20 лет должна подняться к отметке 8 % ежегодно, что намного выше прогнозов (большая часть экспертов согласны, что в ближайшие годы экономика страны будет расти приблизительно на 6,6 % в год²¹). Для сравнения, с началом Политики реформ и открытости в Китае (комплекс экономических реформ, начатых Дэн Сяопином) ежегодный прирост экономики составлял примерно 9 % и с 1982 по 1996 г. ВВП страны увеличился в 4 раза [10], что является уникальным мировым примером интенсивного наращивания экономической мощи страны.

Еще один приведший к отходу электората от БДП фактор, которому администрация Моди не уделила должного внимания, — характер занятости. Нельзя отрицать значимость Индии в мировом развитии новейших технологий, в особенности сектора ИТ, однако стоит иметь в виду, что подобные сферы занятости предоставляют рабочие места достаточно узкой прослойке высококвалифицированных профессионалов, тогда как наиболее многочисленные группы населения оказываются лицом к лицу с проблемой нехватки рабочих мест. Так, по состоянию на 2022 г., более 5 миллионов жителей Индии работают в сфере ИТ²², в то же время более 333 миллионов являются самозанятыми, что чаще всего предполагает неквалифицированный труд кустарного характера²³.

Таким образом, факторы социального характера, связанные с разобщенностью индусского сообщества, к которой добавляется общее религиозное разнообразие всех жителей Индии, препятствуют успешности реализации первоначальной тактики Моди и апелляции к религиозности избирателей. Эти обстоятельства сталкиваются со стремлением правящей партии сохранить и популяризировать «индусскость» во всех сферах жизни общества. К ним добавляются экономические проблемы в виде неспособности привести экономику страны к желаемым показателям за сроки нахождения у власти и серьезной безработицы. Именно комплекс подобных факторов привел к тому, что в свой третий срок на посту премьер-министра Моди вступил на фоне беспрецедентного сопротивления со стороны оппозиции.

²⁰ Bhatia R., Roy A. Modi Is \$20 Trillion Short on His Grand Plan for India's Economy // Bloomberg. 29.04.2024. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-04-28/narendra-modi-is-20-trillion-short-on-his-grand-plans-for-india-s-economy?leadSource=uverify%20wall> (дата обращения: 09.06.2024).

²¹ Там же.

²² Press Information Bureau, Government of India, Ministry of Electronics & IT. Number of employees in IT. 03.08.2022. URL: <https://www.pib.gov.in/Pressreleaseshare.aspx?PRID=1847841> (дата обращения: 28.09.2024).

²³ GlobalData. India: Number of Self-Employed Workers. 01.12.2022. URL: <https://www.globaldata.com/data-insights/macroeconomic/number-of-self-employed-in-india-2137687/> (дата обращения: 28.09.2024).

Хиндутва, или индульский национализм, стала ядром предвыборной кампании Нарендры Моди в 2024 г. Однако, сделав ставку на общую «индускость» нации, власти столкнулись с социальной неоднородностью внутри самой религиозной группы индусов, уходящей корнями в кастовую систему, дискриминация выходцев из низших каст продолжает сохраняться. Многие исповедующие индуизм избиратели и представители религиозных меньшинств качнулись в сторону поддержки ИНК, что отразилось и на результатах выборов в Лок Сабху 2024 г., позволив партии усилить свои позиции. Таким образом, результаты выборов в парламент 2024 г. стали следствием ряда факторов, связанных с внутренней политикой БДП. Снижение поддержки партии Нарендры Моди связано с просчетами в отношении продвигаемой исторической политики, основанной на хиндутве, дискриминацией низших каст, недостаточными темпами экономического роста и проблемами с созданием новых рабочих мест.

Заключение

За два срока, которые БДП под руководством Моди находится у власти, страна претерпела серьезные трансформации, касающиеся роста религиозности населения и продвигаемой властью системы ценностей, краеугольным камнем которой стал индуизм, причем зачастую в радикальной форме. То, что хиндутва апеллирует к индульскому большинству, не устраняет противоречий, присущих кастовой системе, на которой традиционно основывается индуизм. Дискриминация низших каст, несмотря на конституционные запреты, остается частью социальной реальности страны. В контексте растущей религиозной напряженности политика «индускости» обостряет проблемы, связанные с межрелигиозными и межкастовыми отношениями, особенно затрагивая положение выходцев из низших каст и религиозных меньшинств. Впервые это проявилось во время выборов 2024 г.

Список литературы

1. *Waikar P.* Reading islamophobia in hindutva: An analysis of Narendra Modi's political discourse // *Islamophobia Studies Journal*. 2018. Vol. 4. №2. P. 161–180. <https://doi.org/10.13169/islastudj.4.2.0161>
2. *Rajagopal A.* Politics after television: Hindu nationalism and the reshaping of the public in India. Cambridge University Press, 2001. 404 p.
3. *Mok B.* Exploring hindutva online subculture // *Counter terrorist trends and analyses*. 2022. № 14 (3). С. 9–16.
4. *Das R.* Encountering hindutva, interrogating religious nationalism and (En)gendering a Hindu patriarchy in India's nuclear policies: ordering, bordering and othering // *International feminist journal of politics*. 2006. Vol. 8. № 3. P. 370–393. <https://doi.org/10.1080/14616740600792988>
5. *Bhatia A.* The “saffronisation” of India and contemporary political ideology. *World Englishes*. 2020. Vol. 39. № 4. P. 568–580. <https://doi.org/10.1111/weng.12494>

6. Смирнов М.Г. Идеология хиндутвы и ее двойственность // Вестник ЧелГУ. 2004. № 1. С. 96–109.
7. Jaffrelot C. Hindu nationalism: A reader. Princeton : Princeton University Press, 2007. 405 p.
8. Anderson E., Longkumer A. 'Neo-Hindutva': evolving forms, spaces, and expressions of Hindu nationalism // Contemporary South Asia. 2018. Vol. 26. № 4. P. 371–377. <https://doi.org/10.1080/09584935.2018.1548576>
9. Шаумян Т.Л. Индуизм в общественно-политической жизни Индии // Международная аналитика. 2021. Т. 12. № 4. С. 106–122. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-4-106-122>
10. Hu Z., Khan M.S. Why is China growing so fast? // Economic issues. 1997. № 8. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/issues8/index.htm> (дата обращения: 09.06.2024)

Информация об авторах:

Солодкова Ольга Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 119017, Российская Федерация, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17, e-mail: olsolodkova@hse.ru. ORCID: 0000-0002-6734-4989. SPIN-код: 6436-5116.

Анташева Мария Сергеевна — приглашенный преподаватель департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 119017, Российская Федерация, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17, e-mail: msantasheva@hse.ru. ORCID: 0000-0002-5255-8773.

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-4-568-586

EDN: XSJSFZ

Научная статья / Research article

Процессы сецессии и ирредентизма в Боснии и Герцеговине: история, состояние, перспективы

А.В. Шаблага , С. Коёвич

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 shabaga-av@rudn.ru

Аннотация. Цель исследования состоит в анализе политических процессов в Боснии и Герцеговине на фоне глубоких этнических и конфессиональных противоречий. В этой связи проблема сецессии и ирреденты в Боснии и Герцеговине рассматривается в широком историческом контексте. Феномен Боснии и Герцеговины показан как результат воздействия либеральных идей, во многом стимулировавших распад Югославии. Порожденные этим распадом ожесточенные военные конфликты привели к сецессионистско-ирредентистским проектам со стороны сербского и, отчасти, хорватского населения и бошняцким попыткам реинкарнации прежней (югославской) концепции, основанной на примате гражданства над другими формами идентичности. Исследованы варианты возможного устройства государства: унитаризм (за что выступают бошняки) или конфедерация (позиция сербского населения), в которой многие видят первый шаг к сецессии с возможностью последующего вхождения в сопредельное государство. Отмечено, что хорватские представители отдают предпочтение то унитарной, то конфедеративной теории государственного устройства в зависимости от статуса хорватского этноса в той или иной модели. В основе исследования лежит теория многополярного мира Е.М. Примакова, дающая возможность рассмотреть место Боснии и Герцеговины как в глобальном измерении, так и в региональном масштабе. Используется методология М. Вебера, согласно которой межэтнические противоречия предопределяются несоизмеримостью ценностей, переходя в отдельных случаях в редукцию религиозных догм в социальные нормы. Вывод состоит в том, что у балканских народов в силу ряда рассмотренных политических, конфессиональных и культурных причин сецессионизм и ирредента проявляются более сильно, чем у других народов Европы. В Боснии и Герцеговине эти процессы далеки от завершения и даже возможное вхождение в состав других конфедеративных объединений, например, ЕС, не станет надежной гарантией их прекращения.

Ключевые слова: Западные Балканы, Дейтонские соглашения, балканизация, югославизм, этнополитический конфликт, сецессия, ирредентизм, государственная и этническая идентичность

© Шаблага А.В., Коёвич С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 24.06.2024; принята к публикации 19.08.2024.

Для цитирования: Шаблага А.В., Коёвич С. Процессы сепарации и ирредентизма в Боснии и Герцеговине: история, состояние, перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 4. С. 568–586. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-568-586>

Processes of Secession and Irredentism in Bosnia and Herzegovina: History, Status, Prospects

Andrey V. Shabaga , Sara Kojovic

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 shabaga-av@rudn.ru

Abstract. The purpose of the study is to analyze political processes in Bosnia and Herzegovina against the background of deep ethnic and religious contradictions. In this regard, the problem of secession and irredentism in Bosnia and Herzegovina is examined, considered in a broad historical context. The phenomenon of Bosnia and Herzegovina is shown as a result of the influence of liberal ideas, which largely stimulated the disintegration of Yugoslavia. The fierce military conflicts generated by this disintegration led to secessionist-irredentist projects on the part of the Serbian and, partly, Croatian population and Bosniak attempts to reincarnate the previous (Yugoslav) concept based on the primacy of citizenship over other forms of identity. In this regard, the options for a possible state structure are examined: unitarism (which the Bosniaks advocate) or confederation (the position of the Serbian population), in which many see the first step towards secession with the possibility of subsequent entry into a neighboring state. Croatian representatives prefer either a unitary or a confederative theory of state structure depending on the status of the Croatian ethnic group in one or another model. The analysis of the problem under study is based on the theory of the multipolar world by E.M. Primakov, which makes it possible to consider the place of Bosnia and Herzegovina both in the global dimension and on a regional scale. The study also uses the methodology of M. Weber, according to which interethnic contradictions are predetermined by the incommensurability of values, in some cases turning into the reduction of religious dogmas into social norms. The conclusion is that, due to a number of political, religious and cultural reasons considered, secessionism and irredentism are more pronounced among the Balkan peoples than among other peoples. Europe. At present, these processes are far from complete in Bosnia and Herzegovina, and even possible entry into other confederative associations, such as the EU, will not be a reliable guarantee of their cessation.

Keywords: Western Balkans, Dayton Peace Agreement, Balkanization, Yugoslavism, ethno-political conflict, ethno-political cleavage, irredentism, state and ethnic identity

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history: received 24.06.2024; accepted 19.08.2024.

For citation: Shabaga AV, Kojovic S. Processes of Secession and Irredentism in Bosnia and Herzegovina: History, Status, Prospects. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(4):568–586. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-568-586>

Введение

Исследуется боснийский феномен балансирования государства в условиях острых сепарационных процессов. Нельзя сказать, что сепарационизм представляет собой новое явление для Европы в целом или Южной Европы в частности. В наше время он явно или латентно проявляет себя, как у ближних, так и относительно отдаленных соседей Боснии и Герцеговины. Но именно на территории Балкан и, в особенности, на постюгославском пространстве, проблема сепарации приобрела особое значение. Важной составляющей этой проблемы является неясность процесса этнического самоопределения с точки зрения современного международного права в силу противоречия между суверенитетом государств и правом народов на независимость. Подобный конфликт интерпретаций обычно ведет к тому, что результат движения за выделение части государства из его тела попадает в зависимость от позиции ведущих мировых держав.

История сепараций уходит в глубины тысячелетий. Иногда они стимулировались метрополиями, как один из способов решать внутренние проблемы и осваивать новые пространства. Примеров много, укажем на наиболее известные — сепарации финикийцев, греков, этрусков, скандинавов, малайцев, англичан и др. А иногда воспринимались болезненно: выход Венесуэлы и Эквадора из Великой Колумбии, Техаса из состава Мексики, попытки Конфедеративных Штатов Америки отсоединиться от США и т.п. В новой истории известны как более или менее успешные сепарации (отделение США от Великобритании, Бельгии от Нидерландов, Норвегии от Дании, Индии от Великобритании, Эритреи от Эфиопии, Абхазии от Грузии, Южного Судана от Судана и др.), так и безуспешные (попытки отделения Катанги от Конго, Бифры от Нигерии, Западного Ириана от Индонезии и др.). Ряд стран переживает сепарационные процессы в настоящее время. К ним относятся попытки выхода Квебека из состава Канады [1. С. 64–79], Каталонии из Испании [2, С. 167–173], Шотландии из Великобритании [3. Р. 177–186], Падании из Италии [4. Р. 88–91], Фландрии из Бельгии [5. С. 171–174], Гренландии из Дании [6. С. 128–131] и т.д.

Возвращаясь к Балканам, отметим, что сепарационные процессы имеют там давнюю историю. Но если не погружаться в античные времена, когда Эпир отделялся от Македонии (III в до н.э.) [7], или в Средневековье, когда Дуклянское государство (располагавшееся на землях нынешней Боснии и Герцеговины) выделилось из состава Римской империи / Византии (1038 г.) [8. С. 74], а обратиться к относительно недавним, то сепарационное движение приобрело особенный размах в XIX в. Вначале оно было связано

с деструкцией Османской империи и продолжилось в начале XX в. в ходе распада Австро-Венгрии. Процесс деления, выделения и отделения в регионе, во многом стимулируемый иностранными державами, шел не останавливаясь, то замедляясь, то ускоряясь, в течение всего XX в. В результате возник даже специальный термин, обозначающий последовательную фрагментацию государственных образований — балканизация [9. С. 198]. Текущее состояние этого процесса мы рассмотрим на примере Боснии и Герцеговины.

Анализ исследуемой проблемы базируется на теории многополярного мира Е.М. Примакова, дающей возможность рассмотреть место Боснии и Герцеговины как в глобальном измерении (как один из важных узлов международных отношений), так и в региональном масштабе (как совокупность политических, этнических, конфессиональных и иных составляющих, имеющих ярко выраженную историческую природу) [10. С. 159–160]. Методически исследование опирается также на концепцию ценностного конфликта М. Вебера, согласно которой столкновение обусловливается внутренней несоизмеримостью ценностей. М. Вебер даже прибегает к метафоре политеизма ценностей в смысле редукции религиозных догм в социальные нормы [11. С. 727], что особенно выпукло проявляется на примере политического конфликта в Боснии и Герцеговине, где столкновение подчас представляют как столкновение православия (сербы), католичества (хорваты) и ислама (бошняки). В силу этого, соотнесение норм с эмпирикой следует интерпретировать лишь имея в виду, что они «находятся в плоскостях совершенно гетерогенной проблематики» [12. С. 559].

Исторические особенности государственного строительства в Боснии и Герцеговине

Босния и Герцеговина, как государство, обретшее государственный статус после Боснийской войны 1992–1995 гг., представляет особый феномен даже на фоне экзотики политических образований, возникших на современных Балканах и связанных с этим проблем (с признанием у Косово, с названием у Македонии, пограничными спорами между рядом стран и т.п.). Начать с того, что Босния и Герцеговина, будучи федерацией, включает в себя еще одну федерацию с тем же, как это ни странно, названием. То есть Босния и Герцеговина состоит из Федерации Боснии и Герцеговины, Республики Сербской и округа Брчко. Еще одной важной особенностью этого государства является то, что населенная преимущественно сербами Республика Сербская непосредственно примыкает к Сербии, что, соответственно, является крепкой основой для ирредентистского движения. Не стоит забывать и хорватское население Боснии, в среде которого популярны идеи воссоздания прекратившей существование в 1994 г. Хорватской республики Герцег-Босны с последующим вхождением в состав Хорватии.

Так что говорить об устойчивом формировании современных границ в западнобалканском регионе пока еще рано.

И прежде всего потому, что после распада Югославии на ее территории возник целый ряд государств, не имеющих сколько-нибудь стабильной истории государственности. В XX в. их существование в тех или иных границах было определено, по большей части, автономным (областным, республиканским или краевым) статусом внутри югославского государства, являющимся по сути, административно-территориальным разграничением. При этом у всех новообразовавшихся государств был неоднородный этнический состав, отягощенный прошлыми междоусобными конфликтами. Но даже среди бывших югославских республик Босния и Герцеговина занимает особое место. Государственное устройство Боснии и Герцеговины — одно из самых сложных в Европе, что порождает выраженные центробежные тенденции, сдерживаемые только постоянным внешним давлением. Крупные державы традиционно стремились повлиять на судьбы населения этого образования, которое подчас называют «малой Югославией». В силу чего созданная в Боснии и Герцеговине модель международного присутствия характеризуется масштабностью, глубиной внешнего вмешательства в различные внутренние процессы, что, естественно, приводит к формам управления, далеким от демократии.

Специфика Боснии и Герцеговины в том, что ее настоящее как бы «застыло» между прошлым и будущим. На дискуссии о прошлом и о возможном развитии государства и общества в будущем тратится такой объем социальной энергии, что на текущие изменения сил, как правило, не хватает. При расхождении в понимании исторического прошлого и бесконечных обсуждениях противоречивых вариантов интеграционного будущего едва ли можно выйти на понимание того, как рационально ответить на вызовы настоящего. Отсутствие внятной внешней и внутренней политики в Боснии и Герцеговине влияет на расширение иррационального политического пространства, в котором руководящие партии, несмотря на кажущиеся противоречия, чувствуют себя как рыба в воде. При полном разногласии, конфликтах и противоречии правящих элит историческое наследие понимается не как проблема, требующая решения, а используется как неисчерпаемая сокровищница для аргументов политических противостояний и завоевания власти. Вызовы будущего, напротив, служат источником аргументов в пользу того, что все существующие проблемы будут решены в будущем, «когда мы вступим в Евросоюз». Представители правящей партии (Партия демократического действия)¹ выводят причины всех важных проблем из прошлого, де-

¹ Партия демократического действия. URL: <https://www.sda.ba/> (Дата обращения: 11.05.2024).

легируют решение будущему [13. С. 258] и используют общественные СМИ для создания виртуального настоящего.

В то же время нельзя сказать, что Босния и Герцеговина во всех отношениях является исключительным случаем на континенте, ведь и у других стран Европы было сложное историческое наследие, оставившее свои проблемы. Суть не в том, есть ли в стране внутренние проблемы и конфликты, а в том, как государство решает их в различных исторических обстоятельствах. Но руководство Боснии и Герцеговины не решает проблем, стоящих перед государством, и не проводит активную политику, направленную на развитие общества. В сложном историческом наследии Боснии и Герцеговины всегда можно найти аргументы для уклонения от надлежащих изменений. Именно поэтому у правящих элит есть неисчерпаемые «ресурсы» оправдания неэффективного управления. Историческое наследие может быть использовано как источник опыта, полезного для определения новой политики в государстве, но также может быть использовано и для углубления конфликтов. Оно может быть как негативным, так и позитивным, в зависимости от того, какие отношения устанавливаются с его сущностным содержанием. Историческое наследие в Боснии и Герцеговине все чаще становится предметом манипуляций стоящих у власти партийных элит, которые не хотят преодолевать исторические противоречия, поскольку они представляют собой идеологическую «мину» для завоевания и удержания власти [14. С. 22]. Рациональное отношение к прошлому в политической системе Боснии и Герцеговины предполагает более ответственное правительство, которое было бы в состоянии дать реалистичную проекцию будущего развития государства и общества. У сегодняшних правящих элит таких проекций и ответственности нет.

Босния и Герцеговина — страна, само существование, функционирование, цели и принципы которой подчас вызывают непонимание даже у крупнейших специалистов в области истории, политики, экономики, права и других наук. Совокупность знаний о Боснии и Герцеговине очень трудно собрать в одно непротиворечивое целое. Понятно, что все страны Западных Балкан специфичны, но Босния и Герцеговина сама по себе является парадоксом и наиболее выразительным примером политического феномена. Одно из ее существенных отличий заключается в том, что она обладает многими признаками несостоявшегося государства. Во-первых, это проявляется в полном несоответствии политической реальности с представлениями правящих кругов о способах управления и принципах функционирования государства. Во-вторых, Босния и Герцеговина более 30 лет является инструментом мировых держав для реализации их национальных интересов. Кроме того, Босния и Герцеговина — мировой уникум по своему государственному устройству. При его внешне республиканском характере Босния и Герцеговина не определяет себя как республику из-за сложности единиц, на которые она разделена

(образования и кантоны) и, по этой же причине, лишена возможности функционировать в этом качестве.

Согласно конституции, предложенной в Общем рамочном мирном соглашении по Боснии (Дейтонское соглашение) и подписанной 14 декабря 1995 г. в Париже, государство Босния и Герцеговина состоит из двух образований: мусульмано-хорватской Федерации Боснии и Герцеговины (ФБиГ) — 51 % территории и Республики Сербской (РС) — 49 % территории страны². В системе госуправления пропорционально представлены три основных народа: бошняки (славяне, принявшие ислам), сербы (православные) и хорваты (католики). При этом страна управляется через высокого представителя международного сообщества (пост создан в соответствии с Дейтонским соглашением), который назначается руководящим комитетом Совета по выполнению мирного соглашения после одобрения кандидатуры Советом Безопасности ООН. Функции главы государства в Боснии и Герцеговине выполняет коллективный орган-президиум. По конституции, он состоит из трех человек: серба, хорвата и бошняка, избираемых одновременно на четыре года прямым голосованием. Хорват и бошняк избираются в ФБиГ, а серб — в РС [15. С. 75–80].

Нечто подобное уже практиковалось ранее Западом. Апробация этого внешне демократического способа управления страной, навязанного Францией Ливану, где власть была поделена между представителями разных конфессий, привела к затяжному кровопролитному конфликту, не нашедшему окончательного разрешения до сих пор. Разделы сначала Югославии, а затем ее частей (отделение Косово, уничтожение союза Черногории и Сербии, разделение Боснии и Герцеговины на энтитеты и другие формы дифференциации) привели к востребованию уже известного исторической науке термина «балканизация», который обозначает как внутреннее дробление страны, так и состояние постоянного конфликта между соседними государствами из-за спорных территорий и положения этнических групп, проживающих вне их стран [16, С. 76]. Балканизация является закономерным следствием многолетней эгоистичной «игры» крупных европейских и мировых держав на противоречиях, как между новоявленными балканскими государствами, так и между населяющими их народами. В этом смысле войны на постюгославском пространстве 1991–1995 гг., к которым относится и боснийская, имеют схожую природу с балканскими войнами начала XX в.

Поэтому специфику феномена Боснии и Герцеговины невозможно понять без анализа распада Югославии, гражданской войны на ее территории и обособленных интересов каждой из трех этнических групп, входящих в ее состав.

² Конституция Боснии и Герцеговины от 14 декабря 1995 года. URL: [https://www.ohr.int/ohr-dept/legal/laws-of-bih/pdf/001 %20-%20Constitutions/BH/BH%20CONSTITUTION%20.pdf](https://www.ohr.int/ohr-dept/legal/laws-of-bih/pdf/001%20-%20Constitutions/BH/BH%20CONSTITUTION%20.pdf). (Дата обращения: 20.08.2023)

При распаде Югославии политические представители хорватов и бошняков пытались решить государственный вопрос Боснии и Герцеговины так, как это было сделано в Словении и Хорватии (т.е. абсолютного господства титульного этноса). При этом существенные различия между Боснией и Герцеговиной и вышеупомянутыми республиками не принимались в расчет. Они заключались, в частности, в том, что в отличие от Словении и Хорватии, где титульный этнос имел подавляющее численное преимущество по отношению к другим народам, в Боснии и Герцеговине титульная нация составляет только половину всего населения. С исчезновением югославского государства исчез внешний стабилизирующий фактор Боснии и Герцеговины, а с крушением ориентированной на интернационализм коммунистической идеологии обострились межнациональные противоречия. События периода распада югославского государства подтвердили, что функционирование Боснии и Герцеговины как устойчивого конструкта зависит от интегрирующих факторов более широкого государственного сообщества, поскольку последние пять веков большая часть Боснии и Герцеговины входила в многосоставные образования (Османская империя, Австро-Венгрия, Югославия в различных вариантах). В конце XX в., с распадом внешней югославской интегрирующей на первый план вышли внутренние движения этнических объединений, которые, по сути, стали поддерживать национализм друг друга.

Конституция Югославии 1974 г. стала реальной основой для независимости Македонии, Словении и Хорватии, а в дальнейшем для отделения Черногории от Сербии. Что касается Боснии, то конституции Югославии 1974 г. было недостаточно для возможности провозглашения ее государством. С одной стороны, конституция допускала независимость Боснии и других республик, но, с другой стороны, Босния сама имела конституцию, в которой было зафиксировано такое положение трех основных этносов, что каждый из них мог претендовать на создание собственного государственного образования. А поскольку в боснийской конституции отсутствовало положение о статусе государства [17. С. 291–295], между сербами, хорватами и бошняками возник конфликт, который сделал возможным иностранное вмешательство во внутренние дела страны и привел к международному арбитражу. Запрос правительства Боснии и Герцеговины от 21 декабря 1991 г. о международном признании был оспорен из-за противодействия сербских министров, поэтому он был принят только путем переголосования. Международное сообщество, которое представляла комиссия Р. Бадинтера, истолковала это в том смысле, что просьба Боснии и Герцеговины о международном признании может быть легитимной лишь после референдума [18. С. 74–75].

В это время Боснию и Герцеговину раздирали центробежные тенденции. Одна часть ее правительства направляла свои усилия на обеспечение международного признания независимого государства бошняков и части хорватов. Другая часть пыталась создавать альтернативные ветви власти (Ассамблея

сербского народа, хорватская община Герцег Босны, создание сербского государственного образования). Иными словами, распад Югославии явился стимулом дальнейшего распада Боснии и Герцеговины. Расхождения подогревались различием позиций относительно так называемой Малой Югославии (союза Сербии и Черногории, существовавшего в 1992–2006 гг.). Бошняки и хорваты были за независимое государство Босния, а сербы — за пребывание Боснии и Герцеговины в составе нового югославского государства [17. С. 291–295]. При этом процесс зашел настолько далеко, что вмешательство международного сообщества стало многим казаться необходимым в урегулировании государственного статуса Боснии и межэтнических отношений в этой стране [19. С. 124].

Одним из самых спорных государственных вопросов в Боснии стала форма ее государственного устройства, по поводу которой также возникли межэтнические противостояния. Сербские представители в основном исходили из того, что образования (Республика Сербская и Федерация Боснии и Герцеговины) создали Боснию и Герцеговину как общее государство на конфедеративной основе. Что не должно было входить в противоречие с Дейтонским соглашением как международным договором, где подобные образования могут являться носителями суверенитета. Созданное таким путем государство, не имея первоначально компетенций и полномочий, приобретает их в ходе своего развития через решения субъектов. Иными словами, компетенции государства состоят из тех властных функций, которые субъекты соглашаются им передать. На основании договора о конфедерации субъекты имеют право выйти из совместного государства, присоединиться к одному из соседних государств или объявить себя независимыми государствами.

Но подобное (конфедеративное) истолкование не нашло поддержки у инициаторов Дейтонского соглашения. В результате Республика Сербская и Федерация Боснии и Герцеговины не вели друг с другом переговоров как международные образования и не подписывали соглашения о создании общего государства Босния и Герцеговина. Боснийские представители исходили из теории, что такие образования являются временной и переходной фазой и что Дейтонское соглашение является международным соглашением между Сербией, Хорватией, Боснией и Герцеговиной. Учитывая, что образования являются временными, они со временем ослабнут и трансформируются в регионы, а все государственные дела перейдут на административный уровень институтов Боснии и Герцеговины. Вышеупомянутая унитарная теория вполне правомерна, но она также не имеет под собой основания в Дейтонском соглашении. Хорватские представители отдают предпочтение то унитарной, то конфедеративной теории государственного устройства Боснии и Герцеговины в зависимости от статуса хорватской нации в том или ином случае [20. С. 65–69]. Как справедливо отмечал

сербский и боснийский ученый Райко Кузманович, «Боснию и Герцеговину можно рассматривать как федерацию, конфедерацию, конфедеративно-федеральный союз, асимметричную федерацию-конфедерацию или союз. Все зависит от распределения юрисдикции между государством и образованиями» [21. С. 297–298]. Эта двусмысленность является следствием того, что конституция не определяет тип государства Боснии и Герцеговины. Отсутствие определенности в конституции ведет к путанице, и потому эксперты предпочитают называть такой формат сложным или специфическим [20; 21].

В Республике Сербской принято считать, что Босния является конфедерацией, поскольку она была образована двумя государствами — Республикой Сербской и Федерацией Боснии и Герцеговины (сегодняшними образованиями в Боснии и Герцеговине). То есть в качестве точки отсчета принимаются события 1992–1995 гг., когда Республика Сербская пыталась отстоять провозглашенную независимость. В противоположность этому, сторонники идеи федерации указывают на то, что эти два образования никогда не были государствами и что Босния и Герцеговина просто продолжает свое существование на основе суверенитета Республики Боснии и Герцеговины, присоединившейся к ООН в мае 1992 г. (что также записано в Дейтонской конституции)³. В этой связи особый интерес вызывает то, что Босния и Герцеговина не только не была создана своими образованиями, но и не создала собственные образования. В результате учреждения уровня Боснии и Герцеговины не могут конституционным образом менять государственный статус образований (энтитетов), а образования (энтитеты) не могут конституционно нарушать целостность государства Босния и Герцеговина.

Государственные учреждения образований и государственные учреждения Боснии и Герцеговины представляют собой одну государственную власть, которая осуществляется на двух уровнях. Образования и Босния и Герцеговина не существуют как две противоположные категории, потому что нет Боснии вне образований и нет образований вне Боснии, так как полномочия государства на уровне образований и на уровне Боснии и Герцеговины определяются конституцией Боснии и Герцеговины в одном акте, одновременно и с одинаковой юридической силой². Такое положение вещей вносит определенную путаницу в функционирование государственного аппарата, что осложняется еще и тем, что особое место в стране занимает верховный представитель ЕС с полномочиями от ООН, который может вмешиваться в принятие решений на любом уровне вплоть до снятия с должности любых должностных лиц. В силу этого некоторые западные авторы предпочитают определять Боснию и Герцеговину как кондоминиум,

³ Дейтонское соглашение. Канцелярия Высокого представителя. URL: <https://www.ohr.int/dayton-peace-agreement/?lang=en> (Дата обращения: 11.05.2024).

поскольку государство подчиняется юрисдикции верховного представителя Европейского Союза [22. Р. 222–225]. Однако, по мнению Р. Кузмановича, это обстоятельство ограничено по времени и полномочиям [21. С. 297–298].

Борьба концепций как выражение ценностного конфликта

Такое положение дел дает основания для определения Боснии и Герцеговины и как формирующегося федеративного государства, и как несостоявшегося государства (failed state). С распадом Югославии рухнул и общий суверенитет трех наций в Боснии и Герцеговине. Каждая из них через своих представителей стала инициировать собственные законы о государственном строительстве с намерением поддержать себя, не принимая во внимание интересы других этносов. Спорными явились практически все вопросы, важные для функционирования государства, а политические конфликты и теоретические споры определялись принадлежностью к той или иной национальности [21. С. 10–15]. Сегодня представители сербов все чаще высказывают мнения о том, что Босния и Герцеговина не выживет как государство и ее ждет распад. Представители боснийцев выражают твердую позицию в отношении того, что государство Босния и Герцеговина является постоянной величиной и его распада быть не может, демонстрируя, тем самым, готовность отстаивать его государственную целостность. Что касается представителей хорватов, то с началом югославского и боснийского кризисов их отношение к государственному устройству Боснии и Герцеговины менялось в зависимости от конкретных обстоятельств [21. С. 10–15].

Один из самых спорных вопросов относительно формы государства и функционирования политической системы является проблема генезиса. Предметом дискуссии стал «вопрос первородства»: что в стране возникло раньше — этносы или государство. С ответом на этот вопрос связывали либо правомерность широкой автономии с последующей возможностью сепарации, либо неделимость государства даже при наделении его частей элементами самоуправления.

В свое время М. Вебер предложил три основные концепции происхождения власти, и все они в той или иной мере имеют отношение к Боснии: традиционная власть, опирающаяся на издревле существующие нормы и обычаи, главным образом этно-конфессиональной природы; рациональная власть, связанная с элементами бюрократической структуры, возникшей в результате собственной социальной эволюции или унаследованной от управленческой иерархии прежних протекторов (Османской империи, Австро-Венгрии, Королевства сербов, хорватов и словенцев); харизматическая власть, основанная на безусловной вере в личность руководителя [23. С. 675] (в данном случае: многолетняя вера в лидера Югославии — И. Броз Тито). В современной Боснии и Герцеговине вопрос о происхождении власти имеет существенное

политическое значение, и поиски ответа вполне вписываются в парадигмы, заданные М. Вебером.

Создание наций в Боснии и Герцеговине объясняют, обращаясь по преимуществу к двум концепциям. Одна делает упор на естественную природу образования наций, когда они из этнической общности в ходе социально-исторического процесса приобретают признаки явной политической и, тем самым, национальной структуры. Другая концепция связывает возникновение нации с принуждением государства, учреждающего нацию силами своей бюрократии. С нашей точки зрения, процесс национального строительства Боснии и Герцеговины в течение сотен лет шел обоими путями, и лишь во второй половине XX в. был осложнен волевыми решениями И. Броз Тито, внесшего свой вклад в эти процессы (в частности, утвердившего этническую идентификацию бошняков, как мусульман). Иными словами, существовавшие сотни лет традиционные связи, являющиеся основанием этно-конфессиональных идентичностей народов Боснии и Герцеговины, долгое время находились в латентном конфликте с рациональной властью. Но кризис югославской государственности в начале 1990-х гг. привел к утрате прежней бюрократией властных функций, спровоцировав тем самым отчаянную конкуренцию носителей традиционных ценностей за установление новых отношений на основе своих этно-конфессиональных норм.

Что касается рациональной парадигмы, следует отметить, что на формирование государственного самосознания через привитие государственных норм и ценностей наряду с внутренней оказывала влияние и бюрократия внешняя, поскольку страна со второй половины XII в. и вплоть до вхождения в состав Османской империи в XV в. (за исключением столетнего периода существования Боснийского королевства), испытывала сильнейшее влияние Византии, Хорватии и Венгрии. Это подразумевало навязывание государственных ценностей и идентичности по устраивающему их образцу, не принимая изначального национального и конфессионального тождества. Навязанные нормы существовали в стране относительно долго (видоизменяясь изоморфно власти), но, с исчезновением их источника, они перестали воспроизводиться, уступив свою роль традиционным нормам. В этом отношении наиболее показателен крах «югославянства», старательно возвращаемого в течение шестидесяти лет XX в. и стремительно рухнувшего чуть ли не за один год.

Влияние либеральных идей, во многом стимулировавших распад Югославии посредством ожесточенных военных конфликтов, повлияло и на попытки создания новой концепции — концепции гражданской нации. В качестве образца, по всей видимости, были взяты восходящие к Великой французской революции (и развиваемые в течение многих десятилетий от Ж. Ренана до Э. Геллнера и Ю. Хабермаса) идеи примата гражданства над другими формами идентичности. Общий смысл боснийского варианта

гражданского общества заключался в утверждении, что государство в Боснии возникло раньше наций и конфессионального противостояния. Отчасти это верно, ибо, если взять в качестве непосредственного предшественника Боснийское королевство XIV–XV вв., то этническое и конфессиональное противостояние в этом мощном и, казалось бы, жизнеспособном государстве, действительно, не имело существенной остроты. Оставляя в стороне обстоятельство, что тогдашнюю Боснию населяли не граждане, а подданные, укажем на смысл парадигмы, заключающийся в декларации приоритета государственной (понимаемой сейчас в качестве гражданской) идентичности над всеми остальными.

Реализация этой концепции на практике означала бы установление гражданского суверенитета и унитарного государственного строя. Согласно ей, народ Боснии состоит из боснийцев исламской, католической и православной конфессий. Из этого следует, что нации утрачивают имеющиеся сейчас конституционные права и носителями суверенитета становятся граждане. Против концепции гражданской нации выступают большинство хорватов и сербов, так как бошняки, являясь большинством населения (хотя и крайне незначительным — 50,1 %) могут воспользоваться этим преимуществом в ходе голосования по жизненно важным вопросам [20. С. 25–30]. Критики концепции указывают на то, что она противоречит историческим фактам, так как до 1946 г. Босния существовала лишь в виде областей (бановин), и не обладала государственностью на уровне федерального или какого-либо другого государственного образования.

Сторонники теории, противостоящей «гражданской», исходят из того, что три этноса (сербы, бошняки и хорваты) возникли до формирования государства и, в силу этого, объем этнического суверенитета в Боснии и Герцеговине органически превосходит масштаб любого другого вида власти. Если три этноса появились на территории будущей Боснии и Герцеговины раньше государства, то они имеют право создавать свои отдельные государства, а Босния и Герцеговина в таком случае может служить лишь общим каркасом, объединяющим национальные государства. В предельном понимании этого тезиса Боснии и Герцеговине отказывают в государственности, говоря лишь о возможности надгосударственного союза, сохраняющего актуальность до тех пор, пока национальные государства не обретут полноценность. То есть речь идет о конфедерации, население которой будет представлять собой «механическое собрание членов трех этнических наций» [20. С. 30–33]. Ясно, что в большинстве своем бошняки выступают против таких предложений, тогда как хорваты и сербы выступают за. Вопрос о том, кто является и кто должен являться носителем суверенитета, был важнейшим во время войны 1992–1995 гг. и, поскольку среди политических элит страны до сих пор нет консенсуса, остается таковым и по сегодняшний день.

Специфика Боснии и Герцеговины заключается также в том, что ее стабильность зависит не только от межэтнического сотрудничества внутри страны, но и от отношений с соседними государствами — Сербией и Хорватией. Сербско-хорватский конфликт в процессе распада бывшего югославского государства дестабилизировал Боснию и Герцеговину. Сербь из Боснии были за вхождение в Малую Югославию, хорваты из Боснии — за объединение с хорватским государством, а бошняки лавировали между этими двумя вариантами, в итоге выбрав государственную независимость Боснии и Герцеговины. Здесь стоит отметить, что народы, входившие ранее в объединенное Государство сербов, хорватов и словенцев, Королевство Югославию и Социалистическую Федеративную Республику Югославию, по-разному осознавали и реализовывали свою государственность. Словенцы и хорваты понимали югославское государство как преходящую необходимость в процессе создания национальных государств, полагая их формирование своим законным правом. Сербь связывали свою государственность и национальный интерес с югославизмом, под которым понимался союз славянских народов Балкан (хотя одно время рассматривался вариант Балканской федерации с Албанией, Грецией и Румынией), в котором сербь играли бы роль первых среди равных. В силу стечения исторических обстоятельств были реализованы законные интересы Хорватии и Словении, а сербская Югославия распалась. Таким образом, с самого начала создания объединенного югославского государства Босния и Герцеговина находилась в промежуточном положении, будучи объектом, на который были нацелены, как сербские, так и хорватские государственные интересы [24. Р. 122–124].

В этом смысле процесс создания государства, и особенно Боснии и Герцеговины, трудно рассматривать в статике, основывая анализ только на одном историческом моменте или событии (как делают некоторые, считая исходным пунктом войну 1992–1995 гг.). В опубликованных научных работах и политических взглядах в Боснии и Герцеговине доминируют два подхода. Один (который по большей части разделяют бошняки) берет за отправную точку Средневековье, пытаясь установить преемственность Боснии и Герцеговины от Средних веков до современности [25. Р. 23–28]. Вторая точка зрения, преимущественно сербская, отталкиваясь от Дейтонского соглашения 1995 г., состоит в том, что существование государственности Боснии не было вплоть до заключения этого соглашения [6. С. 33].

Каждая из этих точек зрения выражает вполне определенную позицию и потому исходным пунктом назначает ту дату, которая наиболее соответствует политическим претензиям. Похожая ситуация была в XIX в., когда возникли и одно время конкурировали между собой три проекта, имевшие прямое отношение к Боснии и Герцеговине. Первым был «Великосербский», выдвинутый сербским министром И. Гарашанином, предполагавший постепенное включение Боснии и Герцеговины в состав Сербии [27. С. 243–248]. Второй

проект, носящий название «иллиризма», отстаивал хорватский просветитель Л. Гай [28. Р. 132.]; проект предполагал создание единого государства для южных славян с общим для всех сербско-хорватским языком. И, наконец, третий — «боснийский» проект, направленный на формирование из сербов, хорватов и бошняков новой боснийской идентичности, активно продвигался австро-венгерским министром Б. Каллаи [29. Р. 104.].

На сегодняшний день определенное значение сохранили первый и третий проекты. Конечно, с известными изменениями, учитывающими политическую трансформацию, произошедшую за полтора века. Республика Сербская сейчас, судя по всему, стремится в несколько приемов: через автономию, независимость, а затем союз — войти в состав Сербии [30. С. 289–320.]. В случае успешного продвижения этого проекта по сербскому пути попробуют пойти хорваты (попытавшись присоединиться к Хорватии). Что касается бошняков, то они выступают за единство Боснии и Герцеговины, имея в виду примерно тот же тип идентичности, что пытался реализовать в стране Б. Каллаи. Что касается иллирийского проекта, вполне созвучного югославизму, то, вероятно, он почил вместе с И. Броз Тито. В связи с последним (Тито был хорватом по отцу) любопытно проследить хорватскую составляющую иллиризма: задолго до Л. Гая схожие проекты выдвигали В. Прибоевич (XVI в.) и известный в России Ю. Крижанич (XVII в.), ратовавший за объединение всех славян [31. С. 637–657].

Исходя из изложенного следует, что исторически к сецессии были более склонны словенцы и хорваты. У хорватов сецессионизм был осложнен и ирредентизмом. В ходе Второй мировой войны они не только выделились из состава Югославии, образовав под покровительством немцев так называемое «Независимое государство Хорватия», но и включили в него всю территорию Боснии и Герцеговины (хотя хорватское население там представляло меньшинство). Справедливости ради отметим, что ирредентизм свойственна в той или иной степени всем странам Балкан и даже пограничным с ними государствам (например, Венгрии) [32]. Ирредентизм бошняков отличается тем, что он носит как бы «внутренний» характер. В отличие от венгров, которые «окружены» венграми, проживающими в соседних государствах, бошняки соседствуют в своем государстве с близкородственными этносами и пытаются подчинить их с помощью бюрократических процедур.

Для этого случая особый интерес представляет то, что ирредентизм бошняков направлен на сохранение государства, во многом подобного тому, из которого они с трудом вышли. Взамен государства, в котором главную роль играли сербы, хорваты и словенцы (и даже одно время были титульными нациями) на Балканах возникло государство, где основными этносами явились сербы, хорваты и бошняки. Приведет ли такое проявление «югославизма» к схожей судьбе, пока сказать трудно, но тенденции явно схожие.

Заключение

В заключение отметим, что проблема сецессионизма в бывших югославских республиках, имея исторические и конфессиональные корни, является важным фактором политических процессов, происходящих в Боснии и Герцеговине. В 1990-е гг. сецессионистские процессы поддерживались странами Запада в целях стимулирования распада Югославии. Однако и после состоявшегося распада эти идеи по-прежнему актуальны для политических кругов Балканского региона. В XXI в. они пользуются наибольшей поддержкой в Боснии и Герцеговине, а также в Северной Македонии. И даже гипотетическое вхождение этих стран в Европейский Союз вряд ли внесет в решение этой проблемы кардинальные изменения. История Балкан показывает, что инкорпорация в состав крупных государственных образований (Османская империя, Австро-Венгрия, Югославия) не является надежной гарантией от сецессионизма и ирреденты. Что касается Боснии и Герцеговины, то в случае включения в ЕС ирредентистские процессы могут там даже усилиться, получив дополнительные основания в собственной интерпретации концепции «Европы регионов».

Список литературы

1. Барановский К.Ю. Квебекский сепаратизм — острая проблема Канадской федерации // США & Канада: экономика — политика — культура. 2001. № 11. С. 64–79.
2. Хенкин С.М. Сепаратизм против государства: случай Каталонии // Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 167–173. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.11>
3. Muro D., Vidal D., Vlaskamp M.C. Does international recognition matter? Support for unilateral secession in Catalonia and Scotland // Nations and Nationalism. 2020. Vol. 26. № 1. P. 177–186. <https://doi.org/10.1111/nana.12557>
4. Egorova M. North of Italy the secession or federal reform? // Geopolitica. 2009. № 30. P. 88–91.
5. Осколков П.В. Сепаратизм в идеологии и практике фламандских правопопулистских партий // Вестник МГИМО-университета. 2017. № 5 (56). С. 171–174. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-5-56-169-182>
6. Криворотов А.К. Гренландия и Дания: арктический сецессионизм в силовом поле мировой политики // Контуры глобальных трансформаций. 2021. Т. 14. № 1. С. 128–131. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-1-6>
7. Юстин М.Ю. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiarum philippicarum» = Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi / пер. с лат. А.А. Деконского, М.И. Рижского; вступ. ст. К.К. Зельина; коммент. К.В. Вержбицкого, М.М. Холода. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. 490 с.
8. Летопись попа Дуклянина / перевод и комментарий С.В. Алексеев. СПб. : Петербургское востоковедение, 2015.
9. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 — апрель 1918. Минск, 2002.
10. Примаков Е.М. Мысли вслух. М., 2011.
11. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990.
12. Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Избранные произведения. М., 1990.

13. *Tatham M., Thau M.* The More the Merrier: Accounting for Regional Paradiplomats in Brussels // *European Union Politics*. 2014. Т. 15. № 2. Р. 145–178.
14. *Микеш М.* Босна и Херцеговина и владавина права. Атлантик, Бања Лука: Атлантик, 2008. 280 с.
15. *Пономарева Е.Г.* Новые государства на Балканах. М. : МГИМО-Университет, 2010. 252 с.
16. *Чуних Ч.* Од владавине контролисаног хаоса до добро уређеног демократског поретка, Нова српска политичка мисао. Београд : Нова српска политичка мисао, 2001.
17. *Кузмановић Р.* Уставно право. Бањој Луци : Правни факултет, 2002.
18. *Поплашен Н.* Рушење Дејтона. Бања Лука : Институт за међународно право и међународну пословну сарадњу, 2001.
19. *Ramet S.P.* Balkan babel: the disintegration of Yugoslavia from the death of Tito to the fall of Milošević. Routledge, 2018. 452 p.
20. *Нешиковић Р.* Недовршена држава. Политички систем Босне и Херцеговине. Сарајево: Friedrich Ebert Stiftung, 2013. 482 с.
21. *Кузмановић Р.* Есеји о уставности и државности. Бања Лука: Центар за публикације Правног факултета, 2004. 398 с.
22. *Calic M.J.* Geschichte Jugoslawiens im 20. Jahrhundert, Wien: CH Beck. 2010. 410 s.
23. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990.
24. *Sundhaussen H.* Jugoslawien und seine Nachfolgestaaten 1943–2011: Eine ungewöhnliche Geschichte des Gewöhnlichen. 2. durchgesehene Auflage. Böhlau, Wien, 2014. 525 s.
25. *Stojanović D., Kamberović H.* Ratovi 1990-ih u regionalnim historiografijama — Kontroverze, interpretacije, nasljeđe. Sarajevo, 2020. 296 s.
26. *Крајишник М.* Како се рађала Република Српска. Бања Лука: Бесједа, 2016. 612 с.
27. *Никифоров К.В.* «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015. 256 с.
28. *Karaula Ž.* Jedan povijesni izvor o nastanku ilirizma: “Kako je postao Ilirizm?” // *Zbornik Janković*. 2019. № 4. Р. 112–138.
29. *Feldman A.* Kállay’s dilemma on the challenge of creating a manageable identity in Bosnia and Herzegovina (1882–1903) // *Review of Croatian History* 2017. Vol. XIII. № 1. Р. 98–115.
30. *Третьякова М.* Македонија-2001. Новый виток кризиса: исторические предпосылки и политические последствия. М., 2021.
31. *Крижанич Ю.* Политика. М., 1965.
32. *Bachmann K.* Orban-Rhetorik sorgt in Slowakei für düstere Vorahnungen // *Wiener Zeitung*. 7 März 2016.

References

1. Baranovsky KY. Kvebekskii separatizm — ostraya problema Kanadskoi federatsii [Quebec Separatism — an Acute Problem of the Canadian Federation]. *USA&Canada: Economy — Politics — Culture*. 2001;(11):64–79. (In Russ.).
2. Khenkin SM. Separatism against the State: the Case of Catalonia. *Polis. Political Studies*. 2018;(3):167–173. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.11>
3. Muro D, Vidal D, Vlaskamp MC. Does international recognition matter? Support for unilateral secession in Catalonia and Scotland. *Nations and Nationalism*. 2020;26(1):177–186. <https://doi.org/10.1111/nana.12557>
4. Egorova M. North of Italy the secession or federal reform? *Geopolitica*. 2009;(30):88–91.
5. Oskolkov PV. Separatism in the ideology and practice of Flemish right-wing populist parties. *Vestnik MGIMO-universiteta*. 2017;56(5):171–174. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-5-56-169-182>

6. Krivorotov A.K. Greenland and Denmark: Arctic Secessionism in a Global Powerplay. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2021;14(1):128–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-1-6>
7. Iustinus Mlu. *Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi*. Saint Petersburg; 2005. (In Russ.).
8. Alekseev S.V. (trans.). *The chronicle of the priest of Duklyanin*. Saint Petersburg; 2005. (In Russ.).
9. Denikin A.I. *Istoriya russkoi smuty. Borba generala Kornilova. Avgust 1917 — aprel' 1918. [History of the Russian Time of Troubles. General Kornilov's Struggle. August 1917 — April 1918]*. Minsk; 2002. (In Russ.).
10. Primakov E.M. *Mysli vsluh [Thoughts Out Loud]*. Moscow; 2011. (In Russ.).
11. Weber M. Nauka kak prizvanie i professiya [Science as a Vocation and Profession]. In: *Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]*. Moscow; 1990. (In Russ.).
12. Weber M. Smysl «svobody ot otsenki» v sotsiologicheskoi i ekonomicheskoi nauke [The Meaning of “Freedom from Evaluation” in Sociological and Economic Science]. In: *Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]*. Moscow; 1990. (In Russ.).
13. Tatham M, Thau M. The More the Merrier: Accounting for Regional Paradiplomats in Brussels. *European Union Politics*. 2014;15(2):145–178.
14. Mikeš M. *Bosna i Hercegovina i vladavina prava [Bosnia and Herzegovina and the rule of law]*. Atlantik, Banja Luka: Atlantik; 2008. (In Serb.).
15. Ponomareva E.G. *Novye gosudarstva na Balkanah [New States in the Balkans]*. Moscow: MGIMO-Universitet; 2010. (In Russ.).
16. Chupic C. *Od vladavine kontrolisanog haosa do dobro uređenog demokratskog poretka, Nova srpska politichka misao [From the reign of controlled chaos to a well-ordered democratic order, New Serbian political thought]*. Beograd: Nova srpska politichka misao; 2001. (In Serb.).
17. Kuzmanovic R. *Ustavno parvo [Constitutional law]*. Banjo Luka: Pravni fakultet; 2002. (In Serb.).
18. Poplasen N. *Rushene Dejtona [Demolition of Dayton]*. Banja Luka: Insitit za međunarodno pravo i mezhunarodnu poslovnu saradnju; 2001. (In Serb.).
19. Ramet S.P. *Balkan babel: the disintegration of Yugoslavia from the death of Tito to the fall of Milošević*. Routledge; 2018.
20. Neskovic R. *Nedovršena drzhava. Politichki sistem Bosne i Hercegovine [An unfinished state. Political system of Bosnia and Herzegovina]*. Sarajevo: Friedrich Ebert Stiftung; 2013. (In Serb.).
21. Kuzmanovic R. *Eseji o ustavnosti i drzhavnosti [Essays on constitutionality and statehood]*. Banja Luka: Centar za publikacije Pravnog fakulteta; 2004. (In Serb.).
22. Calic M.J. *Geschichte Jugoslawiens im 20 Jahrhundert [History of Yugoslavia in the 20th Century]*. Wien: CH Beck; 2010.
23. Weber M. Politika kak prizvanie i professiya [Politics as a Vocation]. In: *Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]*. Moscow; 1990. (In Russ.).
24. Sundhaussen H. *Jugoslawien und seine Nachfolgestaaten 1943–2011: Eine ungewöhnliche Geschichte des Gewöhnlichen [Yugoslavia and its successor states 1943–2011: An unusual history of the ordinary]*. Böhlau, Wien; 2014.
25. Stojanovic D, Kamberovic H. *Ratovi 1990–ih u regionalnim historiografijama — Kontroverze, interpretacije, nasljede [Wars of the 1990s in regional historiographies — Controversies, interpretations, legacy]*. Sarajevo, 2020.
26. Krajišnik M. *Kako se rachala Republika Srpska [How the Republika Srpska was born]*. Banja Luka: Besjeda; 2016. (In Serb.).
27. Nikiforov K.V. *“Nachertanie” Ilii Garashanina i vneshnyaya politika Serbii v 1842–1853 gg. [Ilija Garashanin's “The Draft” and Serbia's Foreign Policy in 1842–1853]*. Moscow, 2015. (In Russ.).

28. Karaula Zh. Jedan povijesni izvor o nastanku ilirizma: “Kako je postao Ilirizam?” [One historical source on the origin of Illyrianism: “How did Illyrianism become?”]. *Zbornik Jankovich*. 2019;(4):112–138. (In Serb.).
29. Feldman A. Kállay’s dilemma on the challenge of creating a manageable identity in Bosnia and Herzegovina (1882–1903). *Review of Croatian History*. 2017;13(1):98–115.
30. Tretyakova M. *Makedoniya-2001. Novyi vitok krizisa: istoricheskie predposylki i politicheskie posledstviya* [Macedonia-2001. A New Round of Crisis: Historical Prerequisites and Political Consequences]. Moscow; 2021. (In Russ.).
31. Križanić J. *Politika* [Politics]. Moscow; 1965. (In Russ.).
32. Bachmann K. Orban-Rhetorik sorgt in Slowakei für düstere Vorahnungen [Orban’s rhetoric causes dark forebodings in Slovakia]. *Wiener Zeitung*. 7 März 2016.

Информация об авторах:

Шабига Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: shabaga-av@rudn.ru ORCID: 0000-0001-7610-9721. SPIN-код: 6526-4436.

Коёвич Сара — аспирант кафедры теории и истории международных отношений, ассистент кафедры иностранных языков, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: koevich_s@pfur.ru

Information about authors:

Andrey V. Shabaga — Doctor of Sciences (Philosophy), professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation, e-mail: shabaga-av@rudn.ru ORCID: 0000-0001-7610-9721. SPIN-code: 6526-4436.

Sara Kojovich — postgraduate student of the Department of Theory and History of International Relations, assistant of the Department of Foreign Languages, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation, e-mail: koevich_s@pfur.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-4-587-599

EDN: YFVUTL

Научная статья / Research article

Интерпретация идей Г. Бичер-Стоу в романе «Хижина дяди Тома» в контексте концепции «романтического расизма» Дж.М. Фредриксона

Е.Г. Зуева , Ил.-Р.К. Лухнева

Российский университет дружбы, Москва, Российская Федерация

 Illariya.lukhneva@bk.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена острыми междоусобными противоречиями во внутренней политике США: в условиях современной фазы расового конфликта вопрос справедливости и взаимоуважения остается центральным. В этом отношении наиболее интересным представляется рассмотреть данную проблему не с привычной точки зрения «расистов-южан», а со стороны аболиционистов, в основном представителей северных штатов, традиционно воспринимающихся в качестве поборников свободы и равенства. Цель исследования — изучение концепции «романтического расизма», представленной в монографии американского историка Дж.М. Фредриксона «Образ чернокожего в сознании белых» (The Black Image in the White Mind), которая была разработана автором для анализа и критики взглядов аболиционистов в США накануне Гражданской войны. Выявлены причины распространения в американском обществе образа чернокожего раба как прирожденного христианина, интерпретируются идеи Гарриет Бичер-Стоу в романе «Хижина дяди Тома, или Жизнь среди униженных» согласно указанной концепции.

Ключевые слова: аболиционизм, расовая дискриминация в США, рабство в США

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25.05.2024; принята к публикации 26.09.2024.

Для цитирования: Зуева Е.Г., Лухнева Ил.-Р.К. Интерпретация идей Г. Бичер-Стоу в романе «Хижина дяди Тома» в контексте концепции «романтического расизма» Дж.М. Фредриксона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 4. С. 587–599. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-587-599>

Interpretation of H. Beecher-Stowe's ideas in the novel "Uncle Tom's cabin" in the context of G.M. Fredrickson's concept of "romantic racism"

Elena G. Zueva , Illaria-Regina K. Likhneva

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 illariya.likhneva@bk.ru

Abstract. The relevance of the topic is determined by acute interracial contradictions in the internal politics of the United States. In the context of the current phase of racial conflict, the issue of justice and mutual respect remains central. In this regard, it is most interesting to consider this problem not from the traditional perspective of "Southern racists", but also from that of the abolitionists, primarily representatives of the Northern states, who are traditionally perceived as advocates of freedom and equality. The aim of this study is to study the monograph "The Black Image in the White Mind" by American historian George M. Fredrickson, which has not been thoroughly examined by domestic researchers before. The study explores the concept of "romantic racism", introduced by George M. Fredrickson for the analysis and critique of abolitionist views in the United States on the eve of the Civil War. The article identifies the reasons for the spread of the image of the Black slave as a born Christian in American society and interprets the ideas of Harriet Beecher Stowe in the novel "Uncle Tom's Cabin, or Life Among the Lowly" according to the stated concept.

Keywords: abolitionism, racial discrimination in the USA, slavery in the USA

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history: received 25.05.2024; accepted 26.09.2024.

For citation: Zueva EG, Likhneva II-RK. Interpretation of H. Beecher-Stowe's ideas in the novel "Uncle Tom's cabin" in the context of G.M. Fredrickson's concept of "romantic racism". *RUDN Journal of World History*. 2024;16(4):587–599. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-587-599>

Введение

Одним из самых ярких примеров литературы белого аболиционизма стал роман Гарриет Бичер Стоу «Хижина дяди Тома, или Жизнь среди униженных» (1852)¹.

Этот роман, направленный против рабства в США, вызвал большой резонанс, стал популярен за рубежом и был переведен на 37 языков. Однако в XX в. роман подвергся серьезной критике. Если в XIX в. в США христианское смирение считалось главным достоинством черной расы, то в XX в. подобный нарратив стали воспринимать в контексте ее слабости и униженности. Г. Бичер-Стоу как писательницу, закрепившую положительный образ

¹ Бичер-Стоу Г. Хижина дяди Тома / перевод с англ. Н. Волжиной. М. : АСТ, 2022.

чернокожего раба-христианина [1. С. 317], обвиняли в том, что позднее стали именовать «романтическим расизмом».

Термин «романтический расизм» впервые употребил Д.М. Фредриксон (1934–2008) — американский историк, изучавший историю расовой дискриминации и расизма в США и Южной Африке. В монографии «Образ чернокожего в сознании белых» (*The Black Image in the White Mind*, 1971) [2] ученый выявил и проанализировал культурную модель черной расы, которую одинаково восприняли Север и Юг США. Автор доказывал, что расовые стереотипы разделялись как плантаторами, так и аболиционистами, но созданный образ черной расы по-разному интерпретировался в зависимости от задач пропаганды каждой из сторон.

В российской историографии подробного разбора содержания термина «романтический расизм» не проводилось: констатируется лишь существование концепции без последующего раскрытия и комментариев. Например, в работах д-ра филол. наук О.Ю. Пановой² Дж.М. Фредриксон упоминается как автор этой концепции с единственной ссылкой на его работу. Исследования американского историка подробно российскими специалистами также не изучались³. На 2024 г. ни одна работа маститого исследователя расовых предрассудков не переведена на русский язык.

Мы предлагаем обратить внимание на исследование Дж.М. Фредриксона и комментарий главного аболиционистского романа XIX в. — «Хижина дяди Тома, или Жизнь среди униженных» — согласно теории «романтического расизма» американского историка.

«Романтический национализм» в США и «романтический расизм» Дж.М. Фредриксона

В культуре и гуманитарных науках Европы и Америки XIX в. наблюдался всплеск такого явления как «романтический национализм». Ставшая его основой идея «национального духа» была сформулирована Иоганном Готфридом фон Гердером. Немецкий философ и историк культуры утверждал,

² Список работ Пановой О.Ю., в которых упоминается термин «романтический расизм»: Панова О.Ю. «Точка сборки»: «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу и американская культурная модель черной расы // Литература двух Америк. 2022. № 13. С. 315–366. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-315-366>; Панова О.Ю. Негритянская литература США 18 — начала 20 века: проблемы истории и интерпретации: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014; Панова О.Ю. «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу в восприятии афроамериканцев // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10. № 2. С. 111–121. <https://doi.org/10.17072/2037-6681-2018-2-111-121>

³ В 1982 г. Дж.М. Фредриксон стал финалистом Пулитцеровской премии за историческое исследование с монографией «White Supremacy: A Comparative Study of American and South African History» («Превосходство белых: сравнительное исследование истории Америки и Южной Африки»).

что каждый народ, населяющий землю, обладает духовностью и определенным складом сознания, характерными для всех его представителей. Ученый избегал сравнения наций и культур, но стремился выделить ту черту каждого народа, которая составляла бы его неповторимую индивидуальность. Однако большинство историков XIX в. целью исследований видели не рассмотрение разнообразия культур, но построение собственной национальной истории на принципах избранности, уникальности, подчеркивали врожденные достоинства своей нации в противовес недостаткам «соседей».

Романтический национализм приобрел особенно широкую популярность в государствах, остро нуждавшихся в построении своей национальной истории. Таким государством были и США, осознававшие свое отставание от Старого Света в построении «исторического мифа».

В США основой для романтического национализма стало представление о превосходстве белых, или англосаксов. Эта идея была широко распространена в кругах как защитников, так и критиков рабовладельческого строя. Белый человек считался носителем любви к свободе, разумности как таковой, способным к индивидуальному порыву, в отличие от других рас и коренных народов, населявших американский континент в XIX в.

Известный политический теоретик прусского происхождения Фрэнсис Либер, боровшийся за права чернокожих в Америке, в своем политологическом труде «О гражданской свободе и самоуправлении» («On civil liberty and self-government») писал об «англиканской свободе» (в тексте «anglican liberty») как об удивительном сочетании индивидуальной свободы со способностью к национальному единению и совместным действиям, свойственным всей «англиканской расе». На этой этнической и расовой основе, согласно Ф. Либеру, сформировались в США республиканские институты [3. С. 51–55].

Его идею развил Теодор Паркер — американский религиозный деятель и аболиционист, утверждавший, что особые черты англосаксонской расы достигли апогея в своем развитии именно в США: «Я думаю, что это (американская нация — *Е.З., И.Л.*) — лучший представитель человечества, который когда-либо достиг величайшей власти в мире» [2. С. 101].

А какое место в этом обществе предусматривалось для афроамериканцев? К 50-м гг. XIX в. в США под влиянием дискуссий прошлых лет сложилось два основных взгляда на природу негра. Первый, биологический (по Дж.М. Фредриксону), рассматривал укоренившиеся представления о расовых отличиях как особенностях природы белых и чернокожих, где последние считались жалкими, неумелыми существами, неспособными к самоуправлению и развитию, поскольку им не хватало смелости и разумности белого человека. Представители второго подхода, противники рабства, основывавшие свои взгляды на религиозной концепции, усматривали в названных чертах чернокожих «искупительные достоинства» и даже свидетельства «превосходства черных» [2. С. 102]. В представлении многих аболиционистов

негры — преданные, любящие, отзывчивые существа, не способные к самостоятельному развитию, но, подобно детям, тянущиеся за примером от взрослых — белой расы. Этих белых аболиционистов, создававших «хвалебный образ» черной расы, Дж.М. Фредриксон и назвал «романтическими расистами».

Согласно Дж.М. Фредриксону, «романтический расизм» — это доктрина, которая признавала расовые различия, но отвергала четко определенную расовую иерархию [2. С. 107]. Многие аболиционисты верили, что именно за черной расой — христианское будущее человечества, так как чернокожие превосходят англосаксонскую расу в христианских добродетелях — смирении и покорности; они ограничены интеллектуально, но открыты душой к Богу.

Распространение идей «романтического расизма», начиная с 40-х гг. XIX в., Дж.М. Фредриксон объясняет тем, что чернокожие стали символом растущего недовольства: после избирательной кампании У. Харрисона политика, казалось, превратилась в беспринципную популистскую борьбу за власть⁴. Аннексию Техаса (1845 г.) с возможностью распространить туда плантационный тип хозяйства и победу в Мексиканской войне (1846–1848 гг.) во многих штатах восприняли с воодушевлением, как «предначертание судьбы». Однако часть американцев была против грубой экспансионистской политики своего государства и рассматривала ее как проявление грехов англосаксонской расы. Это приводило к идеологическому расколу общества, ведь «если белые вели себя именно так, а сторонники рабства открыто восхваляли агрессивный, воинственный и властный характер англосаксов, то, возможно, что-то с этой расой было не так» [2. С. 108].

Идеализированный образ негра — покорного, спокойного, по-детски наивного — стал способом скорректировать самоощущение и самопрезентацию белой расы. Аболиционисты пытались через идеализацию черт черной расы показать, что чернокожие находятся ближе к Богу и у них необходимо учиться смирению и добродетели; «поэтому благожелательные реформаторы были склонны рассматривать негра скорее как символ, чем как личность, скорее

⁴ В ходе президентской кампании 1840 г. от партии вигов избирался 67-летний У. Харрисон. Возраст кандидата вызвал недовольство выборщиков. Главный редактор журнала «Baltimore Republican» Джон де Зиска высмеял Харрисона, написав: «Дайте ему бочку крепкого сидра и назначьте ему пенсию ... он будет сидеть остаток своих дней в своей бревенчатой хижине у камина и изучать философию морали!». Партия вигов использовала этот выпад, чтобы представить аристократа Харрисона простым человеком из народа. Виги успешно использовали новые политические технологии — популистский подход, митинги, многочисленные лозунги в СМИ и даже выпускали «мерч» — плакаты, рисунки, картины и чайные сервизы с изображением бревенчатой хижины и сидра или надписью «Log Cabin and Hard Cider». Харрисон выиграл выборы 1840 г. Через месяц после инаугурации президент скончался от пневмонии. Исследователи отмечают, что выборы 1840 г. были скорее политическим фарсом, нежели адекватным волеизъявлением американцев: хорошая пиар кампания пожилого Харрисона победила в борьбе с демократами, которых обвиняли в экономическом кризисе.

как средство социальной критики, чем как человеческое существо с нормальным набором добродетелей и пороков» [2. С. 109].

Дж.М. Фредриксон задается вопросом: насколько хорошо аболиционисты и им сочувствовавшие знали чернокожих, отмечая смирение как главную и иногда единственную их добродетель? Миф о кротости черных рабов успел прижиться в сознании аболиционистов, ведь после самого крупного и кровопролитного Вирджинского восстания Ната Тернера в 1831 г. на Юге до Гражданской войны не было массовых восстаний.

Напомним, что представляло собой это восстание. В работе «Вопросы ранней биографии Ната Тернера» А.А. Шумаков убедительно доказывает, что восстание в Саутгемптоне не было личной вендеттой, актом отчаяния или попыткой побега. Нат Тернер тщательно планировал восстание на протяжении нескольких лет, убеждал негров примкнуть к нему, пользуясь своими «откровениями». В своих «Признаниях»⁵ Тернер называет конкретную дату — 12 мая 1828 г., когда к нему пришло откровение об освобождении: «Дух сказал, что Христос снял иго, которое он нес за грехи человеческие, и что я должен принять его и сразиться со Змеем, потому что скоро придет время, когда первые станут последними, а последние — первыми» [4. С. 138].

Восстание началось ночью 22 августа 1831 г. Восставшие не использовали имевшееся у них огнестрельное оружие, чтобы не привлекать лишнего внимания, поэтому основным оружием в ночную фазу восстания были топоры. Отряд не щадил никого: жертвами были женщины, дети (в т.ч. младенцы), наемные рабочие на фермах, хозяева ферм, не владевшие рабами. Размах насилия во время восстания можно назвать беспрецедентным. Это подчеркивали буквально все участники событий и авторы газетных публикаций и отчетов. Восставшие рабы убивали всех белых вне зависимости от пола и возраста. Очевидно, что все это было частью плана Тернера и его группы. В своих «Признаниях» он подчеркивает, что все убийства осуществлялись целенаправленно, хладнокровно и методично [5. С. 569]. От рук восставших погибло 60 белых, примерно 100 чернокожих было убито силами ополчения в ходе подавления восстания. На рассвете 23 августа отряд был разбит. Нат Тернер шесть недель скрывался в лесах, но его схватили и казнили через повешение 11 ноября 1831 г. [6. С. 313].

Разумеется, и после восстания Ната Тернера чернокожие рабы сбегали на Север и в Канаду, нападали на своих хозяев и т.п., но это были единичные случаи, которые не получали широкого освещения. Поэтому «тишина» после восстания Тернера была истолкована Севером как проявление естественной покорности рабов, а выступление Ната оценивалось современниками как

⁵ После казни Тернера Томас Раффин Грей, местный адвокат, опубликовал статью «Признания Ната Тернера», основанную на расследованиях, проведенных, пока Тернер был в бегах, и беседах с ним самим с момента его ареста до суда.

единственное исключение. В 1862 г. сенатор Чарльз Самнер из Массачусетса на критику «Прокламации об освобождении рабов» уверенно заявил, что кровавых восстаний негров после их освобождения удастся избежать, ведь «африканец не жесток, не мстителен и не груб, но мягок, добр и всепрощающ» [7. С. 226].

Интерпретация идей романа «Хижина дяди Тома» в контексте концепции «романтического расизма»

Согласно теории Дж.М. Фредриксона, образ негра как прирожденного христианина получил свое наиболее полное воплощение в романе Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома».

Главный герой произведения — пожилой негр дядя Том. В романе он — воплощение христианской веры, которая в его случае проста и по-детски наивна. Его религиозные чувства созвучны вере маленькой Евы, дочери пресыщенного благами и уставшего от жизни аристократа Сен-Клера. Том не просто негр, он типичный представитель евангельской «религии сердца» — воплощение идеала романтических расистов — «ибо по натуре своей негры гораздо восприимчивее к религии, чем белые»⁶.

Дядя Том обладает мягкостью, способностью к прощению, покорному смирению, в целом, чертами, которые, по мнению «романтических расистов», без сомнения были свойственны всем представителям черной расы.

Белая раса — «твердая, привыкшая повелевать» (hard and dominant) — противопоставляется в романе африканской расе — «мягкой и беззащитной» (soft and helpless). Грех, который совершают белые, делая чернокожих своими рабами, оказывается еще более жестоким и отвратительным в силу особенностей черной расы — «народа мягкого, кроткого, умеющего полагаться на силу более могучего интеллекта и на власть, сосредоточенную в других руках, — народа, по-детски привязчивого и незлобивого»⁷. Все пороки чернокожих — лень, грубость, ребячество, по мнению борцов с рабством, спровоцированы отношением господствующей взрослой белой расы по отношению к низшей. Англосаксонская раса извратила природный чистый нрав африканцев. «Я всегда старалась выполнять свой долг по отношению к этим несчастным, бесхитростным существам, которые всецело зависят от нас», — говорит миссис Шелби, хозяйка Элизы, во время обсуждения с мужем продажи рабов⁸.

Главные действующие лица, кроме дяди Тома, — квартероны Джордж и Элиза. Интересно, что по сюжету после побега они успешно скрывались

⁶ Бичер-Стоу Г. Хижина дяди Тома ... С. 295.

⁷ Там же. С. 325.

⁸ Там же. С. 44.

среди белых, поскольку их кожа была настолько светла, что они даже не казались мулатами.

Если происхождение Элизы в романе не уточняется, то про судьбу Джорджа мы знаем следующее: «По отцу Джордж был белый. Его мать, одна из тех несчастных девушек, которых красота губит, стала жертвой страсти своего хозяина и матерью детей, росших без отца. Внешность европейца и пылкий, неукротимый дух достались Джорджу от отцовского рода»⁹.

Благодаря этой цитате, мы можем рассмотреть те ответы, которые казались верными аболиционистам в разрешении проблемы смешения рас. Романтическая концепция расовых различий была также полезна для объяснения предполагаемых последствий смешения рас. На протяжении всего романа Джордж, Элиза и рабыни плантатора Легри — Кэсси и Эммелина (все квартиранты) — отличаются от чистокровных негров своим характером: они активно сопротивляются своему положению (сбегают, вступают в открытую конфронтацию с белыми). Согласно рассматриваемой теории, в этих героях внутреннюю победу одерживала белая, англосаксонская кровь, поскольку, черная раса «покорна от природы». Страдания и душевные терзания испытывают именно мулаты, в то время как старый негр дядя Том спокойно и смиренно сносит все удары судьбы: он не думает о побеге и сопротивлении злу в лице Легри.

По сюжету и лирическим отступлениям мы понимаем, что сама Г. Бичер-Стоу находится на стороне «непротивления злу»: дядя Том, умирающий в муках после перенесенных пыток, не чувствует ненависти и злобы, он умирает счастливым, осознавая, что его дух был не сломен хозяином Легри: «Кто разлучит нас с любовью Христовой?»¹⁰.

Поведение Джорджа в романе воспринимается как девиантное: «Я буду драться за свою свободу до последней капли крови! Так поступали ваши предки, и такое же право есть на это у меня»¹¹. При этом Джордж не призывает в романе к восстанию, но даже его побег воспринимается как отчаянный, безрассудный и смелый жест (эпитеты, которые традиционно не использовались применительно к чернокожим в аболиционистской риторике).

Совершив побег от жестокого хозяина, разделившего его с женой и малолетним сыном, Джордж не получает одобрения своим действиям, а лишь слова сочувствия от своего белого знакомого с фермы: «Ты затеял опасную игру. Послушайся моего совета, брось» и «Да, сын мой, мне тебя очень жаль... Но как сказано у апостола: «Каждый оставайся в том звании, в котором призван». Надо принимать то, что посылает нам провидение, Джордж»¹². Из приведенного фрагмента мы понимаем, что любое поведение негров, кроме

⁹ Бичер-Стоу Г. Хижина дяди Тома ... С. 140.

¹⁰ Там же. С. 534.

¹¹ Там же. С. 145.

¹² Там же. С. 140, 143.

покорного смирения судьбе, воспринималось как отклонение от нормы (христианской, мифологизированной) и пугало белых.

Г. Бичер-Стоу выступает против смешанных браков, ведь если проблема рабства не будет решена «сверху», то белая кровь полукровок взбунтуется, и начнутся массовые восстания рабов, которые приведут к многочисленным жертвам: «Сыновьям белых отцов, в жилах которых бурлит наше высокомерие, не вечно же быть предметом купли, продажи и обмена. Они восстанут и поднимут за собой каждого своего брата по матери»¹³.

Надеясь избежать угрозы от бунтов «неполноценных негров» (мулатов), северяне в большинстве своем выступали за сохранение чистоты рас, но допускали возможность позитивного влияния негров на белое общество, когда бывшие рабы, оказавшись на свободе, распространили бы свои христианские добродетели на англосаксов. «Мы хотим, чтобы они были, чтобы наш суровый и алчный дух мог быть смягчен видом негров» [2. С. 124].

Отрицая неравенство белых и негров перед Создателем, рабовладение и дискриминацию в обществе, Г. Бичер-Стоу тем не менее подчеркивает расовые отличия, утверждая идею инаковости, несхожести чернокожих и белых, что ставит, по мысли писательницы, под сомнение возможность их сосуществования в рамках одной цивилизации [1. С. 322]. Г. Бичер-Стоу последовательно, через переживания Джорджа, проводит мысль о невозможности негров стать полноправными американскими гражданами.

В конце романа освободившийся Джордж с семьей решает уехать в Либерию, чтобы построить там настоящее африканское государство. В письме к неназванному другу он говорит о том, что не хочет быть гражданином США, поскольку не желает жить в одной стране с людьми, угнетавшими его и его «братьев», хотя осознает, что имеет на это право: «У нас прав больше, чем у обычных людей, — мы говорим о справедливости в отношении пострадавшей расы. Но повторяю: я от этого отказался. Я хочу жить в своей стране, среди своего народа»¹⁴.

Африка в романе выступает той самой средой, цивилизацией, где негры могли бы наиболее полно реализоваться как раса, стоящая гораздо ближе к Богу: «Я верю и надеюсь, что развитие Африки будет осуществляться главным образом на путях христианских»¹⁵.

Снова мы наблюдаем идею христианского смирения: Джордж, такой воинственный и самоуверенный в начале романа, выбирает не борьбу с рабовладельческой системой, а побег за океан. Г. Бичер-Стоу явно указывает на решение расового конфликта — необходимо вернуть всех негров на родину, в Африку, чтобы белые освободились от ярма в виде рабовладения,

¹³ Бичер-Стоу Г. Хижина дяди Тома ... С. 345.

¹⁴ Там же. С. 553. ¹⁵ Там же. С. 554.

но не утруждали себя интеграцией необразованных, замученных, озлобленных бывших рабов в государственную систему США. Экспатриация Джорджа и Элизы Харрис стала тем сценарием для последующего искоренения рабства, который распространялся в среде белых активистов-аболиционистов и белых либералов-южан, включая некоторых рабовладельцев [8].

Подобные мысли, чувства и решения сформировали движение «Назад в Африку», которое поддерживали не только аболиционисты, но и часть афроамериканцев. Так, известный чернокожий аболиционист Генри Хайленд Гарнет писал: «Я за колонизацию любой части Соединенных Штатов, Мексики, Вест-Индии или Африки. Я предпочел бы видеть человека свободным в Либерии, чем рабом в Соединенных Штатах» [9. С. 150]. При этом Г.Х. Гарнет критиковал созданное белыми «Американское колонизационное общество». Мартин Робинсон Делани также выступал против проекта колонизации, предложенного белыми аболиционистами, но поддерживал идею переселения чернокожих: вместо Либерии М.Р. Делани предлагал в качестве новой родины черной расы в Новом Свете страны Вест-Индии, а также Центральной и Южной Америки [10. С. 146].

Однако большинство чернокожих аболиционистов выступало резко против проекта репатриации африканцев на «историческую родину». Так, например, Фредерик Дуглас, писатель, просветитель, лидер негритянского освободительного движения призывал к жизни чернокожих и белых в одном государстве на равных условиях. Ф. Дуглас верил в то, что в будущем Америка будет стыдиться рабовладения и расизма, и вместе с тем видел огромные трудности сегодняшнего и завтрашнего дня, связанные с тем, что расизм глубоко въелся в душу всего американского народа [11. С. 140]. При этом, однако, Ф. Дуглас подчеркивал в своих рецензиях и статьях огромную роль романа «Хижина дяди Тома» в просвещении нации по вопросу рабовладения через показ его страшных сторон [12. С. 112].

В XX в. критика романа достигает своего апогея: образ дяди Тома трактовался как крайне негативный и оскорбительный для черной расы.

Концепция «романтического расизма» была благосклонно принята американским обществом. Однако российская исследовательница О.Ю. Панова подвергла идеи Дж.М. Фредриксона критике. Она считает, что Г. Бичер-Стоу пыталась определить «гений черной расы», а также отобразила в романе различия в характере южан и северян, а потому обвинения в расизме в адрес писательницы беспочвенны. При этом она констатирует, что произведение было написано белым человеком для белых читателей: «на первом плане находятся представители белой расы и те нравственные и общественные проблемы, которые стоят перед ними» [1. С. 323].

В лирических отступлениях Г. Бичер-Стоу ведет диалог с белой Америкой, которая позволяет рабству — порождению дьявола — существовать в США. Рабство угнетает Г. Бичер-Стоу как факт антирелигиозного отношения

к ближнему; это крест, который ее раса вынуждена нести в силу собственного эгоцентризма. Эта мысль подтверждает идею Дж.М. Фредриксона о том, что белые аболиционисты использовали чернокожих лишь как символ, мало заботясь об их личностных переживаниях.

Заключение

Концепция «романтического расизма» прекрасно укладывается в рамки современных общественных представлений американского общества, связанных с остротой межрасовых отношений, выраженных в так называемой «новой этике». Совершенно очевидно, что на современном этапе в США даже неверно подобранное слово в отношении афроамериканца будет считаться оскорблением чести и достоинства. В XXI в. принцип историзма как будто перестает существовать, когда мы начинаем говорить о расовой дискриминации и глубоком системном расизме в США, а потому аболиционисты, борющиеся за освобождение и предоставление гражданских прав чернокожим, в сознании современного человека могут представать расистами. Это можно считать недостатком исследования Дж.М. Фредриксона и созданной им концепции. Однако мы считаем, что работа Дж.М. Фредриксона являет собой пример оригинального исторического исследования, детально рассмотревшего проблему рабства и расизма, проникшего глубоко в сознание белых граждан США.

Список литературы

1. Панова О.Ю. «Точка сборки»: «Хижина дяди тома» Г. Бичер-Стоу и американская культурная модель черной расы // Литература двух Америк. 2022. № 13. С. 315–366. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-315-366>
2. Fredrickson G.M. The Black image in the white mind. The Debate on Afro-American Character and Destiny, 1817–1914. Hanover, NH: Wesleyan University Press, 1987. 334 p. URL: file:///C:/Users/user/Downloads/George_M_Fredrickson_The_Black_Image_in_the_White_Mind_The_Debate.pdf (Дата обращения: 26.09.2024).
3. Lieber F. On Civil Liberty and Self-Government, Enlarged Edition. Philadelphia : J.B. Lippincott and CO, 1859. 629 p. URL: <https://archive.org/details/oncivillibertya00liebgoog/page/n14/mode/2up> (Дата обращения: 26.09.2024).
4. Шумаков А.А. Вопросы ранней биографии Ната Тернера // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 4 (50). С. 133–144. <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2021-05-04-133-144>
5. Шумаков А.А. Причины поражения восстания Ната Тернера // Via in tempore. История. Политология. 2022. Т. 49. № 3. С. 563–574. <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2022-49-3-563-574>
6. Шумаков А.А. Восстание Ната Тернера: хроника основных событий // Historia provinciae — журнал региональной истории. 2023. Т. 7. № 1. С. 294–335. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-1-7>
7. Sumner Ch. Works. Boston : Lee and Shepard, 1874. 226 p. URL: <https://archive.org/details/workscharlessum12sumngoog/page/10/mode/2up> (Дата обращения: 26.09.2024).

8. Шермерхорн К. Скованные чувства: Рабовладение в США и зарождение афроамериканского романа в 1850–1862 годах // Новое литературное обозрение / перевод с англ. И. Горькова. 2016. № 141. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/141_nlo_5_2016/article/12193/ (Дата обращения: 25.09.2024).
9. Шумаков А.А. Генри Хайленд Гарнет — голос радикального афроамериканского аболиционизма середины XIX в. // Вестник Брянского государственного университета. 2023. № 3 (57). С. 143–160. <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2023-07-03-143-160>
10. Шумаков А.А. Жизнь Мартина Робинсона Делани и эволюция его идейно-политических взглядов // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 1 (47). С. 141–153. <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2021-05-01-141-153>
11. Удлер И.М. Ф. Дуглас — публицист в борьбе против рабства и его последствий (1861–1865) // Вестник Челябинского государственного университета. 1997. Т. 2. № 1. С. 137–143.
12. Панова О.Ю. «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу в восприятии афроамериканцев // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10. № 2. С. 111–121. <https://doi.org/10.17072/2037-6681-2018-2-111-121>

References

1. Panova OYu. Assemblage Point: Uncle Tom's Cabin and the American Racial Cultural Identity Model. *Literature of the Americas*. 2022;(13):315–366. (In Russ.). <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-315-366>
2. Fredrickson GM. The Black image in the white mind. The Debate on Afro-American Character and Destiny, 1817–1914. Hanover, NH: Wesleyan University Press, 1987. Available from: file:///C:/Users/user/Downloads/George_M_Fredrickson_The_Black_Image_in_the_White_Mind_The_Debate.pdf [Accessed from 26.09.2024].
3. Lieber F. On Civil Liberty and Self-Government, Enlarged Edition. Philadelphia: J.B. Lippincott and CO, 1859. Available from: <https://archive.org/details/oncivillibertya00liebgoog/page/n14/mode/2up> [Accessed from 26.09.2024].
4. Shumakov AA. Questions of early biography of Nat Turner. *The Bryansk State University Herald*. 2021;50(4):133–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2021-05-04-133-144>
5. Shumakov AA. Reasons for the defeat of the Nat Turner uprising. *Via in tempore. History and political science*. 2022;49(3):563–574. (In Russ.). <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2022-49-3-563-574>
6. Shumakov AA. Nat Turner's Rebellion: A Chronicle of Major Events. *Historia Provinciae — the Journal of Regional History*, 2018;7(1):294–335. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-1-7>
7. Sumner Ch. Works. Boston: Lee and Shepard, 1874. Available from: <https://archive.org/details/worksscharlessu12sumngoog/page/10/mode/2up> [Accessed from 26.09.2024].
8. Schermerhorn C. Chained Sentiment: United States Slavery and the Emerging African American Novel, 1850–1862. *Novoe literaturnoe obozrenie [New literary observer]*. 2016;141(5):336–359. Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2016/5/skovannye-chuvstva-rabovladenie-v-ssha-i-zarozhdenie-afroamerikanskogo-romana-v-1850-1862-godah.html> [Accessed from 25.09.2024]. (In Russ.).
9. Shumakov AA. Henry Highland Garnet — the voice of radical african-american abolitionism in the in the nineteenth century. *The Bryansk State University Herald*. 2023;57(3):143–160. (In Russ.). <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2023-07-03-143-160>
10. Shumakov AA. The life of Martin Robinson Delany's and evolution his ideological and political views. *The Bryansk State University Herald*. 2021;47(1):141–153. (In Russ.). <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2021-05-01-141-153>

11. Udler IM. F. Douglas — publitsist v bor'be protiv rabstva i ego posledstviu (1861–1865) [F. Douglas — publicist in the struggle against slavery and its consequences (1861–1865)]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 1997;2(1):137–143. (In Russ.).
12. Panova OYu. Uncle Tom's Cabin by Harriet Beecher Stowe: African American Responses. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2018;10(2):111–121. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2037-6681-2018-2-111-121>

Информация об авторах:

Зуева Елена Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, 117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: zueva-eg@rudn.ru ORCID: 0000-0001-8834-3398. SPIN-код: 1303-9550.

Лухнева Иллариya-Регина Кирилловна — магистрант кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, 117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: illariya.lukhneva@bk.ru

Information about authors:

Elena G. Zueva — PhD (In History), Associate Professor of the Department of World history, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation, e-mail: zueva-eg@rudn.ru ORCID: 0000-0001-8834-3398. SPIN-code: 1303-9550.

Illaria-Regina K. Lukhneva — Master student of the of the Department of World History, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation, e-mail: illariya.lukhneva@bk.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК
